

АННА ПОДСВИРОВА:

*«Все мои роли
рождены в любви и с любовью»*

*О жизни и творчестве Надежды Бабкиной
читайте на стр. 50*

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Под парусами фантазии	4
<i>Евгения Гордиенко</i>	Аристократ родом из босяцкого детства	75

Из российской истории

<i>Денис Логинов</i>	Трижды воскресшая	15
----------------------	--------------------------------	----

К 130-летию со дня рождения Марины Цветаевой

<i>Людмила Маршезан</i>	Див-сюр-Мер и Марина	24
-------------------------	-----------------------------------	----

Фантастика

<i>Ирина Чугина</i>	Двойник Энн	38
---------------------	--------------------------	----

Судьбы

<i>Виктор Елисеев</i>	«Друг гитары»	45
-----------------------	----------------------------	----

Замечательные современники

<i>Дмитрий Соколов</i>	Надежда Бабкина: «Я испытываю настоящую эйфорию, когда выхожу на сцену»	50
<i>Елена Воробьева</i>	Анна Подсвинова: «Я всегда мечтала быть универсальной актрисой»	97

Непридуманная история

<i>Валерий Рыженко</i>	Старик и дельфин	57
------------------------	-------------------------------	----

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Джотто, комета Галлея и другие	66
---------------------	---	----

Это интересно

<i>Михаил Сергеев</i>	Самый «пожилой» дебютант команды, ставший ее легендой	84
<i>Дмитрий Зелов</i>	Та самая аптека	102

Поэзия

<i>Иван Переверзин</i>	Стихи	90
------------------------	--------------------	----

Звезды не гаснут

<i>Георгий Кричевский</i>	Торжество жизни перед лицом смерти	110
---------------------------	---	-----

Детектив

<i>Андрей Дышев</i>	Жизнь на кончиках пальцев	126
---------------------	--	-----

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса Театра Романа Виктюка
Анна Подсвинова.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 23.08.2022

«Все знают великого князя Дмитрия Донского, победителя Куликовской битвы. Но мало кто помнит княгиню Евдокию – женщину, которая все время была с ним рядом, любила и поддерживала его. Эта пара жила в тяжелое и печальное время Руси, когда царствование Донского преследовали постоянные войны, разорения и болезни. Но, несмотря на это, супруги были счастливы. Дмитрию было 15 лет, а невесте — 13. Брак, заключенный по политическим мотивам, превратился в брак по любви. В мире и согласии супруги прожили 22 года. Евдокия родила 12 детей, 8 из них — сыновей. Но беда оказалась совсем рядом. В 1389 году князь Дмитрий умер, ему было всего лишь 38 лет. Княгиня Евдокия была безутешна, сохранился ее плач по супругу, в котором есть такие слова: «Вместе с тобой жила, с тобой и умереть хочу...»

Денис **Логинов** «Орел и голубка»

«Он был невероятно разносторонним человеком — актером, режиссером, сценаристом, писателем. Казалось, Шукшин чувствовал, что ему отмерен слишком короткий жизненный путь, поэтому старался многое успеть и наверстать — и в жизни, и в литературе, и на экране. В памяти людской он остался истинно народным писателем, потому что сам вышел из народа и прекрасно знал все его проблемы. Литературный дар открылся в нем сразу после демобилизации из армии, и он очень хотел стать сценаристом. Но, подав документы на сценарный факультет, по воле судьбы, оказался на режиссерском. В те же годы Шукшин дебютировал и как писатель, именно в журнале «Смена» был опубликован его первый рассказ «Двое на телеге». У него была масса замыслов, которые он хотел воплотить на экране и в литературе, но, увы, не успел. Скончался Василий Шукшин в 1974 году, ему было всего 45 лет.»

Юрий **Осипов** «Василий Шукшин: «Будь человеком!»

«Великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев был удивительным человеком с необычайно широким и разнообразным кругом интересов, среди которых было также и воздухоплавание. В последней четверти XIX столетия в небе безраздельно господствовали воздушные шары-гондолы, и воздухоплателей порой так и называли — гондольерами. Менделееву тоже очень хотелось взмыть в небо и полететь. Случай представился в августе 1887 года, да еще какой — Дмитрий Иванович на воздушном шаре стал очевидцем редкого природного явления — солнечного затмения. Позже он говорил о причинах, побудивших его отважиться на этот опасный эксперимент: «О нас, профессорах и вообще ученых, думают повсюду, что говорим, советуем, но практическим делом владеть не умеем. Мне хотелось продемонстрировать, что это мнение несправедливо в отношении к естествоиспытателям, и мне казалось, что полезно продемонстрировать наше умение владеть практикой, чтобы стала известна правда вместо предрассудка».

Юрий **Прокочук** «Полет на воздушном шаре»

«Новый роман Анны и Сергея **Литвиновых** «Вижу вас из облаков»

Под парусами фантазии

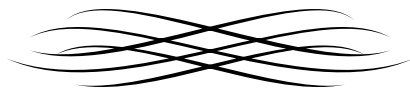

«Русский Жюль Верн», «писатель-пророк» — такими эпитетами наделяли этого человека, сумевшего в яркой художественной форме предугадать на страницах своих романов многое из того, что появилось только в будущем. Достаточно назвать акваланг, орбитальную космическую станцию, пересадку органов... А еще он предрек собственную смерть, хотя и не был ясновидящим.

Следя за достижениями науки и техники, изучая труды по медицине и биологии, переписываясь с учеными, Беляев подмечал ростки нового, которые скрывались от обывательского взгляда, и понимал, какого прогресса достигнет человечество, на пороге каких грандиозных открытий оно стоит.

Александр Беляев оказался первым советским писателем, полностью посвятившим себя научной фантастике. Фактически это он открыл дорогу братьям Стругацким и другим отечественным мастерам столь популярного литературного жанра. О главных его произведениях — «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», «Звезда КЭЦ», «Ариэль» — высоко отзывались корифеи мировой научной фантастики, начиная с Г. Уэллса и кончая Р. Бредбери и А. Кларком.

И сегодня, спустя многие десятилетия после выхода в свет книг А. Беляева, читать их по-прежнему очень увлекательно и поучительно.

Александр Романович Беляев родился в марте 1884 года в Смоленске, в семье православного священ-

ника. Мать, Наталья, занималась домом и детьми, коих вместе с Сашей было трое.

К несчастью, старшая сестра будущего писателя скончалась еще в раннем детстве от саркомы легкого, а брат утонул, катаясь на лодке, будучи уже студентом ветеринарного института.

Отец настоял на том, чтобы Саша поступил в духовную семинарию, которую тот окончил в 1901 году, причем убежденным атеистом. Пылкий, азартный, увлекающийся, Александр еще в семинарии самостоятельно освоил рояль и скрипку и с разрешения ректора музицировал часами. Другой забавой юноши стала художественная фотография (сделанная им в те годы фотокомпозиция «человеческая голова на блюде в синих тонах» словно предвосхищает сюжет его знаменитого романа «Голова профессора Доуэля»). А еще он занимался в юности изучением

тах. В детстве пытался взлететь, привязав к рукам веники, прыгал с крыши сарая с зонтом вместо парашюта, а позже изготовил самодельный парашют из маминых простыней. Смастерил оригинальный планер и однажды при очередной попытке взлететь неудачно упал с крыши. Травма эта сказалась впоследствии — с 35 лет Александр Романович мучился от болей в позвоночнике и даже бывал парализован на долгие месяцы.

Неожиданно молодого человека потянуло к актерству. В марте 1901 года он подписал контракт с театром смоленского Народного дома и целый год выступал в разных спектаклях. После смерти отца пришлось подрабатывать: давал частные уроки, рисовал театральные декорации, играл на скрипке в орке-

Молодой адвокат и журналист оставался завзятым театралом: играл в спектаклях домашнего театра, писал для него незатейливые одноактные интермедии, сам их ставил и делал эскизы декораций. И вот в московском детском журнале «Проталинка» появилась пьеса Беляева «Бабушка Мойра». После этого перед начинающим автором открылось серьезное литературное поприще

эсперанто и изобрел стереоскопический проекционный фонарь.

Будущий писатель рос непоседой, выдумщиком всевозможных розыгрышей и шуток. Он мечтал о поле-

стре цирка Труцци, печатал в городских газетах музыкальные рецензии.

Первую русскую революцию 1905 года учащийся юридического лица

Александр Беляев встретил на строительстве баррикад. И в дальнейшем поддерживал связь с группой социал-революционеров, в связи с чем находился под негласным надзором губернского жандармского управления. В секретных отчетах жандармерии он проходил под кличкой «Живой». В августе 1906-го, когда занятия в лицее возобновились, за Беляевым была установлена слежка, а в ноябре у него на квартире произвели обыск.

И все же спустя три года Александр благополучно окончил лицей, вернулся в Смоленск и начал заниматься юридической практикой, заняв должность помощника присяжного поверенного, а затем — и самого присяжного поверенного. Вскоре он заслужил репутацию хорошего адвоката и обзавелся постоянной клиентурой. Еще раньше неудачно женился, а в 1913 году вступил во второй брак с Верой Былинской. Чтобы содержать семью, подрабатывал репортажами с театральными концертами премьер и критическими заметками о губернской литературной жизни в газете «Смоленский вестник», куда со временем перешел на штатную работу.

Адвокатскую практику Беляев тоже не бросал и за защиту одного богатого лесопромышленника получил щедрый гонорар. Его материальные возможности заметно возросли — появились большая арендованная квартира, хорошая обстановка, кол-

лекция картин, домашняя библиотека... В 1915 году он совершил длительное путешествие по Европе, во время которого осуществил давнюю мечту — поднялся в воздух на гидроплане.

Молодой адвокат и журналист оставался завзятым театралом и театральным деятелем: играл в спектаклях домашнего театра, писал для него незатейливые одноактные интермедии, сам их ставил и делал для них эскизы декораций. И вот в московском детском журнале «Проталинка» появилась пьеса Беляева «Бабушка Мойра», и перед начинающим автором открылось серьезное литературное поприще.

Тогда же, в 1915 году, Александр Романович заболел костным туберкулезом позвонков, осложнившимся параличом ног. Тяжелая болезнь на шесть лет приковала его к постели, причем три первых года он пролежал в гипсовом корсете. Молодая жена отказалась ухаживать за больным мужем и покинула его. Удары судьбы писатель принял стоически. Он переехал в Ростов-на-Дону, стал сотрудничать с местной газетой «Приазовский край» и опубликовал в ней свой первый фантастический рассказ.

Поиски врачей-специалистов по костному туберкулезу привели писателя с матерью и старушкой-няней в Ялту, где в больнице, чтобы заглушить отчаяние, он начал писать стихи. Стараясь занять себя, изучал

иностранные языки, биологию, медицину, историю, технику (все это самообразование и придаст такую поразительную достоверность его научной фантастике). «...моя жизнь сложилась в эти годы к жизни «голова без тела», которого я совершенно не чувствовал — полная анестезия».

Книги Жюль Верна, Герберта Уэллса и труды Циолковского стали неразлучными спутниками Александра Беляева. Они помогли ему пережить революцию и Гражданскую войну, во время которой он вынужденно сотрудничал с белогвардейскими газетами в Ялте. Единственным светлым пятном для него оказалась встреча в 1919 году с будущей женой Маргаритой Магнушевной, работавшей в городской библиотеке. Прикованный к кровати, в гипсе, с высокой температурой, Александр Романович даже был лишен возможности проводить на кладбище умершую в том же году от голода мать. Только в 21-м он сумел сделать первые робкие шаги по комнате, благодаря собственной силе воли и самоотверженной любви Маргариты Константиновны. Совместными усилиями они победили мучительную болезнь, и в следующем году Беляев вернулся к полноценной жизни и работе.

Сначала он заведовал школой-колонией для беспризорников. Затем его перевели на должность сотрудника уголовного розыска. Он организовал там фотолабораторию, но все же ему пришлось пойти ра-

ботать библиотекарем. Жить в Ялте было тогда очень трудно, и в 1923 году знакомые устроили Беляеву с семьей переезд в Москву. Здесь он и состоялся как выдающийся советский писатель-фантаст. Однако прежде успел потрудиться юрисконсультom в наркомате почт и телеграфов.

В Москве Беляев прожил до 1929 года. Романы «Остров погибших кораблей», «Последний человек из Атлантиды», «Воскресшие из мертвых (переработанный рассказ «Голова профессора Доуэля»), «Властелин мира» и легендарный «Человек амфибия» — таковы впечатляющие начальные этапы его творческого пути.

Остросюжетный «Остров», с перестрелками, морскими приключениями и тайнами, показал диапазон крепнущих художественных возможностей автора.

Идея следующего, уже чисто фантастического романа была почерпнута из материалов парижского «Общества атлантовских исследований». События первой части романа, описывающей открытие затонувшей некогда Атлантиды, происходят в наши дни. Вторая часть представляет собой рукопись одного из первооткрывателей Атлантиды — профессора Ларисона, найденную после его смерти, где он изображает повседневную жизнь загадочного государства на исчезнувшем в древности материке и предлагает читателям увлекательную версию его гибели.

«Человек-амфибия» обессмертил имя Александра Беляева и заслуженно пользуется неизменной читательской популярностью. Роман посвящен трагической любви «морского дьявола», как зовут местные индейцы обаятельного юношу Ихтиандра с пересаженными жабрами молодой акулы, и спасенной им во время шторма из морской пучи-

ны красавицы Гуттиэры. Это яркое произведение впервые появилось в журнале «Вокруг света» в 1928 году, а затем вышло двумя отдельными изданиями в знаменитом горьковском издательстве «Земля и фабрика».

Фабульным источником Беляеву послужил напечатанный в черносо-

тенной газете «Земщина» в 1909 году роман анонимного автора «Человек-рыба», в свою очередь, позаимствовавшего фабульную историю из французского романа-фельетона того же года «Человек, который может жить в воде». Оба первоисточника не представляют никакого интереса в художественном отношении.

А вот нестареющий «Человек-амфибия» А. Беляева помимо захватывающего сюжета отличается бесспорными литературными достоинствами и гуманистическим звучанием, что делает его близким и понятным читателям разных поколений. Как живые, встают со страниц романа заменивший Ихтиандру отца аргентинский хирург и исследователь Сальватор, гнусный капитан Педро Зурита, промышленяющий ловлей жемчуга, и, конечно, главные герои — Ихтиандр и Гуттиэре, которым так и не удалось обрести счастье.

Не удивительно, что это волнующее произведение не раз экранизировалось. В Голливуде за него хотели взяться еще в середине сороковых, однако побоялись сложных подводных съемок, с которыми блестяще справились советские мастера кинематографии в эталонном фильме 1961 года режиссеров В. Чеботарева и Г. Казанского. Позднее у нас были сняты также два телесериала на основе беляевского романа.

По свидетельству близких, Ихтиандр остался любимым персонажем писателя, хотя он никогда не созда-

вал продолжений своих произведений и говорил, что, когда роман закончен, герои его ему более не интересны. (Продолжение приключенческого повествования о «морском дьяволе» написали в последующие годы другие советские фантасты...)

Творчество приносило Беляеву нескончаемую радость, не говоря уже о материальном благополучии, как бы компенсируя суровые жизненные невзгоды.

Увы, все это омрачил новый рецидив старого заболевания позвоночника (спондилат). Осенью пришлось переехать из дождливого города на Неве в солнечный Киев. А там жизнь приняла еще более тяжелый оборот. В марте следующего года умерла от менингита шестилетняя дочь Беляевых Людмила. Рахитом заболела Светлана. Обострилась вскоре и болезнь самого писателя.

Ко всему прочему, киевские издательства принимали к рассмотре-

В 1932 году состояние здоровья Александра Романовича немного улучшилось, семья переехала в Царское Село, и Беляев уже мог самостоятельно работать на пишущей машинке и ходить по редакциям. Но журналы и издательства стали плохо принимать рукописи фантастики, публикации произведений этого жанра практически прекратились, и Беляеву предложили «сменить тему». Писатель, однако, стойко держался своего жанра и, в результате, оказался почти без средств к существованию

Переезд семьи в Ленинград началу не сулил ничего плохого. Уютная квартира на Можайской улице, переиздания «Человека-амфибии», выход в свет новых увлекательных романов: «Продавец воздуха», «Человек, потерявший лицо», «Властелин мира», повести «Золотая гора», многочисленные встречи с читателями... В июле 1929-го у Беляева родилась вторая дочь — Светлана.

нию рукописи только на украинском языке — при том, что произведения Беляева переводились на десятки языков во всем мире, да и на русском их читали на Украине и стар и млад. Так что в 1931 году писатель с семьей возвратился в Ленинград и поселился в поселке Щемилровка за Невской заставой.

В ту пору в произведениях замечательного фантаста сгущается особая мрачная атмосфера. Она окуты-

вала и «Голову профессора Доуэля», и «Властелина мира», и «Человека-амфибию». Но в «Продавце воздуха», как и в последующих книгах писателя, эту атмосферу, наряду с отражением личных переживаний автора, пронизывает его глубокая тревога за будущность человечества.

...В Якутии, в районе полюса холода метеоролог Клименко наблюдает за происходящим изменением воздушных течений Земли. Чудом выжив со своим проводником и помощником якутом Николой во время экспедиции к Верхоянскому хребту, ученый оказывается пленником зловещего коммерсанта Бейли, который на своей секретной фабрике в толще горы сжижает атмосферный воздух, чтобы превратить кислород в монопольный товар. Его не волнует неизбежное изменение климата в результате потери планетой большей части атмосферы, а катастрофическую нехватку воздуха людям он хочет использовать для собственного обогащения...

Безудержный полет могучей фантазии А. Беляева минорными тонами окрашивает один из самых изобретательных в сюжетном плане его романов — «Властелин мира». Он посвящен всегда привлекавшей писателя проблеме передачи мыслей на расстояние и опасности бесконтрольного использования гипноза. Многие персонажи романа имеют реальных прототипов. Так, в образе Штирнера мы узнаем крупно-

го советского биофизика, одного из основоположников космического естествознания и космической экологии А. Чижевского. А колоритная фигура Дугова ассоциируется со знаменитым русским дрессировщиком В. Дуровым.

В 1930 году увидело свет, быть может, не самое известное, но крайне примечательное произведение Александра Беляева — роман «Подводные земледельцы». Помимо идеологической заостренности в духе времени этот роман несет на себе приметы так называемой фантастики «ближнего прицела». Она существует в рамках научной фантастики, тоже делает упор на последние достижения науки и техники, хотя и более приближена к реальной действительности.

Судите сами. Группа энтузиастов на Дальнем Востоке решила создать подводное агрохозяйство с целью более эффективного использования богатств океана в интересах развития страны и для получения ею твердой валюты. С помощью ленинградского инженера ученым удастся воплотить в жизнь эту идею.

На страницах романа мы встречаем и аккумулятор размером со спичечный коробок, питающий током скоростные подводные средства передвижения, и специальные водолазные костюмы, в которых кислород получается путем электролиза океанской воды, и купол подводного жилища из корпуса затопленного

японского корабля, и мощные тракторы, обрабатывающие плантации водорослей на дне океана...

Борьба с японской подлодкой, браконьерствующей в советских водах, чей экипаж в результате переходит на нашу сторону, а командир делает харакири, придает «научному» сюжету произведения приключенческий характер. Причем влияние на читателей заложенных в романе прогнозов оказалось столь велико, что уже в 60-х дайверами из клуба «Ихтиандр» был реализован первый проект советского подводного дома «Ихтиандр-66».

Между тем состояние здоровья Александра Романовича несколько улучшилось, и, когда семья переехала в 1932-м в пригород Ленинграда — Царское Село (ныне город Пушкин), Беляев смог самостоятельно работать на пишущей машинке и ходить по редакциям. Впрочем, журналы и издательства к тому времени стали плохо принимать рукописи фантастики, считая ее, по указанию сверху, чуждой социалистическому строю. Публикации произведений этого жанра практически прекратились, и Беляеву предложили «сменить тему», переключившись, например, на вещи о колхозах...

Писатель, однако, стойко держался своего жанра и оказался, по сути, без средств к существованию. Ему даже пришлось вспомнить первую профессию и завербоваться в 1932 году юрисконсультантом в «Север-

сталь». Из Мурманска он возвратился через год с материалом к романам «Чудесное око» и «Под небом Арктики». Любопытно, что в первом романе описывается изобретение подводного телевидения, помогающего в поисках на затонувшем корабле документов о важном научном открытии в области атомной энергии (!).

...Жить становилось все труднее. В 1934-м году на роман «Прыжок в ничто», где автор сумел предвидеть орбитальные космические станции и выход членов экипажа в открытый космос, последовала разгромная рецензия, не помешавшая, однако, писателю встретиться в конце года с приехавшим в Ленинград Г. Уэллсом и завязать переписку с К. Циолковским.

Ему посвящен роман «Звезда КЭЦ». Инициалы великого ученого стали названием как самого романа, так и изображенной в нем со всеми реалистическими деталями орбитальной космической станции. Эти первые в отечественной научно-фантастической литературе произведения об освоении космического пространства Беляев писал опять-таки закованным в гипсовый корсет в связи с новым обострением его хронической болезни.

Свободный же полет его фантазии не знал никаких препон, а изобразительная сила таланта выдающегося писателя-фантаста ничуть не ослабла. За неделю до начала Великой Отечественной войны в москов-

ском издательстве «Советский писатель» вышел последний, едва ли не самый таинственный и притягательный роман Беляева «Ариэль», перекликающийся с фантастическим романом А. Грина «Блистающий мир».

В основу романа положен притягательный образ юноши, способного летать без каких-либо технических приспособлений (что могла делать, как мы помним, и волшебная героиня гриновской повести «Бегущая по волнам» Биче Сэниэль). Этот образ во многом близок герою «Человека-амфибии». Так же, как и Ихтиандр, Ариэль получил невероят-

факиров, медиумов, ясновидящих. Среди послушников волею обстоятельств оказывается молодой англичанин, наследник богатого лорда Аврелий Гальтон. Он получает здесь имя Ариэль и в лаборатории при школе после сложного научного эксперимента по использованию броуновского движения обретает способность левитировать (то есть летать, как птица). При первой же возможности Ариэль улетает из школы-тюрьмы, посадив на плечи верного друга Шарада.

Чего только не пришлось вытерпеть герою романа во время его дол-

За неделю до начала Великой Отечественной войны в издательстве «Советский писатель» вышел последний, едва ли не самый таинственный и притягательный роман Беляева «Ариэль». Удивительно легко, эмоционально-возвышенно, с манящим покровом тайны написал Беляев этот свой прощальный роман, вложив в него скрытую мечту полупарализованного человека о свободе и полете, а также твердую веру, что со временем люди сумеют преодолеть земное притяжение

ные физические способности, но при этом абсолютно не способен существовать в жестоком капиталистическом мире, где он делается игрушкой в руках алчных дельцов и бежит, спасая свою жизнь, свою душу.

В индийской духовной школе Дандрата в Мадрасе воспитывают людей, способных творить чудеса:

гих злоключений. Он побывал пленником местного раджи, державшего его на цепи в золоченой клетке. Зарабатывал деньги американским цирковым магнатам, творя чудеса на манеже и ставя рекорд за рекордом в плавании и беге... Сестра разыскала Ариэля и убедила брата вернуться в Англию, Однако чопорность и лице-

мерие тамошнего общества оказались для него невыносимы, и он вернулся к своим друзьям в Индию.

«Ариэля охватило волнение. Неужели он в самом деле сейчас поднимется на воздух? Летать в комнате было легко, но сейчас, в бурю, с Шарадом на спине... Что, если они упадут посередине двора?»

...Как самолет, делающий круг над аэродромом, прежде чем лечь на курс, Ариэль пролетел над крышей. На дворе уже кричали, прогремел выстрел, замелькали огни фонарей, в окнах вспыхнул свет ламп.

Сквозь потоки дождя Ариэль устремился вперед, летя для облегчения по ветру, который дул с юго-

запада. Внизу быстро промелькнул двор, плоские крыши, парк, стены... Ариэля относил ветром к океану... Дождь хлестал по телу, свистел в ушах ветер, развевая волосы... Под ними, блестя огнями, прополз поезд. В океане виднелся пароход. Приближаясь к порту, он давал продолжительные гудки».

Удивительно легко, эмоционально-возвышенно, с манящим покровом тайны написал Беляев этот свой прощальный роман, вложив в него скрытую мечту полупарализованного человека о свободе и полете, а также твердую веру в то, что люди сумеют со временем преодолеть земное притяжение.

Незадолго до войны писатель перенес еще одну операцию и встал с постели лишь для того, чтобы умыться и поесть, поэтому на предложение об эвакуации ответил отказом. Город Пушкин был оккупирован гитлеровцами. Гестапо интересовалось архивом Беляева. По свидетельству Маргариты Константиновны, исчезла папка с документами. По ночам она перетаскивала в темный чулан оставленной жильцами соседней квартиры рукописи мужа.

Дочь писателя, Светлана Александровна, вспоминала: «Зимой сорок второго есть нам было уже совсем нечего... Соседи уехали и отдали нам полкадки перекисшей капусты, на ней и держались. Отец и раньше ел мало, но... кислой капусты и карто-

фельных очисток ему не хватало. В результате он начал пухнуть и 6 января 1942 года скончался».

Теща писателя была шведкой. При обмене паспортов перед войной ее с дочерью записали немками. Оккупанты присвоили им статус фольксдойче и переводили из лагеря в лагерь для перемещенных лиц на территории Польши и Австрии. После освобождения Красной армией они были сосланы в Западную Сибирь и провели в ссылке 11 лет. Дочь так и не вышла замуж.

Александра Беляева похоронили в братской могиле, место которой неизвестно. Памятная стела на Казанском кладбище города Пушкин установлена позади надгробной плиты на могиле его вдовы, скончавшейся в 1982 году. Там же похоронена и ее с Беляевым младшая дочь, Светлана.

Замечательный советский фантаст, многие произведения которого успешно экранизированы и переиздаются, оставил в наследство преемникам интереснейшие и пока еще не разрешенные наукой вопросы, которые он талантливо освещал в своих книгах. К каким последствиям приведет широкое применение анабиоза? Может ли мозг мыслить вне тела? Существуют ли границы возможностей внушения? Каковы перспективы генной инженерии?.. Беляев не сомневался, что в будущем наука разгадает эти и другие загадки! И очень хотел дожить хотя бы до начала той удивительной поры... □

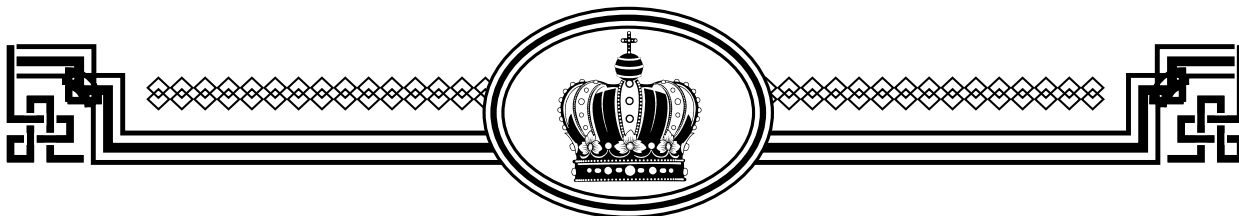
Денис Логинов

Трижды воскресшая

После октябрьского переворота она чудом избежала смерти, сумела сохранить горячую любовь к царской семье и не позволила клевете омрачить это священное чувство. Согреваемая этой любовью, она на страницах своих воспоминаний донесла, как бесценное сокровище, врученное ей Богом, правду о царе Николае II, царице Александре и их царственных детях, а также о событиях тех дней

и людях, окружавших их, до нас, современных православных христиан, а также до всех, кому небезразлична судьба России. Но хочется подчеркнуть, что, прежде всего, книга Анны Вырубовой обращена, конечно же, к нам, русским людям, потому что именно в наших сердцах должна восторжествовать правда о царе Николае II, который горячо любил русских людей и принес себя за них в жертву Богу.

Родилась Анна 16 июля 1884 года в Санкт-Петербурге в семье главного управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии Александра Сергеевича Танеева и Надежды Илларионовны Толстой, праправнучки фельдмаршала М.И. Кутузова. Дед по матери — генерал-лейтенант Илларион Толстой, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Прадед — генерал от инфантерии Николай Матвеевич Толстой, некогда директор Николаевской Чесменской богадельни.

Ее отец на протяжении 20 лет занимал ответственный пост статс-секретаря и главного управляющего Его Императорского Величества канцелярии. Этот же пост занимали его отец и дед при Александре I, Николае I, Александре II и Александре III.

Детство будущая фрейлина провела в Москве и в родовом имении Рождественно под Москвой. В 1902 году сдала экзамен при Петербургском

учебном округе на звание домашней учительницы.

В январе 1904 Анна Танеева получила «шифр» — была назначена городской фрейлиной, в обязанности которой входило дежурство на балах и выходах при императрице Александре Федоровне. Став близкой подругой императрицы, она много лет находилась рядом с императорской семьей, сопровождала их во многих путешествиях и поездках, присутствовала на закрытых семейных мероприятиях.

«Аня была неуклюжа и слишком искренна, — вспоминал ее брат, — эти качества и заинтересовали императрицу».

Фрейлина с гордостью называла себя лучшей подругой государыни; но разве можно по-настоящему дружить с тем, от кого полностью зависишь? У Александры Федоровны были деньги, дворцы, слуги и все богатства России в придачу, а бедная Аня ютилась в холодном сарайчике без фундамента. Наивная, простодуш-

ная фрейлина отдавала царской семье всю себя, почти ничего не получая взамен. И как же горько от того, что после революции ей пришлось заплатить полную цену за эту неравную дружбу.

Любовь к музыке накрепко связала императрицу с Танеевыми. В композиторе Александре Сергеевиче государыня нашла интересного собеседника, а в его дочери — компаньонку по пению. Как вспоминала потом Анна, *«у Императрицы было чудное контральто, у меня высокое сопрано, и мы постоянно вместе пели дуэты. Профессор Консерватории Ирецкая выражалась о голосе Императрицы, что она могла бы им зарабатывать хлеб»*.

Да, Вырубова едва ли не боготворила свою царственную подругу, а этого русское общество не прощало никому.

«Мне бы хотелось нарисовать портрет Государыни Императрицы Александры Феодоровны — такой, какой она была в эти светлые дни, пока горе и испытания не постигли нашу дорогую Родину. Высокая, с золотистыми густыми волосами, доходившими до колен, она, как девочка, постоянно краснела от застенчивости; глаза ее, огромные и глубокие, оживлялись при разговоре и смеялись. Дома ей дали прозвище «солнышко» — Sunny, — имя, которым всегда называл ее Государь. С первых же дней нашего знакомства я всей душой привязалась к Государыне: любовь и привязан-

ность к ней остались на всю мою жизнь».

Аня была младше Александры Федоровны на 12 лет. Как сообщает мемуаристка баронесса Буксгевден, *«императрица прониклась подлинно материнскими чувствами по отношению к девушке, столь пылко ее обожавшей»*.

Однако близость к царской семье перечеркнула личную жизнь фрейлины. Все, что происходило с самой Аней, для царицы было всего лишь «забавным». Так, в 1907 году императрице показалось неприличным, что 23-летняя Танеева до сих пор не замужем. Государыня быстро нашла ей подходящего жениха — морского офицера Александра Вырубова, круглолицего обаятельного bruneta. Свадьба обернулась кошмаром. Аня неохотно признавалась:

«Я не спала всю ночь и встала утром с тяжелым чувством на душе. Весь этот день прошел как сон... Во время венчания я чувствовала себя чужой возле своего жениха... Гостей звали, кажется, лишь по выбору Их Величеств».

Сразу после венчания выяснилось, что Вырубов страдал сильнейшим нервным расстройством, полученным на русско-японской войне. Он был одним из участников Цусимского сражения. Когда судно его было потоплено, Александр много часов боролся за жизнь в воде, хватаясь за разные обломки корабля, потом несколько месяцев провел в плену. Эти события подорвали психику офице-

ра до такой степени, что Ане было страшно оставаться с ним в одной комнате. Через год тяжелейших переживаний брак был расторгнут.

Императрица намеренно не назначала Ане жалование. Александра Федоровна хотела быть уверенной, что фрейлина дружит с ней просто так, а не ради вознаграждения. *«Я никогда не дам Анне официального места при Дворе, — заявляла государыня. — Она моя подруга, я хочу, чтобы она ею и осталась».*

При этом Вырубова должна была постоянно находиться при царской семье, времени на другую работу у нее не оставалось. Аня жила на 400 рублей в месяц, которые посылал ей отец. Львиная доля этих денег уходила на пошив придворных платьев, без которых ей было не обойтись.

Вырубову ожидали и другие испытания. 2 января 1915 года, выезжая из Царского Села в Петроград, Анна попала в железнодорожную катастрофу, получив увечья такой тяжести (в том числе травмы головы), что врачи ожидали скорого смертельного исхода. Однако она выжила, хотя и осталась калекой на всю жизнь: передвигаться после этого могла лишь в инвалидном кресле-каталке или на костылях; в более поздние годы — с палочкой. Полгода Анна была прикована к кровати. Все это время императрица ежедневно посещала фрейлину.

В качестве компенсации за увечья, полученные во время аварии,

железная дорога выделила Анне огромные по тем временам деньги — 80 тысяч рублей. Все эти деньги бывшая фрейлина потратила на создание госпиталя для инвалидов войны, где бы их обучали ремеслу, чтобы они могли себя в дальнейшем прокормить. Одновременно в госпитале находилось до 100 человек.

С началом Первой мировой войны Вырубова стала работать в госпитале сестрой милосердия вместе с императрицей и ее дочерьми. Участвовала она и во многих других мероприятиях, направленных на оказание помощи фронту и солдатам-инвалидам.

После Февральской революции 1917 года Временное правительство арестовало Анну по подозрению в шпионаже и предательстве. Несмотря на инвалидность, она в течение нескольких месяцев содержалась в Петропавловской крепости в тяжелых условиях, после чего «за отсутствием состава преступления» была выпущена на свободу. Потом она неоднократно подвергалась арестам и допросам, содержалась в тюрьмах. В конце августа 1917 года ее вообще постановили выслать за границу, об этом появилось сообщение в газетах, с указанием дня и часа ее отъезда. А в Финляндии на станции Рихимякки толпа солдат сняла Анну с поезда. Ее отвезли через Гельсингфорс на императорскую яхту «Полярная звезда», которая направилась в Свеаборг.

В конце сентября мать Вырубовой добилась освобождения дочери че-

рез Л.Д. Троцкого. Анну из Свеаборга вернули, доставили в Смольный и вновь отпустили. Однако угроза неминуемого нового ареста тяготела над нею по-прежнему, и она больше года скрывалась у знакомых и друзей, находила приют в подвалах и каморках бедняков, когда-то вырученных ею из нищеты.

После революции для подруги опальной императрицы наступили чудовищные времена. Большевики арестовывали Вырубову пять раз, содержали в нечеловеческих условиях, требуя выдать им все ее несметные сокровища. Некоторые следователи были удивлены ее «дешевенькими кольцами на пальцах» и отказывались верить, что за столько лет дружбы с Романовыми фрейлина ничего не накопила.

Тяжело читать воспоминания Анны об ее страданиях в промозглой камере Петропавловской крепости:

«Вошел какой-то ужасный мужчина с черной бородой, с грязными руками и злым, преступным лицом, окруженный тол-

Анна Танеева на костюмированном придворном балу в Эрмитаже

*Императрица
Александра
Федоровна*

пой наглых, отвратительных солдат. По его приказанию солдаты сорвали тюфячок с кровати, убрали вторую подушку и потом начали срывать с меня образки, золотые кольца... Когда солдаты срывали золотую цепочку от креста, они глубоко поранили мне шею. Крест и несколько образков упали мне на колени. От боли я вскрикнула; тогда один из солдат ударил меня кулаком, и, плюнув мне в лицо, они ушли, захлопнув за собой железную дверь. Холодная и голодная, я легла на голую кровать, покрылась своим пальто и от изнеможения и слез начала засыпать под насмешки и улюлюканье солдат, собравшихся у двери и наблюдавших за мной в окошко».

Лишь в 1921 году Анне удалось сбежать из России. Рискуя жизнью, она на своих костылях, босиком, в

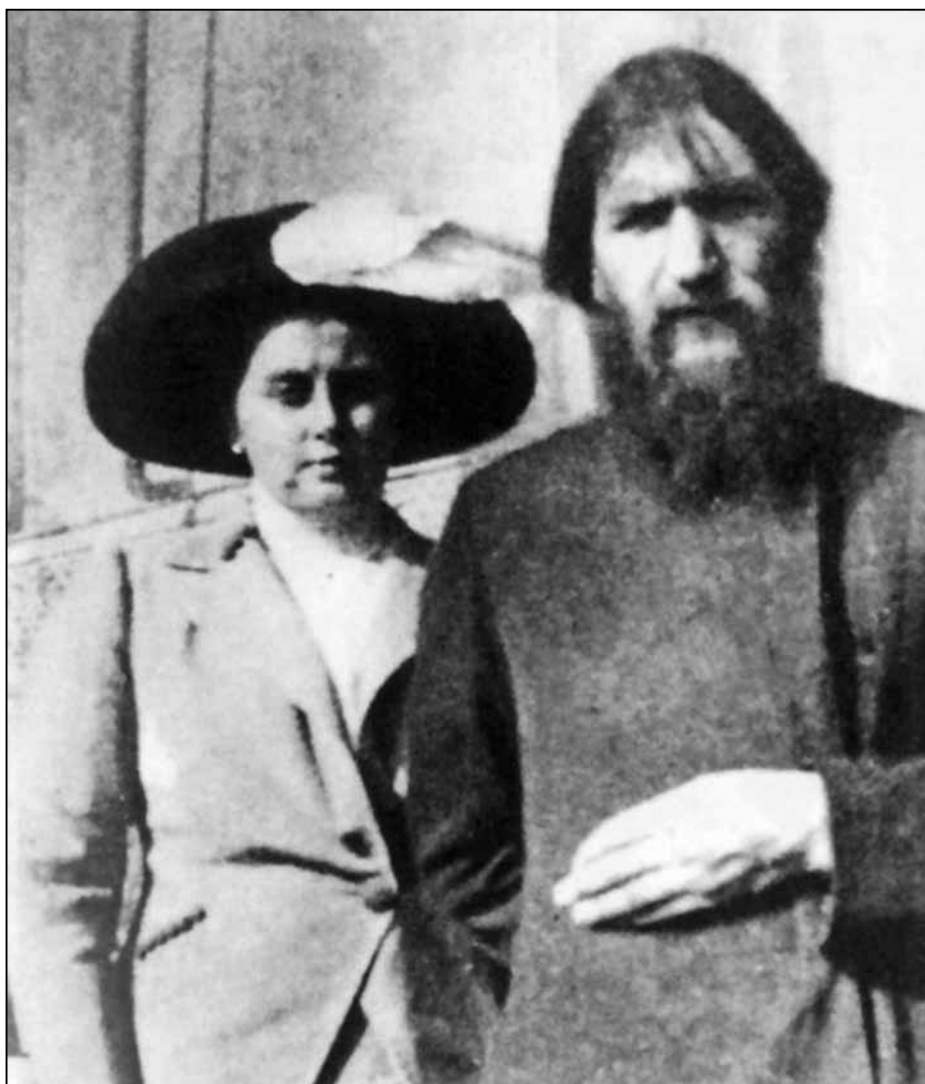
драном пальтишке, перешла финскую границу. Жизнь в изгнании была безопасной, но снова нищей: никакого содержания беженцам не полагалось, а другие эмигранты не желали помогать фрейлине, которая поощряла дружбу императрицы с Распутиным — хотя роль Вырубовой в этой истории была всего лишь посреднической.

Клевета следовала за этой женщиной по пятам. Развод объясняли нетрадиционной ориентацией обоих супругов, хотя муж Анны не давал для этого никаких оснований. Саму же Анну постоянно обвиняли в слишком тесных отношениях с императрицей. Для этого тоже не было никаких веских оснований, кроме безусловной преданности Вырубовой всей императорской семье.

Александра Федоровна, приехав в Россию, приняла православие и отнеслась к этому со всей ответственностью. Однако окружавшие ее люди были в служении не столь ревностны и больше любили поговорить о Боге, чем вести богоугодную жизнь. Все, кроме Анны Вырубовой — фрейлины императрицы, а потом ее верной подруги.

Последняя русская императрица называла свою фрейлину «моей большой бейби» и «милой мученицей». Анна Вырубова была для Александры Федоровны главной подругой жизни.

Не было, пожалуй, в русской истории женщины, на оклеветание имени которой было бы брошено столько

*Г.Е. Распутин
с А.А. Вырубовой. Июнь
1914 г.*

сил. Слухи о порочной жизни Анны Вырубовой курсировали в народе еще до революции. Про нее говорили, что это именно она ввела в окружение царя Распутина, что она с самим Распутиным участвует в разных бесчинствах, что она якобы соблазнила саму императрицу. И все этому верили. Все, кто не знал Вырубову лично. Знакомство с ней меняло мнение людей. Следователь Руднев вспоминал, как он шел допрашивать Вырубову и был к ней настроен негативно, наслушавшись всего, что о ней рассказывали. Он писал:

«Когда же вошла г-жа Вырубова, то меня сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости, это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось».

Однажды в тюрьме рябой солдат, один из самых злостных гонителей Анны, будучи в гостях у брата, увидел на стене фото Анны. Тот сказал: «Целый год в госпитале она была мне как мать». С тех пор солдат изменил свое отношение к арестованной и изо всех сил помогал ей.

*Анна Вырубова в инвалидной коляске
на прогулке с великой княжной Ольгой*

Уже упомянутый следователь Руднев узнал от матери Вырубовой, что в тюрьме дочь подвергается издевательствам. На допросе Анна это лишь кротко подтвердила и сказала:

«Они не виноваты, не ведают бо, что творят».

Вопреки расхожему заблуждению, не Анна Вырубова ввела в дом императрицы Распутина, а Александра Федоровна познакомила свою фрейлину с «сибирским старцем». При первой же встрече старец пообещал, что желание Анны «всю жизнь положить на служение Их Величествам» осуществится. Позже он предскажет, что фрейлина выйдет замуж, но счастлива не будет.

Так и случилось.

Распутин сыграл в жизни Вырубовой огромную роль. Именно он, как она считала, спас ее после железнодорожной катастрофы в 1915 году, однако именно слухи об их отношениях сделали Вырубову «нерукопожатной» у значительной части эмигрантов. По всей видимости, Анна

Александровна была не в состоянии активно воспрепятствовать этим слухам в силу особенности своего положения и в силу отмеченных выше качеств характера, которые очень метко выразила дочь Григория Распутина Матрена в своих воспоминаниях.

«Анна Александровна никогда не могла постоять за себя. Да и не пыталась, считая это не то что бесполезным, но не нужным. Она-то сама знала про себя, что абсолютно чиста перед Богом и людьми, как знали и те, кто были ей дороги, а мнение остальных ее не интересовало».

Книга воспоминаний А.А. Танеевой (Вырубовой) «Страницы моей жизни», была издана в Париже в 1922 году. Однако человеческая злоба и нравственные испытания не окончились для Анны Александровны на чужбине и продолжали преследовать ее вплоть до кончины, причем не только ее саму, но и ее воспоминания.

Тот текст «Страниц моей жизни», который имеет возможность прочесть современный читатель, представляет собой первоначальный и полный вариант воспоминаний. Все дальнейшие издания этой книги претерпели существенные изменения, более того, можно сказать, подверглись редакционной цензуре. «Доброхотам-правщикам» угодно было не только сократить текст, но и включить в него измышленные абзацы, не принадлежащие перу автора. Сделано это было с лукавой целью создать у читателя впечатление об авторе как о человеке недалекого ума, что вполне соответствовало бытовавшему в эмигрантской среде мнению, нашедшему отражение во множестве воспоминаний, где говорится об Анне Вырубовой. Облить ее грязью или, по крайней мере, исказить ее нравственный облик считалось, по-видимому, признаком хорошего тона.

Не выдерживает критики и то объяснение, что Анна Александровна испытывала давление эмигрантской среды, так сказать, поддавалась психологическому и духовному прессингу, что и послужило причиной тех существенных изменений, которые были внесены ею в поздние варианты своих воспоминаний. На это ответим так. Да, она была лишена опоры в лице своих родителей, своих венценосных друзей, была оторвана от родины, но не лишилась главного основания в жизни — горячей веры в Бога и в конечное торжество Божией прав-

ды. Могла ли она поддаться давлению своих врагов, изменить правде? Нет, не могла. И надежным опровержением всех кривотолков на тему Анны Вырубовой и ее воспоминаний пусть послужит сама ее книга «Страницы моей жизни».

В 1923 году на Валааме в Смоленском скиту Анна приняла монашеский постриг с именем Мария. Правда, жить на территории монастыря, заниматься физическим трудом она не могла по состоянию здоровья, посему обряд ее пострижения в инокини был совершен тайно.

В тихом лесном уголке Озерного края Анна Александровна Вырубова и провела последние годы своей жизни. Скончалась она в 1964 году в возрасте 80 лет. □

Див-сюр-Мер и Марина

Фото из архива автора

«Будущее все знают, не знают прошлого», — утверждают историки. Согласна, но сесть за штурвал «машины времени» и погрузиться в прошлое Марины Цветаевой, в период, определивший всю ее дальнейшую судьбу, мне помог внешний «щелчок».

В центре Парижа, на площади Пантеон в доме № 8 находится Литературная библиотека, которую, по традиции Латинского квартала, называют просто — Литера. Многие уже позабыли, что она носит имя известного в свое время кутюрье Жака Дусе (Jacques Doucet, 1853–1929). Он был заядлым коллекционером и щедрым меценатом. Жаку Дусе удалось приобрести 140 тысяч рукописей гениев эпохи: Стендаля, Бодлера, Верлена и других, редкие издания книг, архивы известных художников, фотографии и семь тысяч произведений искусства, что позволило создать уникальную Литературную библиотеку, фонды которой

пополняются исключительно редкими экземплярами.

Посещать Литеру — это удовольствие. От пола до потолка — ковер книг. Единственное, что меня огорчало, — отсутствие произведений Марины Ивановны Цветаевой, поэта, которого мы воспринимаем как близкого друга, сестру. Скажешь: Марина, и не нужно ни отчества, ни фамилии, каждый знает, о ком идет речь.

Однажды, в один прекрасный летний день, когда обезумевшие, разрываемые ветром тучи хлынули проливным дождем, загнавшим меня в Литеру, и произошла эта случайная неслучайность.

В читальном зале библиотеки находится мебель, прозванная специалистами «трибуной». На ее наклонной поверхности так удобно перелистывать и рассматривать фолианты. За этим занятием я и застала библиотекаря, укоризненно смотревшего

на мое мокрое явление. Его жест, наверное, означающий: «Stop! Не приближаться!», я истолковала как приглашение взглянуть на новинку. С черно-белой гравюры на меня смотрели знакомые глаза.

— Цветаева! — непроизвольно воскликнула я, одновременно удивленно и ликующе.

— Вы угадали. Это ее письма из Нормандии и перевод «Бесов» Пушкина.

— Какое замечательное издание, — с энтузиазмом заметила я, но он строго уточнил:

— Шедевр! Тираж — 12 экземпляров. Ценный дар нашей библиотеке.

— Мне кажется, что это подарок русского человека.

Он открыл титульный лист, на котором значилось: «Laboratoire d'ulivred'Artiste. Художник и издатель Сергей Шамшинов», и удивленно взглянул на меня:

— Как вы догадались?

— Все очень просто. Подсказали стихи Цветаевой: «Доктора узнают нас в морге по не в меру большим сердцам».

Он улыбнулся, но прикоснуться к шедевр не позволил, а прочитал вслух письмо Марины Цветаевой к Ариадне Берг:

«Dives-sur-Mer (Calvados) 8 rue du Nord 18 августа 1938 г., четверг.

Дорогая Ариадна! Правда — дивное имя? Был у меня когда-то — ровно 20 лет назад! — такой стих (кончавший стихотворение): "... Над разбитым Игорем плачет Див". (Див —

наверное, существо из "Песни о полку Игореве", думаю — полу-птица, полу-душа...)»

Далее следовало описание поселка Див-у-моря и комнаты, которую снимала Цветаева с Муром. Хозяин оказался русским, звали его Никита, и был он «отцом четырех нормандских детей, ни звука не знающих по-русски: за глаза старшего мальчика — непомерные, карие, жаркие (зачем ему такие?) — душу бы отдала».

— Дивная история. Благодарю вас за чтение. Эти письма и будут мне служить путеводной нитью Ариадны.

— Куда же вы? — В Dives-sur-Mer!

Расстояние Париж—Див-у-Моря — 220 километров. Филипп, мой супруг и верный помощник в моих исследованиях, нещадно гнал лошадиные силы автомобиля, и мы быстро подъехали к Лизье. В этот солнечный августовский день небесные художники тщательно выкрасили небо в голубое, без всяких затейливых завитушек облаков. Наверное, такое же нормандское небо голубело и голубило Марину и Мура.

Вслух зачитываю отрывок из ее письма: «Ехали через *Liseux*, видели уж-жасный!!! мавританский собор, думающий почтить память Святой Терезы, но и другое видели — монастырь в глубине города...»

Естественно, Цветаевой, любившей «старые дома», не мог понравиться новодел, построенный в 1929 году в странном романо-визан-

*Дом
Марины
Цветаевой
в Ванве*

Справа:
*Мемориаль-
ная доска
Марины
Цветаевой
в Ванве*

тийском стиле. Но как жаль, что она не вошла внутрь базилики Святой Терезы, выстроенной в честь высокочтимой юной монахини кармелитского монастыря, удостоенной редкого титула Учителя Церкви и причисленной к лику святых в 1925 году. Марина поразила бы величественностью и простором храма, где мозаичный купол словно висит в воздухе, не опираясь на традиционные колонны, позволяя свету беспрепятственно играть в витражах всеми цветами радуги. Архитектурный секрет — использование нового материала — железобетона. Крипту, расположенную под храмом, можно назвать райским садом, где под сводами из мрамора и мозаики «поют» сто шестьдесят пе-

стрых птиц и «цветут» полевые цветы, которые предпочитала Тереза. Создается впечатление, что это не церковь, а дворец, подаренный маленькой принцессе, как ласково называл ее отец. Рожденная в 1873 году, она почти не помнила мать, потеряв ее в четырехлетнем возрасте. В десять лет девочка тяжело заболела. Горячо молясь статуе Девы Марии, она однажды заметила, что Богородица ей улыбнулась, быстро выздоровела и пообещала посвятить свою жизнь служению Бога. Став кармелиткой (Кармель — гора в Палестине, где был основан монастырь, давший в XII веке название католическому ордену кармелитов), Тереза записывала свои размышления над Богословием и Богослави-

DE JUILLET 1934 À JUILLET 1938 A VÉCU,
AU DEUXIÈME ÉTAGE DE CETTE MAISON, LA POÉTESSE RUSSE

Marina TSVETAËVA
1892 - 1941

*"Chaque fenêtre - un regard,
Et dans toutes - une personne!
Le fronton dans la glaise
Chaque fenêtre - une icône
Chaque regard - une fenêtre,
Les visages, des ruines,
Les arènes de l'histoire,
Marronniers du passé
Moi j'y chante et j'y vis."*

Marina Tsvetaeva (La Maison, 1935)
Poème traduit par Véronique Lossky

PLAQUE INAUGURÉE LE 18 SEPTEMBRE 2010
PAR BERNARD GAUDUCHEAU, MAIRE DE VANVES
ET LE CONSEIL MUNICIPAL.

ем, утверждая, что святость доступна всем. Она предлагала мысленно вернуться в собственное детство и разбудить в себе того ребенка, каким был каждый: чистым, простодушным, честным, неискушенным. Особая правдивость Терезы сделала ее книгу уникальной; в ней Цветаева уловила «аромат вечности». Маленькая кармелитка писала: *«Каждое мгновенье — это уже вечность, вечность с ее радостью. Если я и покидаю уже поле сражения, то не для эгоистического желания отдохнуть»*. Она жаждала не вечного покоя, а вечной деятельности. После смерти Терезы в 24 года от туберкулеза настоятельница монастыря опубликовала ее биографические записки под названием

«История одной души». Неожиданный мгновенный успех. Последовали многочисленные переиздания «Истории одной души» и переводы на иностранные языки. Русской эмиграции имя Терезы Мартен (Thérèse Martin) стало известно благодаря роману Дмитрия Мережковского (1866–1941) «Маленькая Тереза». Автор неустанно продолжал работать над произведением, но так и не окончил его. Жизни не хватило.

Лизье является вторым после Лурда местом паломничества во Франции, несмотря на то, что святая Тереза при жизни не успела ничем прославиться. Только после смерти она завоевала общее признание и широкую известность. Кажется, маленькая кармелитка ис-

полняет свое обещание, записанное в «Истории одной души»: «Я все свое небо употреблю на то, чтобы помогать земле». И стали происходить невероятные чудеса у ее могилы: паломники исцелялись духовно и физически, слепые прозревали, как в случае с шестилетней Эдит Пиаф. Об этом чудодейственном исцелении нам сегодня напоминают «поющие» колокола, вызывающие знаменитый «Гимн любви» — главный гимн жизни. Столпотворение в ожидании чудес на городском кладбище Лизье, где вначале покоилась юная нормандская монахиня, мешало «нормальной» жизни некрополя. После причисления ее к лику святых благоухающие останки Терезы торжественно перенесли в часовню кармелитского монастыря, куда, судя по письму, и отправилась Марина Цветаева с сыном. «Взяв их след», мы очутились в тишине ухоженной обители, построенной в 1838 году. Ее немногочисленные сестры (19 человек) отличались предельной организованностью, мудро предусмотрев должность архивиста. Мне не терпелось узнать, изменилось ли что-нибудь со времен Цветаевой, или время здесь не властно.

— Пишите письмо-запрос, — казенно ответила девяностолетняя архивистка в монашеской «униформе».

— Электронное?

— Ну а какое еще? — удивилась она, будто родилась с компьютером в руке, скептически посмотрев на мою романтическую шляпу.

Прошла неделя. Вторая. Долгожданный ответ был краток: «А для чего вам все это надо?» «Держитесь, кармелитки! — подумала я. — Покой вам только снится. Если вам недостаточно «История одной души», я напишу вам историю души Поэта!»

Мои эмоции выплеснулись в послание к архивистке приблизительно в таком виде:

«Марина Цветаева. Поэт-Священнослужитель!»

Читая ее стихи, мы совершаем поэтическое паломничество в душу Поэта, горя желанием стать лучше, совершеннее. Если жизненный уклад в монастыре подчиняется ритму молитвы, то жизнь Цветаевой определялась ритмом творчества. Она была Поэтом в значении Творца, олицетворяя символ творческого духа. Не забывайте, что слово «Поэзия» в переводе с греческого означает «создание, сотворение», поэзия — это искусство провоцирования самых ярких эмоций, соединяющих человека с Богом. Как Прометей, Цветаева продолжает нести огонь поэзии, чтобы возвысить людей и сделать их способными увидеть невидимое, услышать неслышимое».

Этот пламенный текст украсили стихотворения Марины Цветаевой в переводе Вероники Лосской. Пусть читает весь монастырь, как молитву.

Через десять минут приходит благовест с подробной информацией. Летом 1938 года Марина Цветаева с сыном могли видеть надгробный памятник Святой Терезы в виде ле-

жащей на смертном одре монахини. Скульптор Лусьен Аллиот выполнил лицо, руки и ноги в мраморе, а остальные части тела, скрытые одеждой, изваял из гипса. В левой руке Тереза держит крест, а в правой — Золотую Розу, освященную и подаренную Папой Римским Пием XI в 1925 году. Об этом свидетельствует гравировка на стебле цветка. Обычно Золотой Розой награждаются короли и президенты стран за особые заслуги. Впервые этой награды удостоена простая монахиня, увы... посмертно.

Кто их поймет? Ведь Бог не был женщиной на Земле.

Жители Лизье необыкновенные сердцееды. В 2005 году местные кондитеры сотворили вкусную безвкусицу — малиновый торт в форме сердечка под названием «Сердце Терезы». Коммерция бессердечно убивает все святое. Преодолев «сердечные» искушения, мы покинули Лизье и через тридцать четыре километра въехали в Див. Голубая даль открыла свои объятия. Море! Стихия Марины, которая «в купели морской крещена». Нам не терпе-

Адрес Цветаевой в Нормандии был совсем не пляжный: Северная улица, дом №8. Рабочие поселка прозвали ее улицей красных крыш — по цвету одинаковой черепицы. Как важны сегодня Маринины весточки из прошлого, документально воссоздающие эпизоды ее биографии, поднимающие целые пласты сведений, имен, подробностей быта того времени...

В усыпальнице с тех пор ничего не изменилось. Только иногда Святой Терезе меняют одежды. Иногда Святая Тереза свершает чудеса, но всегда люди благодарны ей — их сердца наполняются солнцем любви. Цветаева писала: «*Эта маленькая девочка могла быть поэтом и еще больше grandeamourese*» (великой любовницей). Но об этом я деликатно умолчала, дабы не смущать романтическими желаниями кармелиток. Зачем?

лось окунуться в сине-зеленую купель моря, но адрес Цветаевой совсем не пляжный: Северная улица, дом № 8 (8, rue du Nord). Рабочие поселка прозвали ее улицей красных крыш, по цвету одинаковой черепицы. Как важны сегодня маринины весточки из прошлого, документально воссоздающие эпизоды ее биографии, поднимающие целые пласты сведений, имен, подробностей быта: «*полурабочий поселок,*

*Базилика
Лизье*

Справа:
*Святая
Тереза*

с одним домом во всю улицу и под разными номерами (казенные квартиры для заводских рабочих). У нас с Муром большая светлая комната...» С тех пор минуло более семьдесят лет. Металлургический завод закрылся в 1986 году, казенные домики, ставшие частными, прихорошились зеленью и цветами, но крыши остались красными, что как-то связывало меня с той эпохой. Я позвонила в калитку дома № 8. Вышел молодой, ничего не ведающий человек, посоветовавший обратиться к соседям. Мне повезло только в конце улицы, где в любопытном ожидании, опершись на палку, стояла «пиковая дама». Беседа с ней

была «длиною в жизнь». Оказалось, что ее родственник, ушедший в прошлом веке в иной мир, в детстве дружил с кареглазым мальчуганом Альбериком. Красивое нормандское имя переводится как «всемогущий Эльф», а отец его был русским! Неужели я нашла на след того мальчика, о котором упомянула в письме Цветаева, назвав имя отца — Никита. Но дама настаивала, что русского звали Ники. Интуиция подсказала мне, что это один и тот же человек. Ведь не могли же все славяне проживать на Северной улице. В каждом препятствии, в каждой трудности я видела возможность что-то узнать. Невозможно

вернуть прошлое, но можно попытаться заглянуть в него. В этом мне помогли другие старожилы, объяснив, что имя Никита для французов — женское, и называть им здорового мужика в Нормандии просто неприлично. Таким образом, Никита превратился в Ники. Как же сложилась дальнейшая судьба этой семьи? Во время немецкой оккупации Франции Альберик помогал Сопротивлению. Задача казалась простой: объезжать на велосипеде береговую линию немецкой обороны и отмечать военные объекты крестиками на карте. Эти сведения передавались в Лондон, что позволяло целенаправленно бомбить врага. С каждым днем выполнять задание становилось труднее и опаснее. Фашисты зверствовали, чувствуя начало конца. Однажды при проверке документов у Альберика была обнаружена карта с отмеченными военными объектами. После ареста, допросов и пыток — концентрационный лагерь, где юноша пропал

без вести. Семье пришлось скрываться от гестапо, и они уехали в неизвестном направлении. Не напоминает ли вам судьба Альберика — «всемогущего Эльфа», судьбу Георгия Эфрона-Мура? Они погибли юными, так и не успев полюбить, не успев реализовать свои мечты и таланты. На стене квартиры семьи Эфрон в Ванве, где они проживали с 1934 по 1938 год, висели заветы Цветаевой детям. Мне хочется процитировать десятую заповедь Марины:

«Милые дети!

Когда вам будут говорить: «Это романтизм», вы спросите: «Что такое романтизм?» И вы увидите, что никто не знает... Когда же окончательно убедитесь, что не знают, сами отвечайте бессмертными словами Жуковского — «романтизм — это душа».

Как чисты и прекрасны были помыслы. Как жесток был XX век.

В память о Ванве, где семья (еще не разлученная), проживала на «чудной каштановой улице», в двухсотлетнем каменном доме, названном Мариной руиной (а он и до сих пор стоит, украсив себя мемориальной доской с ее стихами), в архиве сохранилась фотография дома, подаренная Борису Унбегауну с подписью: «Наша «руина» — в которой я так была счастлива. Vanves. Лето 1938 г. М.Ц.» Входя в эту «руину», я всегда помню, что именно здесь Марина была счастлива. И, кажется, нынешний владелец квартиры — Флоран Дельпорт — сохранил запах ее последнего счастья, распахнув свою душу и двери жилища всем, кому дорог Поэт Марина Цветаева.

Из письма Борису Унбегауну от 15 августа 1938 года: «О нас с Муром. Мур больше чем на полголовы выше меня — тень усов (13 лет!), полон рот газет, а руки — рисунков. На днях едем с ним на близкое море — в окрестности Кабура — рабочий (увы, не рыбацкий) поселок в полчаса ходу от моря. С нашей руиной расстались, вещи распродали и раздали. Месяц жили в гостинице у Mairied'Issy (в самую жару!) — теперь к морю — а что дальше будет — неизвестно...»

В Див-у-Моря Цветаева жила с Муром в рабочем поселке, может быть, потому, что к людям труда относилась с глубоким уважением.

Праздность, леность, потребительство были органически противны ей. Дочь Аля в своих воспоминаниях отметила, что Марина к письменному столу «каждый день своей жизни шла, как рабочий к станку — с тем же чувством ответственности, неизбежности, невозможности иначе». Она писала на куске бумаги, как на куске души, продолжая работать в любых условиях, вернее, без всяких условий. В Диве она переписала и снабдила примечаниями книгу стихов «Лебединый стан» и поэму «Перекоп». В свободное время быстроногая Марина совершала прогулки «по холмам с далеким морем, с каждым шагом обретавшим все свое величие. Были старые фермы и старые деревья — и вечно-юная зелень с вечно-жующими коровами». (Из письма Ариадне Берг. 3-го сентября 1938 г.). От цветаевского взора ничто не ускользнуло, даже «нормандки» — завезенные викингами коровы в белых элегантных «платьях» с черными пятнами. Они так полюбились местному населению за красу и молокообилие, что стали эмблемой Нормандии.

От Дива до Кабура — два километра — пара пустыков для Марины, чтобы очутиться на знаменитом променаде Марселя Пруста (1871-1922). Писатель-астматик регулярно приезжал сюда, останавливаясь в Grand-Hôtel — величественном здании в стиле BelleEpoque, на четвертом этаже в номере 414. Нор-

мандский курорт Пруст обессмертил в известном романе «В поисках утраченного времени». В поисках цветаевского времени мы пристально всматривались вдаль, где виднелся порт Гавра, откуда Цветаева с сыном отправились на корабле навстречу смерти.

Нормандские письма Цветаевой помогли нам открыть и полюбить Calvados — один из пяти департаментов Нормандии, где еще во времена римской империи образовалось поселение Див, получившее свое название от одноименной реки, что означает в переводе с латинского «богатая». Река Див, богатая рыбой, неторопливо течет на протяжении ста километров, а потом дивно бросается в объятия Ла-Манша. Марине, с детства владеющей языком Мольера, было легко «расшифровать» название Кальвадос — «лысые спины», то есть скалы без растительности. Пришелся ей по вкусу нормандский пейзаж: обветренные утесы, просторные пляжи, шальной ветер, пахнущий йодом, обилие яблок, сидра и высокоградусной «воды жизни» под ласковым названием «кальвадос». Этот алкогольный напиток из яблок, изобретенный в XVI веке, настаивается в дубовых бочках до янтарного цвета долгие годы. Со временем «кальва» насыщается тонким ароматом, но какое-то количество жидкости испаряется. «Это порция ангелов», — говорят французы. Древнее поверье утверждает, что хмельные кальвадосские ангелы спасают

всех, кроме тех, кто наделен божественным талантом.

Марина Цветаева давно догадалась и написала об этом:

*Ибо раз голос тебе, поэт,
дан, остальное — взято.*

Гармония нормандской природы не уберегла Марину от дисгармонии жизни. Бессмысленное ожидание разрешения на въезд в Советский Союз изнуряло до крайности. «Я давно уже не живу — потому что такая жизнь — не жизнь, а бесконечная оттяжка. Приходится жить только нынешним днем — без права на завтра: без права на мечту о нем! А я ведь с 7-ми лет жила — «перспективой»...» (Из письма к Ариадне Берг). На тревожные мысли Марины: «О Боже, Боже, Боже! Что я делаю?!» — Берг откликнулась письмом от 22 августа 1938 года: «Марина, а что если бы вы не уехали? Я так глубоко чувствую ненужность вашей жертвы. Но, конечно, вы ее чувствуете еще глубже, а также, что она — роковая...» Искренняя попытка верного друга Ариадны Эмильевны Берг — теософа, литератора, поэта — разбудить цветаевский инстинкт самосохранения не увенчались успехом. Верность «клятве» Сергею Эфрону — «дорогому и вечному добровольцу» — вынуждало ее следовать за ним. Его имя, выгравированное на внутренней стороне обручального кольца, значило для Цветаевой бесконечно много. «Одноколыбельники», неразлучники, мученики... Еще

в 1923 году в письме к Волошину Эфрон поставил диагноз семейных отношений: «*Жизнь моя — сплошная пытка*». Переживаемые Мариной увлечения, «тайный жар», не всегда соответствующие грандиозности ее личности, Эфрон-Орфей воспринимал с болью и отчаянием. Жертвуя собой, понимал, что он «*одновременно и спасательный круг, и жернова на ее шее*». Естественно, он пытался быть еще кем-то, кроме мужа Цветаевой. Его мемуарная проза говорит о его несомненном литературном даре, но неравенство в масштабах было очевидным. Сохранить целостность личности, не сломаться было чрезвычайно сложно. Разочарованный в Белом движении, Сергей рассказывал Марине, что это «была братоубийственная и самоубийственная война, которую мы вели, не поддержанные народом». Сын профессиональных революционеров, Сергей Яковлевич Эфрон, решив любым путем вернуться в Россию, стал легкой добычей НКВД. Сила личности растворилась в насилии истории. Мифологизируя жизнь, целиком живя в своем стихе, Цветаева не заметила перемены Эфрона. Одиночество, разомкнутое на краткое время, превратилось в одиночество вдвоем. Несомненно, только Марина могла бы спасти Сергея, но она ничего не знала. Не ведала, что 17 июля 1937 года Игнатий Станиславович Порецкий (настоящее его имя и фамилия — Натан Маркович Райс, псевдоним — Людвиг), написал письмо в ЦК коммунистической

партии большевиков о намерении отдать все свои силы в борьбе с политикой сталинского террора. Письмо заканчивалось призывом: «Самая решительная борьба со сталинизмом!» Через месяц Райс был убит в Лозанне. Это был герой «один против всех» в духе Цветаевой, не подзревавшей, что ее муж каким-то образом причастен к этому страшному событию. Ее просто удивил отъезд бегство Сергея в Советский Союз в октябре 1937 года. Началась пытка надеждой, которая не сбылась. Цветаевское предчувствие общей трагической судьбы превратилось в реальность.

Из письма Сергею Эфрону. 20-го сентября 1938 г., вторник. «*Живем — висим в воздухе. Сознание, что все на час — который, может быть, затянется — как целый год затягивался — но от этого не переставал и не перестанет быть часом, — мешает чему бы то ни было по-настоящему радоваться, что бы то ни было по-настоящему ценить. Так было и в нашем морском Диве*». Эта весточка Марины написана на видовой открытке с изображением средневековой церкви XI века *Nôtre-Dame* в Диве. Мы привыкли говорить по-русски «церковь Богоматери», что совершенно меняет смысл буквального перевода: «Наша Дама». Слово «наша» подчеркивает, что это место не только для молитв, но по изначальному своему призванию — общий Дом Народа. Как в Парижской Богоматери, так и во всех других соборах Богаматери Фран-

ции, лишь алтарь принадлежал епископу, а все остальное пространство отдавалось мирским делам. Объясняется это тем, что члены городской коммуны, участвуя в строении и содержании храма, стремились использовать его пространство в своих интересах. «Наша Дама» одновременно была и рынком, и биржей, где устанавливались цены на зерно, и нотариальной конторой, и даже музеем, где за малую плату демонстрировались заморские диковинки, и, конечно, мэрией, регистрирующей рождение на земле и возрождение на небесах. Именно поэтому в городах, где высились Notre-Dame, не строили ратуши. Цветаева приходила сюда не молиться, а размышлять и рассматривать. Мы тоже вошли в таинственно цветной (от витражей) полумрак храма. Интерьер отличался оригинальными граффити прошлых веков (XV–XIX). Благодарности, выцарапанные на стене от рыбаков за хороший улов, моряков — за спасение от бурь и штормов, «иллюстри-

*Флоран Дельпорт
и Людмила Маршезан
в квартире Марины
Цветаевой в Ванве*

ровались» морскими гадами и королевскими лилиями. Беспредельная фантазия! Над входной дверью историком XIX века начертано 475 имен соратников Вильгельма Завоевателя — нормандского герцога, отплывшего с воинами в 1066 году из Дива в Англию с целью захватить трон. Ему сопутствовала дивная удача — он стал королем Англии. Марина в своих письмах упоминает о нем (как много она знала!), а деревня ремесел (квартал Дива) в настоящее время носит имя Гийома Завоевателя. В свою бытность Цветаева посетила это место — бывшую почтовую станцию, государственный статус которой отмечен памятником Людовику XIV. В XIX веке богатый энтузиаст переделал постоянный двор в сказочный отель. Цветаевой удалось еще застать остатки роскоши былой, но со

временем все пришло в упадок, и только в 1975 году художники, ремесленники, антиквары возродили в старинных зданиях новую жизнь, создав центр искусства — деревню ремесел.

Вернемся в церковь Богородицы, которая, видимо, запала в душу Марины. Открытка с изображением храма была отправлена и Констан-

тяжкие чудотворным Спасителем. Через некоторое время таким же образом был выловлен крест, точно подошедший к статуе Христа. Распятие повесили в церкви Дива, и храм на многие столетия стал центром паломничества. Дивные чудеса свершал Христос-Спаситель до тех пор, пока статуя не была похищена гугенотами. Распятие сменили новым, но вернуть чудодейственную

Верность «клятве» Сергею Эфрону — «дорогому и вечному добровольцу» — вынуждала ее следовать за ним. Его имя, выгравированное на внутренней стороне обручального кольца, значило для Цветаевой бесконечно много. «Одноколыбельники», неразлучники, мученики... В письме Волошину Эфрон «поставил диагноз» семейных отношений: «Жизнь моя — сплошная пытка». Переживаемые Мариной увлечения, «тайный жар», не всегда соответствующие грандиозности ее личности, Эфрон воспринимал с болью и отчаянием, понимая, что он «одновременно и спасательный круг, и жернова на ее шее». Но сохранить целостность личности, не сломаться было чрезвычайно трудно

тину Родзевичу 18 августа 1938 года. Внизу рукой Цветаевой приписано — XII век. Ариадне Берг она выслала открытку с интерьером церкви — Пределом Христа-Спасителя. Старая легенда рассказывает, что однажды рыбаки вытащили из волн морских статую Христа-Спасителя. Кто-то задел ее острым предметом, и рана закровоточила. Все поняли, что сам Бог наградил их за труды

силу не удалось. Цветаева, наверное, знала эту легенду, поэтому и выбрала эту открытку среди других.

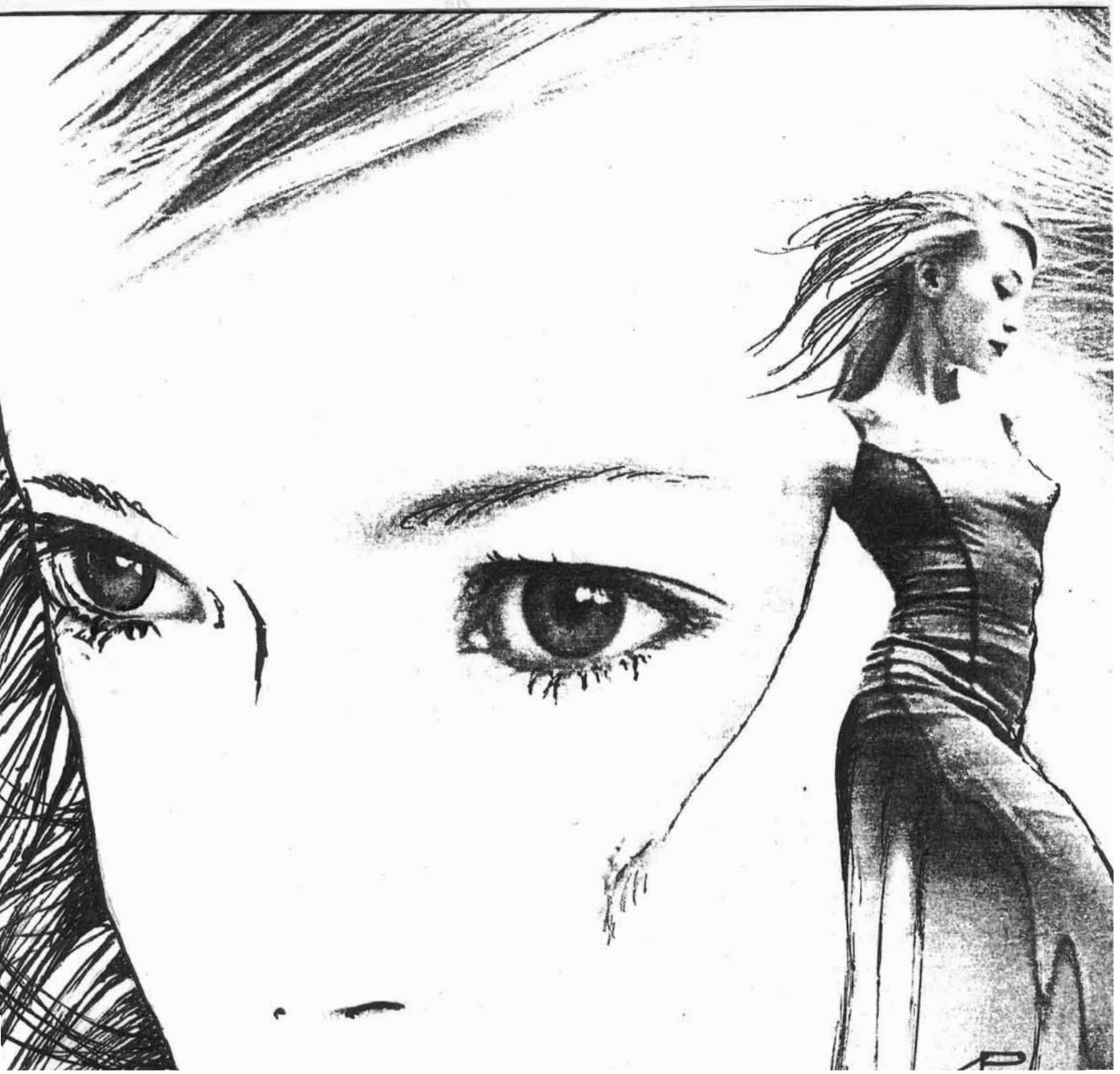
Покинув церковь Богоматери, мы отправились в библиотеку Дива. Она расположилась в бывшем административном здании литейного завода — величественном особняке конца XIX века. В медиатеке нас встретили как родных. Оказалось, что Серж Шамшинов и его жена

Анна Арк жили и работали в художественной мастерской Дива. Именно здесь в 2010 году письма Марины Цветаевой из Нормандии послужили поводом для творческого осмысления связи поколений, в результате которого родилась книга художника (находится в библиотеке), где сталкиваются и взаимоотражаются разные времена. С одной стороны, книга представляет биографическое эссе, а, с другой, — обращается к переводу пушкинских «Бесов», осуществленному Цветаевой в Ванве в 1937 году, в тот же год, когда был написан «Мой Пушкин». Французский перевод, обладающий удивительной музыкальностью, возникает на страницах книги в визуальном соответствии и созвучии с оригинальным текстом. На фронтисписе книги — гравюра Анны Арк «Портрет Марины Цветаевой», во второй части книги представлена серия рисунков Сержа Шамшинова «Follesfeuilles». Эти рисунки — графическая импровизация. Мы выходим из медиатеки с новым адресом этих замечательных художников. Они остались верны Нормандии, просто переехали в другой город, и понадобилось еще много времени, чтобы организовать нашу встречу. Булат Окуджава правильно заметил, что «весь мир устроен из ограничений, чтобы от счастья не сойти с ума».

Осень уже чеканила золото листьев, но неугомонное солнце ще-

дро светило в распахнутые окна квартиры Марины Цветаевой в Ванве. Здесь собрались все, кто любил и почитал ее. Сюда из Нормандии приехали Анна Арк и Серж Шамшинов, чтобы представить нам свою книгу. Как интересно они рассказывали, переходя свободно с русского на французский и наоборот. Серж Шамшинов — потомок известного армянского художника Артемия Шамшиняна, создавшего первую школу графики в Тифлисе. Серж не только художник, но и специалист по французской поэзии XX века, получивший докторскую степень в Париже. В своем творчестве он обращается к истокам книжного искусства и выполнил вручную более 400 оригинальных книг. Очаровательная Анна Арк не только художник, но и переводчик и поэт, кандидат филологических наук, примерная мать двоих детей, вдохновитель совместных творческих проектов, короче говоря, Муза! Они очень известны и популярны в Диве. Их идея открытия мемориальной доски Марине Цветаевой на Северной улице пока не реализовалась, но теперь мы обязательно осуществим эту мечту. Нам необходимо *«идти в мир с обновленной душой и действовать»*.

Вот так замкнулся нормандский цветаевский круг, полный легенд, открытий, незабываемых встреч. в начале было Слово — слово Цветаевой о дивном Dives-sur-Mer в необыкновенной книге Анны Арк и Сержа Шамшинова. □

Ирина Чупина

Двойник Энн

Моя жена умерла весной 2122 года. Образ ее я трепетно храню в своем сердце. Мой нежный и хрупкий цветок! Я бы мог сравнить ее с чистой белой розой в утренней росе! После ее кончины я два года находился в тяжелой депрессии и не общался со своими друзьями, хотя они часто мне звонили и спрашивали о моем здоровье, интересовались делами, которых особо не было, звали меня в театр, кино, на выставки. Я всегда благодарил их за звонки и отказывался от любых предложений. Я не мог представить, что пойду куда-то без своей жены, без моей вечной спутницы: это все равно, что земной шар решил бы прогуляться по своей орбите без луны. Признаться, когда Энн была жива, я редко выбирался куда-то без нее, а если делал это, всегда чувствовал какой-то душевный и физический дискомфорт. Со временем звонки друзей стали реже. Единственный, кто настойчиво продолжал опекать меня, был мой старший брат Том. Он часто повторял:

«Зак (мое полное имя Захар; моя мать, вторая жена моего отца, была русской, а мать Тома — англичанка, поэтому мы с братом были такие разные: он легко справлялся со своими чувствами, в то время как я не мог усидеть на диком вороном скакуне своих эмоций), дорогой Зак, тебе надо

отправиться куда-нибудь в путешествие, например, в Азию, чтобы как-то отвлечься».

Наконец я поддался уговорам и купил билеты в Китай. Я гулял с аудиогидом по большим шумным проспектам, где все передвигались на гироскутерах, по маленьким тихим улицам... Ничто не радовало мой глаз и не занимало мой ум.

Вечером в гостиничном номере я открыл электронное меню с услугами отеля и в самом конце нашел раздел «Особые услуги (эскорт, интим и т.д.)» Там был довольно большой каталог. Я последовательно открыл разделы «Женщины» — «Европейки» — «Блондинки». Далее был выбор из нескольких категорий относительно физических параметров: цвет кожи, тип лица, разрез глаз, вес, рост, размер груди и так далее. Интересным мне показался пункт «Навыки»: спорт, танцы, массаж. Здесь даже можно было выбрать IQ дамы, чтобы можно было играть со спутницей в настольные игры, вести светские беседы, смотреть фильмы, посещать театр и даже использовать понравившуюся даму в качестве гида.

Мне хотелось провести вечер в компании, и не имело значения, будет ли это случайно встреченная туристка из Европы или девушка из эскорт-услуг. Я продолжал выбирать критерии дамы, призванной скоротать мой вечер. Выбрал IQ «выше среднего», возраст 25-35 лет и стал пролистывать каталог белокурых красавиц. На одном из фото мое сердце замерло, тело оцепенело: с экрана на меня смотрела моя Энн. Пепельно-белокурые волосы, серо-голубые глаза, ее тонкий нос, немного бледные тонкие губы и даже маленькая родинка над бровью. У меня затряслись руки. Я долго не решался нажать кнопку «Выбрать», пока голографический экран не стал тускнеть, как он обычно делает перед отключением. Я решился и нажал. Появилась еще одна кнопка: «Подтвердить выбор и перейти к оплате». Отступать некуда. И, может быть, в реальной жизни она не так похожа? «Поднесите карту к экрану и оплатите» — сделано. Теперь предстояло мучительное ожидание...

Я ходил по комнате, садился в кресло, включал музыку, нервно выбирал песню из тех, что любила Энн, открыл бар, налил полбокала рома, забыл добавить лед, не заметил, как выпил его весь, даже не присев. И тут раздался спасительный стук в дверь.

Я молниеносно оказался у двери и открыл ее. На пороге стоял Он... Призрак моей жены.

— Добрый вечер.

— Добрый... — едва произнес я. — Проходите. — Впустив двойника Энн в номер, закрыл дверь и предложил: — Присаживайтесь, желаете выпить?

Девушка плавно опустилась в одно из двух кресел.

— Благодарю. Бокал белого вина, пожалуйста.

Тонко! Энн тоже любила белое вино. Я наполнил бокал и протянул его этому мифическому созданию, этому наваждению, этой нимфе, околдовавшей меня своим сходством с моей единственной и такой трагической любовью.

Я до дрожи хотел прикоснуться к Псевдо-Энн, но боялся, что она рассеется, как мираж.

— Могу я поинтересоваться, откуда вы родом? — начал я, хотя и с большим трудом.

— Я родилась в Англии и до 12 лет росла там, затем отца пригласили на работу в Китай. Мы переехали, а через два года родители попали в автокатастрофу. Моих родственников не нашли, я осталась в Китае и выросла в приемной семье.

Голос! До чего знаком был мне этот голос, и как давно я его не слышал! Мой мозг перебирал различные причины сходства этой девушки и моей покойной супруги и остановился на наиболее правдоподобной: девушка могла быть близняшкой Энн, о которой та не подозревала.

— А сколько вам лет?

— 34.

«Вполне могла быть близняшкой», — мысленно подтвердил я свою гипотезу. Где был мой здравый рассудок в этот момент?

— Как вы оказались в эскорт-услугах? — напрямую задал я вопрос, который как дрель сверлил мою голову.

— Средняя сестра первой нашла эту работу, а я — за ней. Это вполне приличное место. — Девушка немного смутилась, щеки ее порозовели. Она сделала глоток вина, затем выпрямилась, расправила плечи и с гордым видом посмотрела на меня.

— А вы любите спорт?

— Я люблю легкую атлетику.

— А искусство?

— Мне нравятся Сальвадор Дали и Пабло Пикассо. В детстве с родителями я посещала Лувр во Франции. А вы каких художников предпочитаете?

— Моя мать русская, поэтому я люблю русских художников. Один из них — Брюллов.

— «Последний день Помпеи» — очень эпичная картина. Из русских я предпочитаю Кандинского и, в меньшей степени, Малевича.

— Вы разбираетесь в искусстве, — заметил я, — и у вас есть определенный вкус, склонность к сюрреализму, кубизму.

— Вы правы. Натуралистические пейзажи, натюрморты и портреты можно увидеть и своими глазами, и это будет лучшее видение реальности, а вот реальность, пропущенная через сердце и выплеснутая на холст в совершенно новых формах, — это и есть искусство.

— Интересная мысль... Вы могли бы стать писателем.

Тут я должен сказать, что Энн была весьма популярной писательницей. Она выпустила два успешных сборника рассказов. В наше время люди любят короткометражные фильмы и короткие рассказы, время романов и полнометражных фильмов давно в прошлом. Сложно представить, что когда-то люди могли смотреть один фильм в течение двух часов и даже больше. А сколько времени уходило на то, чтобы снять такой фильм или написать книгу! По одному из ее рассказов, «Сомневающийся человек», об ученом, который открыл портал в другое измерение, но не решался сообщить об этом человечеству, чтобы оно не разрушило чужой прекрасный мир, сняли фильм. А Энн участвовала в написании сценария. Фильму присудили «Оскар», хотя это уже не такая престижная премия, как раньше, реалисти-игры с полным погружением взяли власть над некогда всемогущей индустрией кино.

— О, нет, мне не хватило бы таланта.

— Не скромничайте, стоит попробовать.

Девушка снова смутилась и сделала маленький глоток вина.

Мы говорили о фильмах, книгах, музыке, пресловутых реалисти-играх. Чем больше проходило времени, тем больше у меня создавалось ощущение, что я возвращаюсь к жизни. Я решил, что не смогу расстаться с этой милой, так похожей на Энн девушкой. Но я должен был остаться один и спокойно, в холодном уме (был ли он тогда при мне?) составить план.

Ближе к утру, после долгих, доставивших мне радость разговоров, я попрощался с девушкой, чье имя в каталоге «Особых услуг» значилось как Элис. После ее ухода тут же выпил снотворное мгновенного действия, то самое «в одной капле — один час бодрящего сна», и ровно через три часа проснулся посвежевшим и с довольно ясной, как мне казалось, головой.

Первым делом я оформил заказ на вечер с Элис, указал в примечании «Прогулка по городу», чтобы можно было покинуть отель, и никто ничего не заподозрил бы. Пришло подтверждение заказа, и я стал судорожно размышлять: где взять поддельный паспорт на свою спутницу? Может, апеллировать к тому, что жена потеряла идентификационную карточку, а ее смерть несколько лет назад — это ошибка системы? Найти проводника и пересечь границу незаконно? Тут я вспомнил, что у брата есть частный самолет — он занимался Интеркойном, электронной мировой валютой, и был весьма успешен в этой области. Я позвонил ему и сказал, что познакомился с де-

вушкой, хочу произвести на нее впечатление, а для этого мне нужен его летательный аппарат. Брат удивился, затем громко рассмеялся в трубку, сказал, что отдых идет мне на пользу, и он скоро сообщит, во сколько самолет сможет прибыть в Китай.

«Только пусть бак будет полным!» — уточнил я.

Буквально через час брат сообщил мне, что самолет будет в полночь по местному времени.

Элис пришла в 20:00. Я предложил поехать в левитирующий над центральной площадью ресторан. Мы вышли из отеля и прошли пешком до площади — она находилась в десяти минутах ходьбы от отеля. Посетителей в ресторан поднимали огромные квадрокоптеры. Внутри было несколько световых секторов — наш столик находился в желтом. Может быть, это к разлуке? Слышал я от матери такую примету... Мы легко перекусили, посмотрели неоновое шоу, полюбовались на вид из окна с высоты птичьего полета (как же мало сейчас птиц в городах).

Было уже 23:00, и я сказал, что у меня есть сюрприз, и вызвал такси. Уже сидя в машине, Элис спросила:

— Куда мы едем?

— В аэропорт!

— Вы уже сегодня покидаете нашу страну?

— Мы полетим вместе!

— Это невозможно! У меня нет документов. К тому же работа не позволяет мне покидать пределы города, не говоря уже о стране. И я боюсь летать.

— Это небольшая прогулка, — постарался я успокоить паникующую Энн, то есть, Элис. — Вы же уже летали?

— В детстве, — ответила она.

Видимо, не найдя в короткой прогулке ничего противоречащего правилам и инструкциям ее фирмы, Элис дала согласие.

В аэропорту VIP-клиентам задают мало вопросов и берут много чаевых. Поэтому, когда я сообщил, что лечу с женой, которая потеряла документы, нас посадили на борт без всяких проблем.

Во время полета девушка была веселой, но какой-то напряженной. Иногда мне казалось, что она впадает в протрацию. Я старался отвлекать ее разговорами и включал мои любимые короткометражные фильмы.

Спустя два часа она спросила, где мы летим. Я ответил, что мы делаем круги вокруг Китая. Она сказала, что чувствовала бы себя лучше на земле, что полет вызывает у нее мигрень. Я ответил, что пойду дать распоряжение о посадке. Здесь я слукавил. Вернувшись через 5 минут, я сообщил ей, что нам дадут посадку не ранее чем через час, так как в аэропорту какие-то проблемы. Она смирилась. А через два часа мы призем-

лились в Англии, где нас встречала машина, принадлежавшая фирме брата.

Элис была растеряна, она ничего не говорила и ни о чем не спрашивала. Я привез ее в свой большой дом, отвел в комнату для гостей, и она, сев на кровать, просидела так два часа.

У меня началась паника. Я не знал, что делать! Я выкрал девушку, привез ее к себе... Наверняка она смертельно напугана! Глупец! Как я мог так поступить? И что я буду с ней делать дальше? Я, наконец, понял, каким был идиотом. А если еще ее фирма начнет розыск — Интерпол, скандал, суд... Этого, конечно, я боялся меньше всего, но продолжал волноваться за свою пленницу. Девушка отказывалась от еды, не разговаривала, а сидела, уставившись в одну точку. Какую же психологическую травму я нанес этому созданию! Тревога нарастала. Ничего не оставалось, кроме как звонить брату.

Он приехал по моему зову, и я рассказал ему все, что произошло. Он поднялся в комнату, где сидела моя гостья, и тут же вернулся.

— Да, точная копия Энн, ты прав! — сказал он, подавляя улыбку, чем страшно раздражал меня. — Знаешь, Зак, современные мастера берут разных знаменитостей, которые уже не на слуху, и по сохранившимся фото и видео делают их точные копии. Для своих секс-машин. Твоя Элис — превосходный китайский бот, брат. У нее произошел сбой, она потеряла связь с сервером и сейчас зависла.

У меня внутри словно что-то обвалилось, и появилась необъятных размеров яма. Я не знал, что ответить.

— Хочешь, выкупим ее у фирмы, заплатим за соединение с сервером? — положил он руку мне на плечо. — А можно просто избавиться от нее, проблем не будет: эти боты у них хорошо застрахованы.

— Дальше я сам разберусь, спасибо за помощь, Том. Спасибо.

— Ты в порядке?

— Немного потрясен, немного удивлен сам себе, ведь я читал про этих ботов. Но я справлюсь. Все хорошо.

И Том, попрощавшись, ушел.

В этот же день я отправил в отель письмо, в котором сообщил, что крайне возмущен тем, что они незаконно использовали внешние и голосовые данные моей покойной жены, попросил удалить ее параметры из их базы данных, а также сообщил, что изымаю дроида и других претензий иметь не буду. Затем с тяжелым сердцем усадил Элис-Энн в машину и отвез ее в специальный центр утилизации.

Выходя из центра, я не мог сдержать слез, так я похоронил свою жену во второй раз... □

«Друг гитары»

Село Пальна-Михайловка Становлянского района Липецкой области — родина многих представителей рода Стаховичей, рода древнейшего, исконно русского, а имя Михаила Александровича Стаховича, известного гитариста, хорошо известно краеведам, фольклористам, музыкантам и литераторам.

Вот только год рождения Михаила Александровича указан в ряде источников разный: в одних — 1819-й, в других — 1820-й. Большинство исследователей склонны считать, что он родился 22 марта 1820 года. Его отец связал свою жизнь с русской армией, проливал кровь на полях сражений с французами. В чине ка-

питана артиллерии в 1818 году он поселился в Пальна-Михайловке, тогда Елецкого уезда Орловской губернии, и женился на единственной дочери масона Михаила Перваго. У четы родились двое сыновей — старший Михаил и младший Александр.

Первоначальное образование Михаил получил под наблюдением француза-губернера. Затем учеба на словесном факультете Московского университета, который он окончил в 1841 году. А через три года совершил поездку по ряду стран Европы — Италии, Германии, Швейцарии, где изучал музыку, литературу, штудировал немецкую классическую философию, знакомился со стихами Гейне и Гете, делал первые переводы на русский язык. По возвращении домой он занялся музыкой, в частности, брал уроки игры на семиструнной русской гитаре. Михаил Александрович стал настоящим виртуозом игры на этом инструменте, писал он и гитарные пьесы,

сочинял музыку к сонетам Шекспира и стихам Гете. В одном из своих писем к А.Н. Попову Стахович писал, что «до сей поры мое единственное дело — перо, стихотворное, ученое, и гитарная струна. Хочется ими окончательно и разумно завладеть, а не безотчетному наитию начитанного вдохновения или чужого восторга; это моя теперешняя цель». Прекрасно владея гитарой, он пел под нее русские песни, и, по свидетельству современников, пел очень вдохновенно. К тому же мог легко и верно записать на ноты услышанную мелодию. Поэтому, по словам академика Б.В. Астафьева, «друг гитары, глубоко русский человек, писатель и знаток песни, энтузиаст русской природы, русского слова — в целом русской живой интонации, не мог не взяться за доброе дело записи народных песен. Он ездил по Елецкому уезду, Орловщине и записывал эти песни. Целые четыре тетради, почти сорок песен он

*Пальна-
Михайловка.
Барский
дом*

издал на страницах журнала «Москвитянин» в 1851–1854 годах. Примечателен тот факт, что Михаил Александрович записывал те песни, которые ранее никогда не публиковались. Собранным песням он дал вторую жизнь — в сопровождении как фортепьяно, так и любимой гитары. Критик Т.П. Филиппов в журнале «Москвитянин» в рецензии на песенный сборник Стаховича писал: «У Стаховича есть уважение к предмету. Видно, что он не столь озабочен тем, чтобы сделать русские народные песни средством к своей славе, а имеет в виду распространение истинного об них понятия. Он не допустил сложности в сопровождении, чтобы за аккордами не скрыть самих напевов...»

Стахович был известен читающей публике того времени и как поэт. Его стихотворение «Разлука», напечатанная в мартовском номере «Москвитянина» за 1854 год, пронизано тонким лиризмом. Стихотворение «Дедушкин сад» было опубликовано во многих детских

сборниках и хрестоматиях. Язык его стихов близок к народному:

*Звуча, прошла коса, досужие серпы
С зари и до зари колосья пожинали,
Ряды ложились; вязались снопы,
И копны, как стада несметные, стояли.
И говором вся степь была оживлена;
Работа дружная и шумная кипела.
И песня косарей, раскатиста, звучна,
Далеко по заре лилася и звенела.
«Осень»*

В своих стихах Стахович воспевал красоту родной природы, необозримую ширь степных просторов:

*Степь открылась перед нами,
Любо в даль ее глядеть!
Любо ровными полями*

*С вихрем взапуски лететь.
Славно, братцы, в поле чистом
Слушать песню ямщика.
Вместе с звуком серебристым
Голосистого звонка.
«Выезд»*

Из прозаических произведений Михаила Александровича особый успех имела пьеса из русского быта «Ночное», которая долгое время шла во многих театрах страны. Его произведения публиковали журналы «Москвитянин», «Современник», «Русская беседа».

Многие из нас зачитывались знаменитым толстовским «Холстомером». Так вот, сюжет Льву Николаевичу подсказал брат Михаила Александровича Александр. Он нашел в архиве своего старшего брата наброски к повести «Похождения пегого мерина» и передал их Толстому, который посвятил свое произведение Михаилу Александровичу.

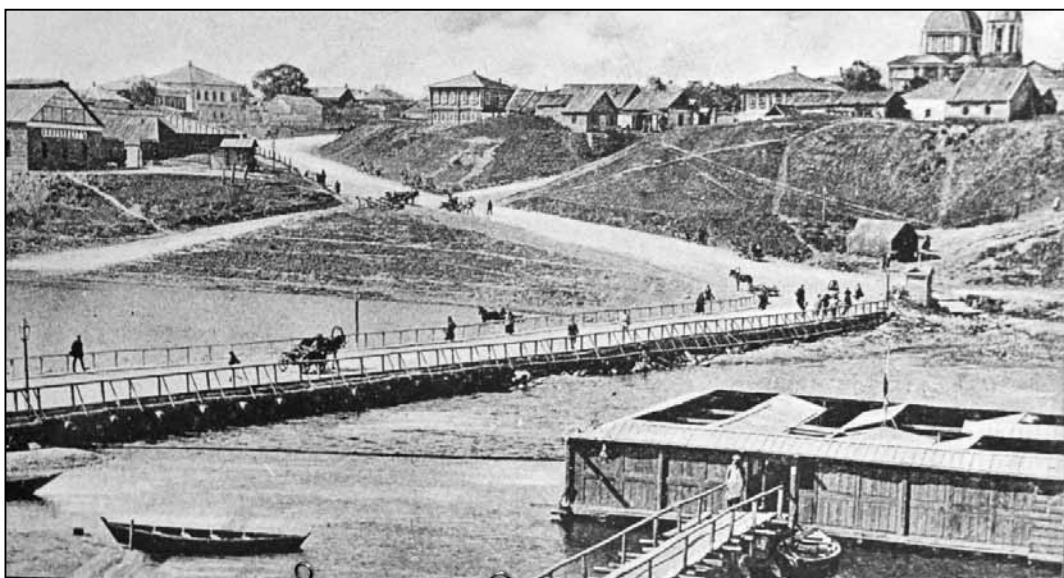
Не только богатство, но и образованность и демократичность Стаховича сделали его заметной фигурой в Елецком уезде и на Орловщине. Дворянство избрало его своим предводителем. В Ельце Михаил Александрович собрал вокруг себя образованных представителей интеллигенции. Проявлял он интерес и к местной истории. До сих пор труд Стаховича «История, этнография и статистика Елецкого уезда», изданный в 1858 году, является образцом для краеведов. Не устарела работа

Стаховича «История семиструнной гитары», изданная после его смерти отдельной книгой в 1864 году.

И хотя Стахович был одним из богатейших землевладельцев не только Орловской губернии, но и России, а также владел первоклассным конным заводом, демократичность его не была позой или маской пресыщенного барина. Он действительно прикипел душой к своему народу, не только знал его жизнь, но и понимал, вникал в его духовную и социальную сущность. Как вспоминают современники, был он человеком мягким, простым в общении не только со своими дворовыми, но и с крепостными. Последние не только уважали своего барина, но и любили его. Елецкая интеллигенция считала Стаховича неподкупным, честным человеком.

Добросердечность и мягкость характера Михаила Александровича сослужили ему плохую службу, став причиной его трагической гибели: он был зверски убит своим бурмистром (управляющим имением — Авт.) Иваном Мокринским.

Личная жизнь Стаховича складывалась трудно, с драматическими изломами. Находясь в Германии, он женился, но по возвращении в Россию развелся с женой, влюбившись в крестьянскую девушку — племянницу бурмистра. Последний коварно использовал связь барина с племянницей в корыстных целях. Иван управлял большим и богатым имением во время частых и долгих от-

*Старый
Елец*

лучек барина и, в конце концов, почувствовал себя полновластным хозяином и господином. Он злоупотреблял властью, крал, имел массу запутанных денежных расчетов. Немало ассигнаций осело в его кармане. В тот злополучный день 1858 года, возвращаясь из Ельца с обедни, Стахович пел под гитару в коляске любимые песни, шутил и вообще был в хорошем расположении духа. По приезде он вызвал Ивана и объявил, что намерен разобраться с его делами по управлению имением. Через два часа его нашли повешенным. Случилось это в темную дождливую ночь 26 октября. Следствие установило, что бурмистр со своим помощником-камердинером (у Стаховича была большая сумма денег, полученная накануне в Елецком банке) убили Михаила Александровича, а затем инсценировали самоубийство. Судебная экспертиза показала, что Стахович умер от ударов в висок, и лишь потом был повешен.

Десятки изданий посвятили некрологи Стаховичу, в которых, в частности, подчеркивалось, что Михаил Александрович «на деле сроднился с русским простонародьем и горячо любил его». Младший брат Александр писал о нем: «Мир твоему праху, народный писатель! Всю жизнь посвятил ты своему народу, которого знал и любил так много. Долго словом и делом проводил ты мысль о его освобождении, и когда повеяла свобода, как отозвался ты на священный призыв! В числе немногих стоял ты за право крестьян на землю, которое они приобрели не юридическим путем, а трехсотлетним крепостным трудом, орошая эту самую землю кровавым потом... Ты умер, не дождавшись обетованного дня, но ты предсказывал его и видел его рассвет! И придет время, русский народ вспомнит и твою деятельность в истории своего освобождения, оценит тебя и в немногих оставшихся после тебя произведениях... Вспомнут тебя добрым словом и от души скажут: вечная память!» □

Надежда Бабкина

Имя Надежды Бабкиной не нуждается в представлении. Популяризатор народного творчества и известная телеведущая, руководитель своего театра «Русская песня»...

Все ипостаси Надежды Георгиевны трудно перечислить. Однако одно можно сказать точно — во всех своих ролях Бабкина является зрителю яркой, самобытной и всегда жизнерадостной.

Сегодня она поделилась с нами секретами мастерства и многим-многом другим...

«Я испытываю настоящую эйфорию, когда выхожу на сцену»

Фото из личного архива

— Что для вас является главным в творчестве?

— В первую очередь воспитание и образование наших зрителей, и только потом развлечение. Народное творчество — оно про самосознание, про содержание, про то, что, в конце концов, свойственно человеку. Таким образом мы воздействуем на аудиторию, которая приходит в театр «Русская песня». В том

числе и молодежь. Я счастлива видеть в зрительном зале молодых людей. Значит, для них самосознание тоже — не пустой звук.

— Какой из спектаклей — самый любимый для вас?

— Это все равно, что у многолетней матери спросить, какого ребенка вы любите больше других. Как можно выделить один спектакль?

Все без исключения спектакли театра «Русская песня», независимо от жанра, будь то драма или комедия, проходят при аншлагах. В финале зрители стоя нам аплодируют. Разве я могу говорить о том, что спектакль «Яма» по повести Куприна лучше или хуже комедии «Горько», поставленной по Чехову и Зощенко? Они разные, в этой разности, в этом многообразии заключается успех и особенность нашего театра.

— Ваши любимые писатели?

— Я очень люблю Антона Павловича Чехова, глубинного, интеллигентного писателя и человека, писавшего на вечные темы. Мне нравится чеховский юмор, чеховская эпоха — мода той поры, жизненный уклад, все эти чаепития в беседках, зонтики кружевные... Чехов всегда дает надежду читателю, его произведения светлые. А вот кого из писателей я совсем не воспринимаю, так это Достоевского. Для меня это очень тяжелая литература — беспросветная, с полным отсутствием положительных героев... Конечно, кто-то скажет сейчас, что Бабкина ничего не понимает в классической литературе — и пусть. Я категорически отвергаю безнадегу, а потому не хочу глубинно вникать в Достоевского.

— Ваши любимые народные песни?

— Я вообще очень люблю все народные песни, без исключения. Ка-

кие бы музыкальные композиции сейчас ни называли модными, что бы ни крутили по радио, все равно во время застолий с родными и близкими людьми мы поем «Виновата ли я», «Шумел камыш», «Летят утки», «То не вечер»... Мне не нужно покупать за бешеные деньги хиты у современных композиторов. Достаточно копнуть в архиве материал, добытый в фольклорной экспедиции, вот тебе и хит.

— Что нужно делать, чтобы научиться красиво и чисто петь колыбельные?

— Я скажу так: для того чтобы петь колыбельные, не нужен какой-то выдающийся голос — ребенку достаточно слышать рядом голос мамы, знакомую интонацию... Поэтому колыбельные пойте сердцем и душой. А то пока научитесь петь чисто и красиво, ребенок вырастет из возраста колыбельных песен.

— Правда ли, что вы обладаете почти мистическими способностями?

— Я обладаю сильнейшей интуицией, а не мистическими способностями. У меня было много случаев, когда я предчувствовала события. Однажды, к примеру, договорилась о важной встрече с одним начальником (так как я руководитель коллектива, сами понимаете, мне постоянно приходится что-то

согласовывать, о чем-то договариваться), все у меня готово, все документы лежат на столе. В тот день пораньше встала, все у меня было замечательно. Выхожу в коридор, вставляю ключи в замок, и сердце вдруг раз — и сдавило. И мое состояние радости и покоя нарушилось. Я тут же понимаю, что можно не ходить. Я это называю

самая точная. Всегда, даже если она неприятная. Как только ты начинаешь размышлять, уходишь в заблуждение, теряешь вообще всю смысловую историю, и не происходит ничего. Так что с первой мыслью не надо бороться. Ее надо принимать, разобраться в ней, поблагодарить за нее Бога и двигаться дальше.

«екнуло сердце». Но я пошла, все-таки у меня была договоренность. Прихожу, а мне говорят, что встреча отменяется, человек срочно уехал на совещание, и все переносится. Но я-то об этом знала заранее, знала, что еду зря. Так что надо доверять своей интуиции. И еще: первая мысль, пришедшая в голову, —

— По каким критериям отбираются артисты в театр?

— Людей в свой коллектив я отбираю с пристрастием. Все просчитывается, как в высшей математике. Конечно, главное условие — профессионализм. Все мои музыканты и певцы имеют высшее консерваторское образование, они умеют им-

провизировать, а сочинить свои ноты — это высший пилотаж в нашем искусстве. Но одного профессионализма бывает недостаточно, другие немаловажные критерии для отбора будущих артистов — это наличие горящих глаз и беспокойных сердец. Один из определяющих моментов при подборе кадров — интуиция.

Бывает, только открывается дверь, входит человек, и я понимаю — да, мы будем работать. А бывает, вошел человек и запел: «Чарочка моя, кому чарку пить? Надежде!» На этом — все. Мы не сработаемся, потому что я терпеть не могу подхалимов, не люблю, когда лезут вон из кожи, лишь бы понравиться мне. И в жиз-

ни, и в работе я предпочитаю взаимодействовать с людьми открытыми, смелыми, верными, не умеющими пресмыкаться.

— Какие храмы в Москве любите посещать?

— Я много лет хожу в храм Воскресения Слоущего, который находится в двух шагах от моего дома — в Брюсовом переулке. Этот старинный храм не закрывал свои двери для прихожан даже в советское время. Я могу переступить его порог с закрытыми глазами и безошибочно подойти к любой иконе. Знаю там каждый уголок, знаю всех служителей, и они меня тоже узнают, улыбаются при встрече. Чудесная, очень теплая, благодатная церковь.

— Каким был самый запоминающийся эфир «Модного приговора»?

— Наибольшее впечатление на меня произвела история доярки Зинаиды. Она появилась в студии в очень красивом национальном костюме с монисто на голове. Помню, подумала тогда: зачем ее переодевать, ведь она сама по себе уникальна.

Оказалось, Зинаида довольно часто бывает в Европе, где поселились обе ее дочери, вышедшие замуж за иностранцев. Когда Зина рассказывала о своей жизни, я невольно ловила себя на мысли, что

сама не живу, а царствую по сравнению с ней, хотя ведь тоже не лежу на диване. Каждый день эта трудолюбивая женщина просыпается в три часа утра и направляется в коровник. Зимой ходит пешком, летом ездит на велосипеде. И так каждый день на протяжении десятилетий. А дома ждут муж-механизатор, огород, хозяйство. Тем не менее, ни тени жалости к себе, никакой обиды на судьбу. Из «волшебной комнаты стилистов» «Модного приговора» Зина вышла другим человеком — элегантная, стильная, подтянутая. Находившиеся в студии дочери плакали от умиления, потому что отродясь маму такой не видели. На вопрос Саши Васильева, куда она отправится в новых нарядах, Зина с гордостью ответила: «Поеду к старшей дочери в Португалию».

— А какие выводы вы сделали, являясь ведущей «Модного приговора» на протяжении стольких лет?

— «Модный приговор» — проект, прежде всего, социальный. Это главный мой вывод. Женщины уходят от нас преобразенными не только внешне, но и внутренне. Они становятся более решительными, уверенными в себе, целеустремленными. Их преобразование — пример для всех зрительниц, которые, сидя перед экраном телевизора, думают: «А я тоже так могу!»

— Ваш любимый музыкальный инструмент?

— Я очень люблю рожок. Это обрядовый инструмент, который иллюстрирует человеческий голос, поэтому вибрации каждого рожка уникальны и неповторимы. Да и само это направление уникально и является важной составляющей в контексте народной культуры.

— В чем состоит основная трудность в управлении таким сложным организмом как театр?

Если я скажу, что управлять театром, как и любым творческим организмом, легко, — я совру, потому что коллектив, сплошь состоящий из личностей, профессионалов — это грандиозный сложный механизм. Каждая деталь такой машины требу-

ет отдельного подхода. Но, с другой стороны, когда механизм отлажен — он работает четко, без помех. Вот в этом и заключается основная трудность — настроить, отладить, направить в нужное русло. Но я с этой трудностью справляюсь, как видите, — ансамблю «Русская песня» в прошлом году исполнилось, шутка ли, 45 лет.

— Вы верите в судьбу?

— Конечно. Но также верю, что судьбу можно скорректировать. У каждого бывают особые ситуации, когда человек понимает, что он, как овца, заблудился. В такие моменты его настигают болезни. Болезни нам даются как предупреждение, чтобы мы обратили внимание на свое нутро, на свои мысли,

на свое отношение к себе лично и к окружающим. Если этого понимания не происходит, то человек себя разрушает до конца. И винить кого-то, что ты заболел, что врачи не смогли что-то разглядеть, глупо. Врачи не могут вылечить причину, они борются только с последствиями. А причина сидит в голове, в человеке. И человек со своими причинами должен сам разбираться. У меня в жизни были моменты, когда я чувствовала, что нуждаюсь в мощнейшей поддержке извне. Тогда я поехала в Загорск к отцу Герману. Мне нужна была не исповедь, честно говоря, я не знаю, как это делать, а простая душевная проповедь. Отец Герман так читает молитвы, что на душе легче становится. На службу я ездила три раза. Просто стояла и слушала. Первого раза мне показалось мало, я поехала еще, потом третий раз. В мой последний приезд отец Герман ко мне подошел, положил руку на плечо и сказал: «Вам больше сюда не надо приезжать, достаточно». Ну откуда он это знает? Он же не видел, что я Бабкина. Стоит и стоит какая-то женщина в платочке, в очках. И как ведь он на меня внимание обратил, запомнил! А мне действительно было достаточно. Уже на третьей службе я стояла и понимала, что у меня теперь все будет хорошо. Это какая-то интуиция, Божья подсказка. И если человек ее слышит, то она ему будет здорово помогать.

— О чем вы мечтаете?

— У меня есть серьезная мечта, которую я должно реализовать. Говорить о ней не буду, ибо это бессмысленно. Когда я говорила о том, что хочу создать театр, надо мной смеялись, а театр, вопреки всему, открылся, он собирает аншлаги, репертуар растет... Так что иногда мечты неплохо озвучивать.

— Когда появляется свободная минутка, на что тратите?

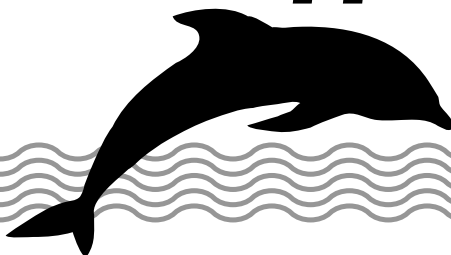
— Когда выдается свободная минута, встречаюсь с внуками! Мы вместе играем, рисуем, читаем книжки, лепим, готовим печенье и блины. Я стараюсь как можно больше находиться с ними на улице, на свежем воздухе.

— В чем, на ваш взгляд, секрет хорошего настроения?

— Работа. Только работа. Когда ты занят, у тебя не находится времени на переживания и плохое настроение. Причем, чтобы отключиться от негатива, лучше всего заняться физическим трудом. Можно, например, полы помыть в доме, постирушку затеять какую-то, вокруг себя порядок навести — сразу почувствуете, как мысли упорядочиваются, и голова встает на место. Я радуюсь, испытываю настоящую эйфорию всякий раз, когда выхожу на сцену. Когда понимаю, что истинный фольклор понятен всем. □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Старик и дельфин

Было раннее утро, когда старик вышел из деревянного домика с небольшой прихожей, расположенного недалеко от берега моря. Спустился по шатким ступенькам, которые плясали под его ногами, словно клавиши «отжившего» пианино, издавая трескучие и одновременно тревожные звуки, прошел мимо небольшого бассейна, сооруженного им самим, и вышел к невысокому пригорку, с которого открывался вид на бескрайний простор, нависший над морем. Небо было чистое. Солнце палило, накаливая воздух.

Еще в домике, проснувшись, он почувствовал, что произошло что-то неладное. В воздухе носилась тяжелая смесь, которая затрудняла дыхание.

Из завешенного туманом горизонта, выкатывалось солнце, бросая горячие лучи на черную поверхность моря, покрытую на несколько десятков квадратных километров густой, тяжелой нефтью. Она вылилась из двух столкнувшихся ночью танкеров, носы которых еще торчали из воды, как громадные скалистые рифы.

— Человек убивает природу, — прошептал старик, — только немногие понимают, что, убивая природу, человек убивает себя, но, если бы человек не убивал природу, природа убила бы его.

Несмотря на годы, перевалившиеся за седьмой десяток, он был в хорошей спортивной форме. Каждое утро проплывал по три километра, потом пробежал столько же, садился на песок, скрестив ноги, и, подставив лицо

солнцу, представлял себя парнем, в котором играла и бурлила молодая кровь.

Он хотел, как обычно, поплавать в море, но, увидев его безжизненную поверхность, решил повернуть назад. Ему было больно смотреть на безрадостную картину. Сколько лет жил возле моря, но еще ни разу ему не приходилось видеть его омертвевшим и бездыханным. Окинув взглядом берег, похожий на чернильную жирную черту, он увидел какой-то черный обрубок, который принял вначале за кусок дерева, но обрубок вдруг зашевелился и оказался небольшим дельфином с вытянутым вперед клювом, весь покрытый толстым слоем нефти, от которой исходил удушающий запах, разрывая легкие. Дельфин дергался, с трудом поднимая заостренную морду. Он умирал...

— Эх, брат, — вздохнул старик, — не сумел удержаться в море, лишним оказался в нем, выбросило оно тебя. Так бывает. Что же делать с тобой? Стащить в море — сквозь нефть ты не пробьешься, оставить на суше — задохнешься. Так бывает, — повторил он, — когда все отворачиваются от тебя, и ты оказываешься ненужным.

Он стащил полотняную куртку, смотал ее в крепкий жгут и начал вытирать дельфина, сбрасывая толстые пласты нефти. Это была нелегкая работа, но он не помнил, было ли время, когда не утруждал свои руки. Очистив дельфина, старик увидел, что его спина была коричнево-синего окраса, живот — светлый, по бокам пролегали полосы, переходящие из светло-желтых в серые. Все тело было в ранах.

— Э, — протянул старик, — тебя, наверное, атаковали акулы, но ты ушел от них. Это сильные твари, но ты сумел вырваться. Молодец!

Отбросив куртку, он, нагнувшись, обхватил дельфина за туловище, поднял его и прижал к груди.

— Тяжел ты, брат, но я пока еще не слаб, дотащу тебя к дому, там у меня есть бассейн, поживешь в нем, пока море не очистится, а потом и на волю тебя отпущу, а может, и нет, если мы понравимся друг другу...

А в это время в городском цирке «Все для детей» администратор Гном Кандыба распекал в своем кабинете зама Густава, который ростом был вдвое выше, чем он. Рост не позволял Гному добраться до носа Густава. Он вскакивал на стул и со стула крутил нос зама до красноты, оря при этом:

— Ни хрена не делаешь! Водку пьешь, от баб не отлипаешь! Нам нужен дельфинарий. Цирк сдыхает. Мало развлечений. Ерундовая выручка. Разбейся, а достань дельфина.

— Да где я его достану? — отбивался Густав. — В магазине дельфины не продаются.

— А тебе, конечно, хотелось, чтобы все в магазинах продавалось. Увы. И вообще, медведи надоели, от тигров тошнит. Ап, и тигры у ног моих сели. Ап, и с лестниц мне глядя в глаза. Ап, и кружатся на карусели. Ап, и в обруч горящий летят. Ты лезь в море, ныряй. Нанимай лодку, катер, бери сеть, автомат, — сыпал Кандыба, стараясь чуть ли не зубами вцепиться в нос Густава.

— А автомат зачем?

— Так легонько подстрелишь дельфина, а мы его потом вылечим и в дело цирковое пустим.

В дверь постучали, и в кабинет вошел охранник Грузило.

— Шеф, — бросил он, — я слышал ваш разговор. Дельфин есть. Я прогуляться утречком вышел, хотел к старику зайти, который живет возле моря, рыбки половить. Видел из-за кустов, как он стоял возле дельфина и обтирал его. Два танкера столкнулись, нефть разлилась, дельфин попал в нее, а потом его выбросило на берег. Старик утащил дельфина в свой бассейн.

— Так нужно быстро мотать к этому старику. Бабки заплатить, а дельфина забрать, а вообще можно и без бабок. Но это в крайнем случае.

— Старик упрям, — ответил Грузило. — На бабки не клюет. Чокнутый, помешанный на воле.

— Ну, если на бабки не клюнет, — бросил Кандыба, — возьми Хорька с собой. Сообразите, что делать, если начнет брыкаться.

— Шеф, нужно ехать денька через два. Подождать. Пусть дельфин пока поживет у него. Может, он слабый, дохлый, а мы будем бабки за ерунду платить. Никуда дельфин не денется. Только не мы с Хорьком должны ехать, нас он знает. Я подберу двоих из своей команды.

— Подбирай, кого хочешь, но чтобы дельфин был!

Нести дельфина старику было нелегко. Всю ночь его мучила язва, она доставала резкой болью под ложечкой, и ему хотелось улечься животом на песок, чтобы хоть немного притушить резь, но он терпел, продолжая идти по тропинке. Порой его ноги сплетались, часто вязли в песке, плотный пот хлыстал по лицу, постоянно приходилось мотать головой, сгоняя его с глаз, чтобы не потерять дорогу и не завалиться в густые кустарники, разросшиеся по сторонам тропинки. От напряжения время от времени падал, рот забивался песком, но, отхаркавшись, снова вставал и шел, изредка останавливаясь, чтобы отдышаться и поговорить.

Однажды ему пришлось лежать в военном госпитале, его искромсали осколки гранаты. Он бы умер, если бы санитарки не кричали ему: разговаривай, говори с нами о чем угодно, матерись, иначе потеряешь сознание и впадешь в кому, из которой мы тебя не вытащим. И он говорил, говорил, пока не оказался на операционном столе...

— Не бойся, ты не умрешь, — повторял старик. — Обязательно дотащу тебя. Знаю, как это делать. Воевал. Если даже упаду, то затащу тебя на спину и поползу. Так друзей своих таскал, и живых, и мертвых. Они были потяжелее, чем ты.

Последний раз он упал, ударившись головой о камень, когда до бассейна оставалось несколько десятков метров, и потерял бы сознание, если бы дельфин не толкнул его носом.

— Ненавижу тебя, — сказал старик, глядя в зашевелившиеся глаза дельфина, — но тащу, потому что, если брошу, умрешь, и мне придется рыть для тебя могилу. За свою жизнь я много их нарыл, и еще одна мне ни к чему.

Вода в бассейне была чистой, старик часто менял ее. Делал он это, чтобы чем-то занять себя, иначе он мог просто превратиться в лежащее на кровати существо с воткнутым в потолок неподвижным взглядом. Оказавшись возле бассейна, старик с оставшейся силой толкнул в него дельфина, вытер рукой катившийся со лба пот и улыбнулся.

— Что, брат, — сказал он, глядя на плавающего дельфина, который еще полностью не пришел в себя и тыкался в стенки бассейна. — Почувствовал и вкус смерти, и вкус жизни. Понимаю. Кстати, о том, что у меня дельфин в бассейне, скоро узнают. Некоторые приходят из города за рыбой, а в городе работает цирк, и оттуда могут прийти, чтобы купить тебя. Но это еще цветочки. Все знают мое упрямство, и если я не соглашусь продать тебя, постараются взять силой.

Дельфин поднял заостренную морду, издал свист, потом, выгнувшись, ударил хвостом по воде и взмыл вверх.

— Красиво, — покачал головой старик, — но ты ведь не дурак и хочешь показать не свою красоту, а то, что мы устояли? Правда, мне потребовалось немало терпения, а тебе жажды жизни...

Дельфин в ответ снова пронзительно свистнул.

— Что, хочешь домой? Понимаю. Когда я уехал в город, чтобы выучиться на военного, меня поселили в казарму. Она была огромная, холодная, с высоким потолком, который, как казалось мне, доставал до неба. Я сильно тосковал по дому и каждый день писал письма родителям, а потом привык. Это скотская привычка человека привыкать даже к тому, кто его бьет.

Над морем, тревожно крича, показались чайки. Они мотались над черной поверхностью, выискивая незагрязненные полосы воды, так как нефть лишила их пищи. Некоторые стремительно пикировали вниз и попадали в густую жижу, которая заглатывала их. Они пытались вырваться... Но кто мог помочь им?

— Меня однажды хотел побить в училище офицер, — продолжал старик, не отпуская взгляд от попавшихся в ловушку чаек и растирая онемевшие жилистые руки, — но я сказал: тронешь хоть пальцем, на стрельбище расстреляю из автомата, всю обойму выпущу. Если бы ты видел его лицо. Оно было вот такое, — засмеялся он, отвесил нижнюю челюсть и вытащил язык.

Солнце раскалялось, разжигая воздух чуть ли не до каления, нефть на море плавилась от жары, наполняя все вокруг ядовитым запахом.

— Ты у меня временно, поэтому нужно потерпеть. Поживешь у меня месяц-два, наберешься сил, а потом я отнесу тебя в море. Одного не пойму — как ты попал сюда? Никогда не встречал здесь дельфинов. Когда работал моряком, видел вас возле острова, но остров находится почти в восьми тысячах километрах от моего берега. Наверное, тебя увлекло любопытство посмотреть дальше своего носа. Я тоже был любопытен, но, слава богу, вовремя одумался, когда почувствовал, что окружающее начало становиться для меня сухим и бесчувственным. — Старик помолчал. — Только вот есть одна забота. Мне же нужно будет кормить тебя, а море грязное, придется ходить каждый день с утра за десяток километров к заливу, который отгорожен от моря, думаю, нефть в него не попала.

Дельфин, снова выгнувшись, ударил хвостом по воде, взмыл, словно стрела, вверх, сделал кувырок и, обрушившись в воду, выбил огромный фонтан брызг.

— Веселишься, а ведь не знаешь, что у меня было желание бросить тебя умирать, но я не бросил, потому что меня замучила бы совесть. У человека есть совесть. А у вас?

Старик сидел на краю бассейна, пока солнце не стало закатываться за горизонт, рассказывая дельфину о своей жизни. Он был рад, что ему представилась возможность поговорить. К нему почти никто не заглядывал. Бессонные ночи все чаще и чаще наваливались на него, и старик, чтобы не попасть в их силки, жил воспоминаниями.

— У вас тоже есть любовь, как и у человека. Если бы ее не было, разве вы выжили бы? Так и человек. Когда я был молод, у меня была любовь к одной женщине. Очень крепко любил ее, но мы измотали друг друга подозрением и ревностью, поэтому разошлись. После этого я долго не видел ее, а когда мы случайно встретились, то поняли, что стали другими, потому что подозрения, ревность и обида отобрали у нас силу любви... Через какое-то время я встретил другую женщину, женился, у нас родился сын... — Старик замолчал, язва напомнила о себе резкой болью, которая была гораздо сильнее той боли, которая обложила его, когда он нес дельфина. Когда немного отпустило, он продолжил: — Да, любовь... Сейчас и сам не пойму, почему мне не хочется вспоминать о той женщине. Может быть, из-за войны. Много

воевал, много убивал. Вот это, видимо, и разодрало меня. Во мне вместились и любовь, и убийства. А носить в душе два противоположных чувства — нелегко. Я ведь, брат, чуть не погиб...

Это было в Афганистане. Ему удалось уйти от преследования, застрелив моджахеда: почти мальчонку, который, отделившись от своих, в горячке, не остыв от стрельбы, бросился за ним, чтобы подсечь его автоматной очередью. Ему хотелось даже остановиться, обернуться и крикнуть мальчонке что-то вроде: «Остановись, пацан, отстань, иначе убью», но было ли это желание души или просто слова, вызванные страхом, он не разобрался, да и задумываться было некогда.

Он уже выходил из густых зарослей, в которых блуждал часа два, пытаясь выйти на знакомую тропинку, ведущую в расположение воинской части, как вдруг почувствовал, что на его спину обрушилось что-то невероятно тяжелое и сильное, опасное и яростное. Заклинило дыхание, сбило с ног, и, завалив лицом к земле, стало разрывать кожу на просоленной спине, вонзаясь когтями все глубже и глубже. Боль полосовала его, туманила и кромсала голову, нагоняла волны страха, выбивала желание сопротивляться, жить, заполняя его одной мыслью: скорее бы конец. Она все больше усиливалась, но вместе с ней усиливалась и неожиданно вспыхнувшая ярость: вырваться, убить. Растерявшись, он забыл о пистолете и, вместо того чтобы вытащить его, поднял руки вверх, закинул их назад и почувствовал, что захватил обросшую шерстью шею неизвестного ему зверя. Сработал животный инстинкт. Напружинившись, он сильным рывком (страх порой придает силы) сорвал его со спины и бросил на ствол дерева. Минут пять лежал безразличный ко всему, ожидая очередной атаки, но она не последовала, и тогда он открыл глаза и сквозь застилавшую их мутную пелену увидел на расстоянии протянутой от себя руки корчившегося зверя, который пытался подняться, но ему не позволял перебитый от удара об дерево позвоночник.

Упираясь на локти, он пополз к зверю, который, увидев его, стал царапать землю и двигаться навстречу ему. Оба понимали, что схватка уже ничего не решит, но добить первым, а умереть вторым было бы победой...

Прочесывавшие заросли солдаты нашли его вечером. Голова лежала между лапами, которые словно обнимали его...

— Вот так, — сказал старик. — Это был необыкновенный зверь. Я такого никогда не видел. У него было мало сил, чтобы продлить свою жизнь. Такое случается и с человеком. Я слышал, что вы не только убиваете друг друга, взрослые самцы убивают молодых дельфинов из-за самок, но и лю-

бите друг друга. Видимо, все живое так поступает. Ты сегодня будешь плохо спать, как и я, потому что у нас с тобой нехорошие воспоминания...

Каждый день старик ходил к заливу за пищей для дельфина и осматривал море. И чем больше очищалось море, тем больше у него возникало недовольство. Если вначале он почти весь день проводил возле бассейна, рассказывая дельфину грустные и веселые истории, то в последнее время чувствовал, как сердце охватывали холод и тоска, в голосе появились злые нотки.

— Я многое могу сделать с тобой, — говорил старик. — Могу разделать на мясо и заработать на нем, могу продать тебя циркачам, чтобы они научили тебя показывать зрителям разные трюки, но это будет или смерть, или неволя. Могу оставить тебя здесь, но ведь может случиться так, что я умру первым, а ты погибнешь от голода. Тогда зачем тащил тебя из нефти?..

Прошла неделя. Поднявшись утром, старик достал снасти и начал чинить их. В это время возле двора остановилась грузовая машина, в кузове которой громыхала огромная ванна, и высадились два мужика. Старик понял: надвигалась беда..

— Эй! — крикнул один с красным лицом, хмуро разглядывая старика. — Говорят, что у тебя есть дельфин. Посмотреть желаем.

— А что смотреть. Вы из цирка?

— Догадливый. Хотим купить.

— Не продается, — ответил старик, жалея, что не прихватил ружье.

— Ну, если не продается так не продается. Мы даем тебе денька два-три подумать, чтобы продавался.

Мужчины повернулись и пошли обратно к машине.

— Плохи наши дела, брат, — сказал старик, — море еще не очистилось, и я не могу выпустить тебя, а они не отступят. Мне придется все время таскать ружье, чтоб не сплеховать, когда они приедут. Конечно, убивать — это плохо, но я не вижу другого выхода. Меня затаскают по судам, но я скажу, что они напали, а я защищался. Может, конечно, и не прокатить. Я постараюсь не убивать, но повозиться придется.

Через два дня мужчины появились снова.

— Ну что? Продаешь?

— Нет, — покачал головой старик.

— Тогда силой возьмем.

Они подошли к бассейну и стали на самый край.

— Возьми веревку, она у меня под сиденьем лежит, — сказал краснощекий напарнику. — Прыгни в бассейн, обмотай его, а потом мы и вытащим. Старик, подойди сюда, поможешь нам. Хорошие деньги дадим.

Старик подошел, тоже встал на край бассейна и бросил:

— Я же сказал, что не продается.

— Поменьше гавкай! — Краснощекий ударил его по лицу, толкнул к своему напарнику, и старик, получив второй удар, повалился на землю.

Дельфин быстро закружил по бассейну, взметнулся вверх и ударом хвоста столкнул мужчину с края бассейна в воду. Старик метнулся в дом. Ему хватило несколько секунд, чтобы достать ружье и выскочить во двор.

— Ну что, сволочи? — крикнул он. — Если жить хотите, мотайте побыстрее отсюда!

Старик держал непрошенных гостей под прицелом, пока те не заскочили в машину и не отъехали.

— Ну, даешь, брат! — восхищенно проговорил старик. — Да ты все понимаешь. Ты — воин. А если бы у меня не было ружья, чтобы ты сделал?

Дельфин снова взмыл вверх и встал на хвост.

— Я понял, — засмеялся старик, — ты забил бы их хвостом. — Не удержавшись, он залез в бассейн и погладил дельфина.

Море постепенно очищалось от нефти. Просыпаясь, старик чувствовал свежий, прохладный и просоленный воздух, но это не радовало его. Дельфин с каждым днем становился все беспокойней.

— Завтра отнесу тебя, — сказал старик. — Каждый должен жить в своей стихии. Мне не хочется прощаться с тобой, ты был мне, как брат, знаешь всю мою жизнь и воспоминания о ней унесешь в море. Но ты никогда не сможешь рассказать своим собратьям обо мне. Все-таки ты — не человек.

На следующий день он понес дельфина к морю. Путь показался ему длиннее и тяжелее, чем тот, когда тащил дельфина к бассейну. Подойдя к кромке берега, старик опустил дельфина в воду и слегка подтолкнул. Тот плыл не спеша, а он шел с ним рядом, пока вода не стала доставать до подбородка.

— Уходи, пока я не передумал, быстрее! — в первый раз закричал старик на него. — Ты слишком медленно плывешь, ты свободен, свободен! — кричал он, колотя рукой по телу дельфина, захлебываясь, тяжелея от мокшей одежды, которая тянула его вниз.

Старик тонул и почти опустился на дно, но дельфин, поднырнув под него, со всей силы вытолкнул его на мелководье, а потом, ударив хвостом, ушел вглубь, оставив после себя бурлящий след.

Обессиленный, старик добрался до берега и, не снимая мокрой одежды, до вечера пролежал на песке, думая о том, какие же разные и, в то же время, такие похожие бывают судьбы.

Прошло время. Как обычно, выйдя на берег, старик решил поплавать и вдруг увидел вдали стаю дельфинов, впереди которой, рассекая воду, стремительно плыл остроносый дельфин, а рядом с ним, видимо, его детеныш. Не доплывая до мелководья, дельфин встал на хвост, словно хотел показать всего себя. Его спина была коричнево-синей, живот — светлый, по бокам пролегли полосы, переходящие из светло-желтых в серые. Это был его дельфин. Он с силой выскакивал из воды, за ним взметалась вся стая. Они ввинчивались в воздух, кувыркались и снова падали в воду.

— Тебе пришлось проплыть немало километров, — сказал старик, — но дело не в них. Ты приплыл не за пищей, а для того, чтобы увидеть меня.

Он помнил, что плакал только в детстве, когда отец пропивал все деньги, и ему с матерью приходилось голодать. А вот когда его сын, сорвавшись с восьмого этажа строящегося дома, разбился, ударившись о груды каменных блоков, а жену скопил инсульт, его глаза не уронили ни одной слезы. После похорон жены он продал квартиру в городе и построил домик возле моря, так как считал, что достаточно прожил среди людей, и ему нужно побыть одному.

В этот раз, глядя на дельфинов, выбивавших фонтаны воды, брызги которой долетали до него, старик не выдержал и заплакал...

Охваченный радостью, он не видел, как к домику подъехала машина, из нее выскочили двое мужчин, залегли в кусты, и не услышал автоматную очередь, но почувствовал острую боль в спине, и, медленно шагнув в воду, направился к дельфину, который тоже устремился к нему, и обхватил его за шею. Дельфин словно понял старика и, поднырнув, подставил спину. Старик лег на нее и прошептал.

— Уходи...

Дельфин с человеком на спине ринулся вперед и поплыл в открытое море. Фигура старика стала удаляться все дальше, пока, превратившись в далекую точку, не скрылась за горизонтом...

P.S. Никто старика искать не стал: «старый уже, заплыл и утонул». И это было бы так, если бы через какое-то время в Москве на проходящей фотовыставке не появился снимок, заснятый летом одним из отдыхающих: стремительно мчащийся в открытое море дельфин и... старик на его спине, крепко обнимавший голову животного...

А вот чем закончилась эта удивительная история, пусть тебе подскажет твое воображение, дорогой читатель... □

Ирина Опимах

ДЖОТТО

★ комета Галлея ★
и другие

*Джотто
ди Бондоне*

Если туристы приезжают в тихий итальянский городок Падуя, их обязательно ведут в самое замечательное место в городе — капеллу дель Арена, расписанную великим художником Джотто Бондоне. Эту капеллу знают во всем мире — альбомы с фресками, украшающими ее стены, можно найти в любом книжном магазине или библиотеке. Все фрески Джотто великолепны, но среди них есть одна, которая до сих пор задает искусствоведам загадки...

В начале 1300 года Городской совет Падуи принял решение продать большой участок земли одному из самых уважаемых жителей города — Энрико Скровеньи. Когда-то давным-давно, еще в античные времена, здесь был римский театр, арена. Но теперь там остались только руины, и Энрико задумал построить тут настоящий дворец. Лучший архитектор Падуи фра Джованни Эре-

от рождества Христова. В честь этого юбилея фрески Джотто были тщательно очищены и отреставрированы.)

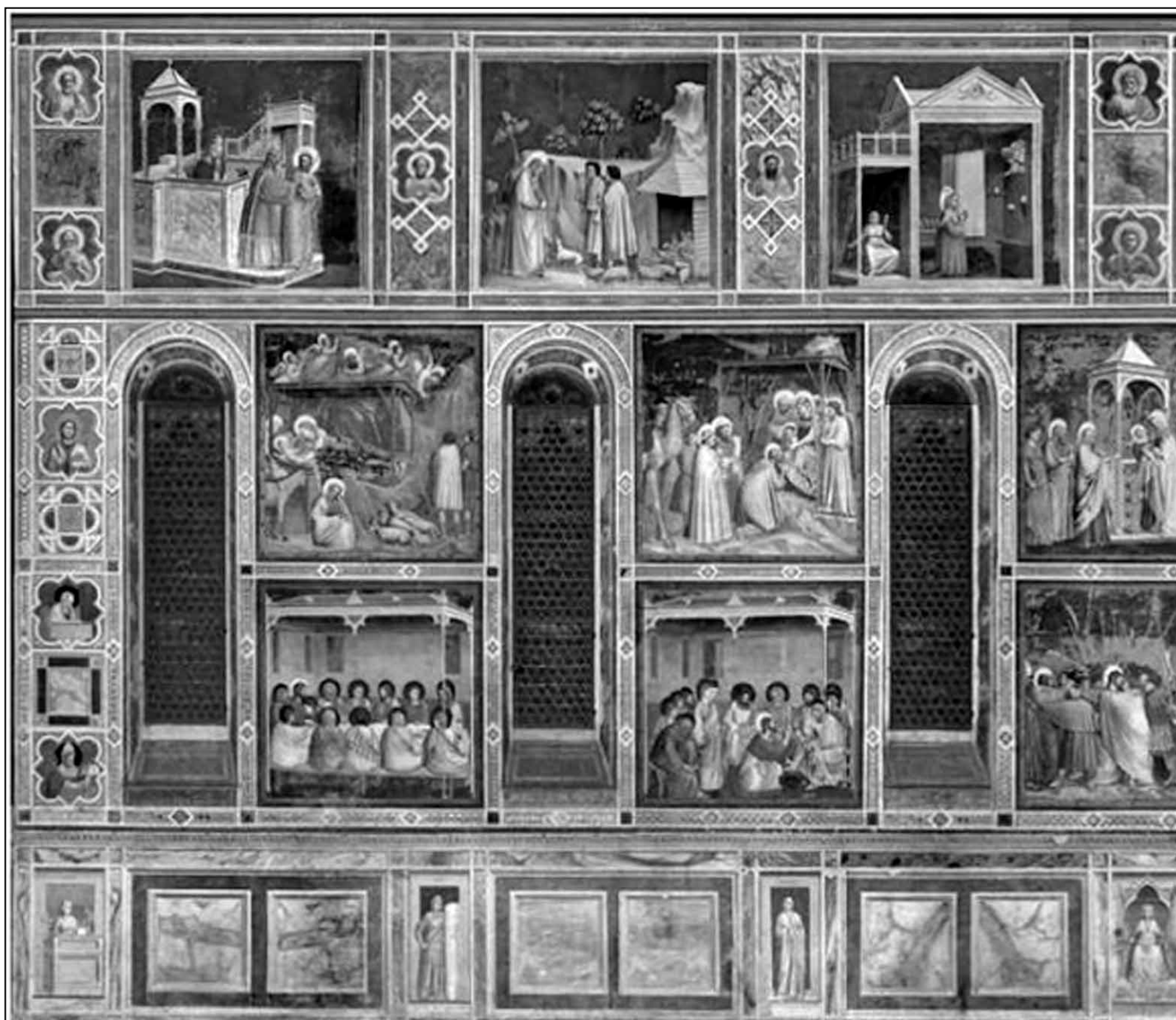
Энрико Скровеньи был человеком незаурядным. Умный, образованный, честолюбивый, обладавший немалым состоянием, член рыцарского ордена Гауденити (члены этого светского братства, богатые падуанцы, занимались устройством торже-

Капелла дель Арена

митани воздвиг прекрасное палаццо с высокой башней. Вокруг разбили сад, а у северных стен дворца построили небольшую, строгую капеллу. Для ее росписи Энрико позвал лучшего художника Тосканы — Джотто Бондоне. (В 1400 году дворец был разрушен, но, к счастью, капелла с фресками Джотто сохранилась. В 2000 году христианство праздновало 2000 лет

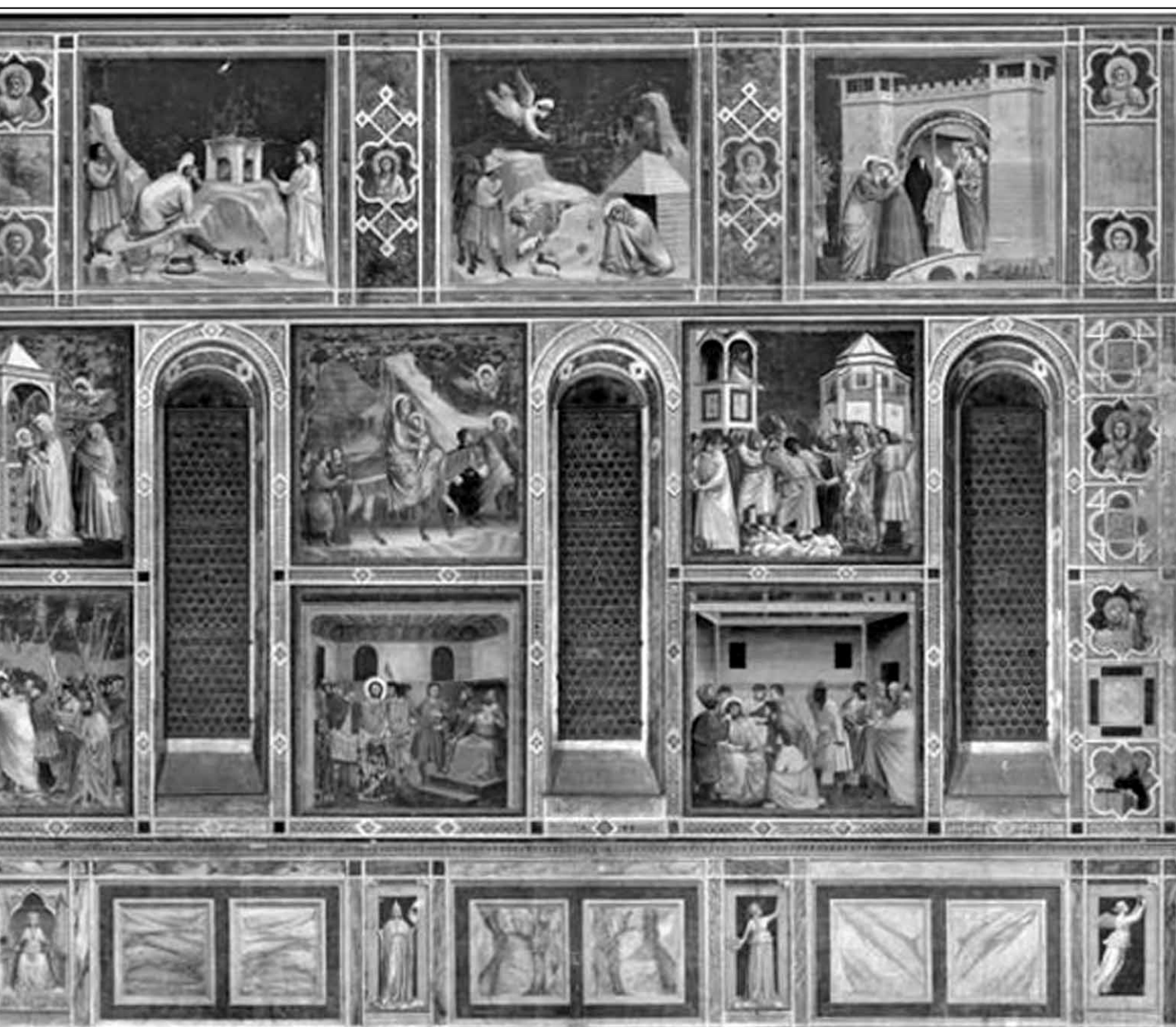
ственных мистерий, театрализованных представлений на религиозные темы и называли себя рыцарями Девы Марии), он стал предтечей ренессансных меценатов, покровителей искусства. Капеллу Энрико мыслил себе как скромную поминальную семейную часовню. И, конечно же, в честь Девы Марии — дабы спасти души свою и своих родичей. Наверное, он тогда думал в основном

о своем отце сеньоре Реджинальдо. Реджинальдо в Падуе знали все — более скупого, злого ростовщика трудно было представить! И состояние свое немалое он нажил на слезах падуанцев, попавших в трудное положение... Ростовщичество считалось страшным грехом, а потому местные священники даже не позволили захоронить его в церковной ограде. Данте поместил Реджинальдо (вместе с другими ростовщиками

и банкирами) в 7-й круг Ада в своей «Божественной комедии» и только благодаря дружбе с Энрико переместил его потом в Чистилище. И младший Скровеньи свято верил, что возведение капеллы хоть как-то искупит грехи его отца.

Поначалу он планировал построить семейный храм, но затем решил превратить его в городскую церковь, а потому и пригласил расписать стены капеллы знаменитого Джотто,

уже создавшего фрески в церкви Сан-Франческо в Ассизи, повествующие о жизни Франциска Ассизского. А вскоре Энрико придумал и другое название своей капелле — на площади перед храмом, где в античные времена была арена, каждый год устраивали мистерии на тему Благовещения, а потому капелла стала называться храмом Марии и Благовещения. Новое посвящение определило и сюжеты росписей —

теперь это была история и Христа, и Марии. В выборе тем приехавшему в Падую художнику помогал богослов Альтеградо де Катанеи, который руководствовался не только Евангелиями, но и апокрифическими текстами: «Золотой легендой», сочинением доминиканца, генуэзского епископа Якопо да Вораджине, а также Протоевангелием Иакова «История Иакова о рождении Марии», написанного якобы со слов

брата Христа Иакова, сына Иосифа от первой жены.

Выбор сюжетов играл очень важную роль в работе Джотто, и недаром на большой фреске «Страшный суд», украсившей одну из торцевых стен капеллы, художник изобразил Альтеградо де Катанеи — он держит на своем плече макет капеллы. Ну а рядом с ним — сам сеньор Энрико. Облаченный в пурпурные одеяния (символ покаяния, по-видимому, Энрико просит прощения за грехи отца), он преподносит свой храм Деве Марии.

Сложная задача стояла перед Джотто, и он справился с ней с блеском, закончив работы в храме в 1305 году.

Фрески в капелле Скровеньи (или, как еще ее называют, в Капелле дель Арена) — не только вершина творчества Джотто, но и один из главных шедевров мирового искусства. Об этих фресках написаны тысячи книг; особенности стиля великого живописца, его влияние на развитие всего мирового искусства обсуж-

даются в работах самых разных ученых из самых разных стран. Он сумел создать свой мир, в котором живут обычные люди — страдающие, думающие, любящие и ненавидящие.

Преодолев византийский плоский стиль, Джотто совершил настоящую революцию в искусстве, а потому навсегда остался в истории мировой культуры. (После работы в Падуе ему предстоял еще долгий путь в искусстве, создание выдающихся произведений, причем не только в живописи, но и в архитектуре — так, он создал проект знаменитой флорентийской кампанилы, кампанилы Джотто.)

Умер художник во Флоренции в 1337 году, проложив в искусстве дорогу таким титанам эпохи Возрождения, как Леонардо, Рафаэль и Микеланджело.

Вот как писал о нем выдающийся поэт Ренессанса Анджело Полициано:

Я — это тот, кем угасшая живопись снова воскресла. Чья столь же тонкой рука, сколько и легкой была, В чем недостаток искусства, того не дала и природа, Больше никто не писал, лучше — ни-

кто не умел. Башне ль дивишься великой, звенящей священной медью? Циркулем верным моим к звездам она взнесена. Джотто — прозвание мне. Чье творение выразит это? Имя мое предстоит долгим, как вечность, хвалам».

Все фрески в капелле Скровеньи хороши и выразительны, но одна из них представляет ценность не только с точки зрения живописи, но и как исторический документ, рассказывающий о ярком космическом явлении...

Итак, в капелле два цикла фресок — один посвящен Деве Марии, а второй — Христу. И второй цикл начинается с Рождества Христова и Поклонения волхвов.

В Евангелии от Матфея об этом событии повествуется так: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться Ему... И сказали первосвященники и книжники: В Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка. И пошли маги. И звезда, которую они видели на востоке, шла перед ними, как, наконец, пришла и остановилась над местом, где был младенец. И вошедши, увидели Младенца с Марию, Матерью Его, и, падши, поклонились Ему; и, открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну». (Матфей 2, 1-2; 5; 9-11;).

Волхвы, Каспар, Бальтазар и Мельхиор, пришли к рожденному Спасителю и принесли ему дары — золото, смирну и ладан. На фреске они изображены с нимбами — мудрецов издревле почитали как святых. (Волхвы — это восточные мудрецы, часто это были шейхи, цари.)

Мы видим Иосифа и Марию, которая держит на руках Дитя. Его золотистые волосы — символ божественной сущности. Один из волхвов благоговейно прикладывает к ножке Христа. Недалеко от волхвов стоит ангел — он тоже символизирует присутствие Бога.

Эта фреска — очень живая картинка жизни. К счастливым родителям приехали гости, поздравляющие их с рождением сына. И хотя тут все символично, однако действующие лица очень реальные. Джотто, добавляя жизни в эту картину, рисует еще и верблюдов, на которых приехали к Марии и Иосифу волхвы, и погонщика, пытающегося успокоить животных.

Но вот вместо Вифлеемской звезды, которая по Евангелию привела волхвов к Христу, Марии и Иосифу, Джотто, проявив невиданную смелость, нарушая все религиозные каноны, изображает комету! Комету, которую он видел в 1301 году, ту самую комету Галлея, которая прилетает к нам примерно каждые 76 лет. Почему Джотто изобразил не звезду, а комету? Что им двигало в тот момент, когда он разрабатывал композицию фрески? Точно мы никогда не ответим на эти вопросы, но ...

На протяжении тысячелетий люди наблюдали в небе эти странные, таинственные явления — кометы. И всегда с их появлением связывались какие-то неприятности и беды — эпидемии смертельных болезней, военные поражения, смерти королей, неурожай... В 700 году н.э. Беда Достопочтенный, бенедиктинец, монах монастыря Святых Петра и Павла в англосаксонском королевстве Нортумбрия, писал: «Кометы рождаются в небесах внезапно, предвещая смену королевской власти, или чуму, или войны, или ветры, или засуху». Комета Галлея — пожалуй, самая известная, поскольку самая яркая и самая заметная невооруженным глазом — тоже частенько предвещала всяческие несчастья. В 239 году до н.э. составитель китайской хроники «Ши Цзи» рассказывает о комете и — о смерти императрицы. В 164 году комета ознаменовала разрушительное наводнение в Китае. В 166 году — эпидемию чумы в Европе и начало войны Иудеи с Римом, повлекшей разрушение Иерусалима и Второго храма.

В 451 году гунны вторглись в Европу, погибли десятки тысяч человек.

684 год — летом продолжительные ливни погубили все посевы, что вызвало страшный голод.

В 1066 году, когда комета Галлея в очередной раз появилась в небе, в Англии случился правительственный кризис — на престол претендовали сразу три монарха; этот год вошел в историю страны как «год трех королей», к тому же в битве

с норманнами при Гастингсе погиб король Гарольд.

Авторы древнерусских летописей связывают появление кометы с кровавой битвой на Калке в 1223 году — татаро-монголы пришли на русские земли.

В 1665 году, снова во время пролета кометы, в Европу пришла чума. Примерно тогда же в Лондоне случился Великий пожар. В общем, как говорил отец Реформации Мартин Лютер, «Бог не создал ни одной кометы, которая не предсказывала бы неизбежное бедствие».

В 1656 году в Англии родился человек, внесший огромный вклад в развитие астрономии (и многих других наук), и звали его Эдмунд Галлей. Систематизировав наблюдения за кометами и основываясь на законах Ньютона, он рассчитал орбиты 24 комет и заметил сходство параметров у нескольких комет, которые астрономы наблюдали в 16-17 веках, с той, что пролетела по небу в 1682 году. Промежутки между появлениями этих комет были равны приблизительно 75-76 годам. Галлей опубликовал свои результаты, а в конце сделал заключение: это одна и та же комета! Она навещает земное небо с периодичностью в 75-76 лет, а потому люди снова ее увидят в конце 1758 года. Галлей умер, не дождавшись своей любимой кометы, в 1742 году, зато ее увидел астроном-самоучка Иоганн Палич, и случилось это в Дрездене 25 декабря 1758 года. Появление кометы в предсказанный Галлеем срок стало триумфом

*Звезда
на фреске
изображена
в виде
кометы*

теории тяготения Ньютона и самого Галлея. И сегодня комета заслуженно носит имя выдающегося английского астронома.

Казалось бы, ученые показали, что комета — природное, космическое явление, и ничего сверхъестественного в ней нет. Однако суеверия живучи, и в 19 веке, когда, казалось бы, наука уже многое поняла и объяснила, с кометами по-прежнему связывали всякие несчастья и беды. В 1835 году на комету Галлея возложили ответственность за смерть австрийского императора Фердинанда, за болезнь его преемника на венском престоле и за страшный пожар в Нью-Йорке. В том же году астро-

физики с помощью спектральных методов установили состав кометы — там оказались циан (динитрил щавелевой кислоты, весьма токсичный газ), угарный газ и другие не менее неприятные соединения. И теперь уже даже просвещенная публика поверила, что комета загрязнит атмосферу и человечество погибнет, отравившись кометными газами. Но конца света на сей раз не случилось, и земляне с ужасом стали ждать нового пришествия кометы — в 1910 году. В газетах печатались ужасные предсказания, одно страшнее другого. Уж теперь-то отравляющие вещества обязательно убьют все человечество, а если нет,

то добьют людей неизвестные бактерии, которые, как утверждали некоторые ученые, сидят в хвосте кометы. Так или иначе, нашу цивилизацию ждет гибель, вся жизнь на Земле исчезнет... Что только не писали журналисты того времени!

В России тоже все только и говорили о грядущей гибели мира. В феврале 1910 года Александр Блок написал стихотворение «Черный ворон в сумраке снежном...», в котором рисовал ужасную картину, где правят необузданные страсти и несущие смерть кометы:

«Страшный мир! Он для сердца тесен! В нем — твоих поцелуев бред, Темный морок цыганских песен, Торопливый полет комет!»

По Европе прокатилась волна самоубийств — некоторые, не желая ждать смерти от кометы, решали это дело сами... А, между тем, на страхе людей делались хорошие деньги — в продаже появились специальные зонты, спасавшие от кометных газов, таблетки-антидоты, нейтрализующие кометные яды, а в Англии ушлые бизнесмены предлагали арендовать подводную лодку, на которой предлагалось спрятаться от кометы-отравительницы — «на три дня, а потом, если все умрут, вы сможете провозгласить мир своим, а если не умрут, то посмеетесь».

Но, к счастью, мир уцелел — ядовитые кометные газы остались в верхних слоях атмосферы и не принесли никакого вреда человечеству.

Следующее появление кометы наблюдалось в 1986 году, однако

она подлетела к Земле в зимнее время и оказалась с противоположной стороны Солнца и с Земли практически была не видна — к огромному разочарованию всех астрономов мира, ждавших ее с нетерпением. (И снова несчастья: погиб экипаж «Челленджера», случился взрыв одного из реакторов Чернобыльской АЭС).

Так несет ли с собой комета Галлея несчастья человечеству? Или в нашей истории каждый год случаются те или иные беды — уж такова природа человека и природа окружающего нас мира, а потому все трагедии, которые принято связывать с появлением комет, просто совпадения? Скорее всего, так оно и есть. И не зря же великий Джотто на своей картине изобразил комету Галлея: она в созданном им мире возвещает о счастливом моменте в истории человечества — о рождении Спасителя.

2 июля 1985 года американская ракета-носитель «Ариан-1» запустила в космос автоматическую межпланетную станцию. Перед ней была поставлена сложнейшая задача: пролететь мимо ядра кометы Галлея и изучить его природу. А назвали ученые этот аппарат «Джотто» (Giotto) — в честь Джотто Бондоне, изобразившего на фреске «Поклонение волхвов» в капелле Скровеньи комету Галлея. И «Джотто» блестяще выполнил свою задачу, получив ценнейшие данные, — как когда-то выполнил свою задачу великий итальянский художник. □

Аристократ родом из босяцкого детства

«Тост без вина — это все равно, что брачная ночь без невесты!» — эту фразу грузина, ставящего перед собой огромную бутылку и приглашающего «непьющего» Шурика из «Кавказской пленницы» ее разделить, помнят все, кто смотрел гайдаевскую комедию. Совсем небольшой, но такой запоминающийся эпизод! Как известно, маленьких ролей не бывает, и талант Михаила Глузского превратил небольшую роль в один из самых смешных эпизодов фильма. Даже грузины, смотревшие картину, были уверены, что роль исполняет их соотечественник, так натурально сыграл артист.

Между тем, никаким грузином Глузский, конечно, не был. Он родился в Киеве, 20 ноября 1918 года в семье поэта и журналиста Андрея Гмырева и его жены Ефросиньи Глузской. Супруги переехали в Киев из революционного Петрограда, где было неспокойно. У них уже росла старшая дочь Людмила. В районе Караваевых дач семейство приобрело

небольшой домик, и его глава разбил вокруг него фруктовый сад.

Когда Мише исполнилось всего четыре года, отец скончался от тифа, и мать, чтобы как-то поднять двоих детей, продала все имущество и переехала в Москву, где жили ее дальние родственники. Ей удалось устроиться продавщицей в секцию игрушек ЦУМа, что по тем временам

«Кавказская пленница или Новые приключения Шурика»

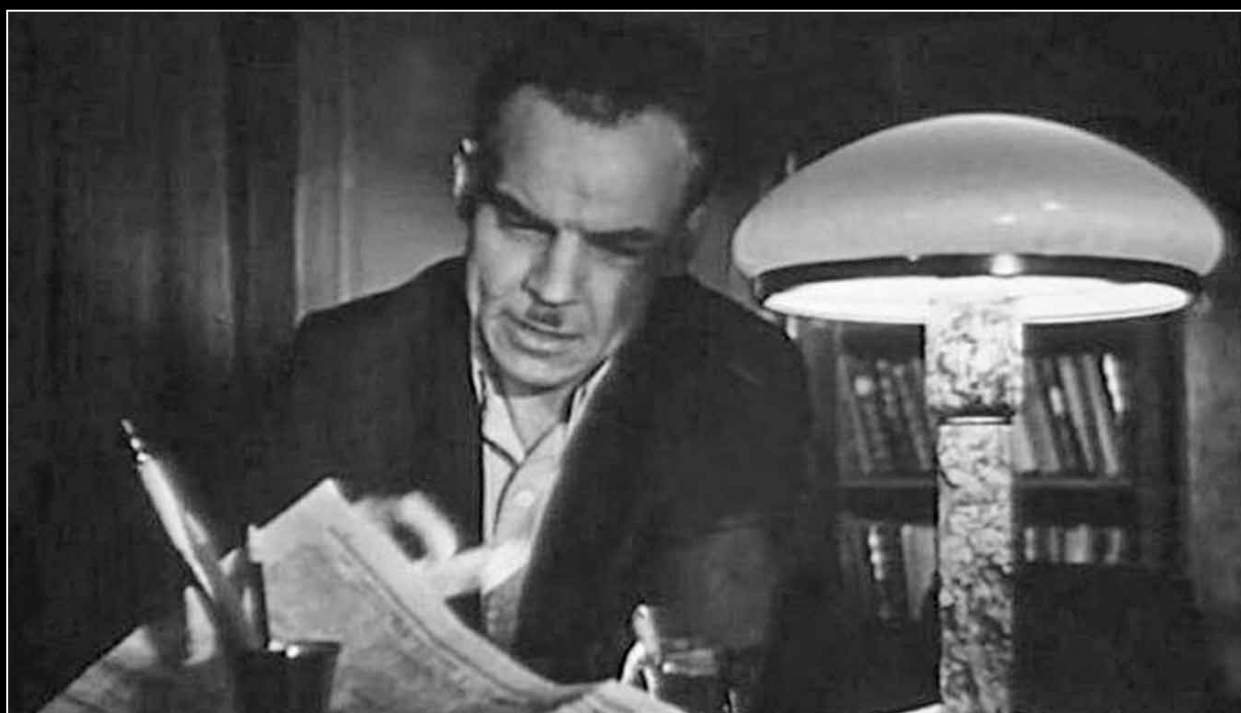
Справа:
«Тайна двух океанов»

считалось очень престижным. Когда ей не с кем было оставить сына (а это случалось довольно часто), Ефросинья Кондратьевна брала его с собой на работу, где он прятался под прилавком, разыгрывая сам с собой одному ему ведомые спектакли. Через некоторое время мать вторично вышла замуж, но с новым супругом мамы отношения у Михаила не очень ладилась.

Рос он ершистым, у работающей матери не было достаточно времени, чтобы заниматься его воспитанием, поэтому за мальчиком, как и за многими детьми в то время, «присматривала» улица. Миша часто попадал в милицию вместе с городской шпаной. Ефросинья Кондратьевна, правда, попыталась отправить сына к родственникам нового мужа в Баку,

чтобы там он пошел в школу, и поначалу все шло по плану. Но через некоторое время стало ясно, что шустрый ребенок пришелся не ко двору, и его... попросту отправили в интернат в двадцати километрах от азербайджанской столицы, откуда он благополучно сбежал в Москву.

Мать была в ужасе и больше сына никуда от себя не отпускала. Она надеялась, что советская школа сделает из Миши человека, но все было не так просто. Будучи по духу бунтарем и не имея возможности выделяться знаниями и отличной учебой, Михаил сделал упор на внешний облик: почти сразу он стал считаться в школе одним из первых модников, отрастил огромный чуб, облачился в свободный пиджак и широкие брюки, стал настоящим стилигой. Ему

делали замечания, но почему-то он был уверен, что никаких наказаний не последует. Однако одна из выхонок стала последней каплей для руководства школы: после того как учитель в очередной раз прочитал ему нотацию о его прическе, Михаил дома густо намазал волосы репейным маслом и в таком виде явился на занятия. Было решено отчислить его из школы.

Когда юноша понял, что приказ об отчислении действительно подписан, все же пошел на попятную и умолял не выгонять его. К счастью, добрые сердца в школе нашлись, и выгонять шалопаю не стали. Но строго поставили на вид.

Мать тоже, как могла, старалась наставить сына на путь истинный: устроила его на курсы электромонтеров в ЦУМе, а потом и на работу по

этой же специальности. Неизвестно, как сложилась бы дальше «уличная» судьба артиста, если бы он не попал в театральный кружок, который в те годы был почти при каждом предприятии. Искусство увлекло Михаила и наверняка спасло его от дальнейших приводов в милицию вместе с московской шпаной.

В 1927 году в Москве открылся первый театр рабочей молодежи (ТРАМ), где ставили спектакли мхатовцы Илья Судаков, Виктор Станицын, Николай Баталов, Николай Хмелев. В 1931 году коллектив получил статус профессионального театра и стал для Глузского первым шагом в творческой карьере. Поработав какое-то время в ТРАМе, Михаил решил поступать в театральное училище, но нигде не имел успеха. Нако-

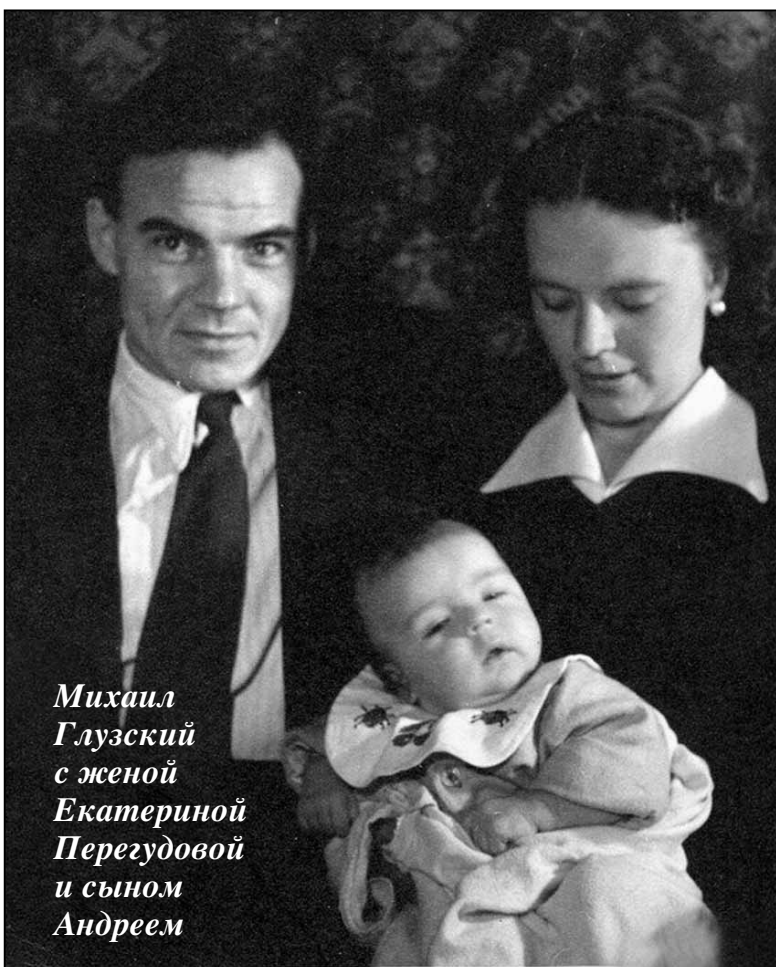
нец в 1936 году при «Мосфильме» открылась актерская школа, прием уже был окончен, но неожиданно освободились два места, одно из которых и ждало начинающего артиста.

Здесь преподавали такие корифеи, как Николай Плотников, Владимир Баталов, Юлий Райзман, Михаил Ромм и другие. Поскольку школа имела непосредственное отношение к «Мосфильму», студентов уже со второго курса приглашали на съемки в массовке. Глузского же практически сразу зачислили в штат киностудии, и в 1938 году он сыграл свою первую роль в исторической драме Григория Рошала «Семья Оппенгейм». Затем последовали эпизоды в картинах «Девушка с характером» и «Минин и Пожарский».

Школу киноактера Михаил окончил в 1940 году, и его сразу призвали в армию. Службу

он проходил в труппе Центрального театра Красной армии. Сцена театра была огромной, в спектаклях всегда задействовали десятки человек массовки, вот в эту массовку и попал молодой актер Глузский. Именно здесь застал его день 22 июня 1941 года. «Когда я услышал, что началась война, просто сел на пол», — вспоминал он потом. Во время войны Михаил выступал на передовой в составе фронтовых творческих бригад. В боях ему, к счастью, принимать участия не довелось, но бомбежек и обстрелов он видел немало. Получил Михаил Андреевич и военную награду: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

После победы Глузский поступил на службу в Театр-студию киноактера, где и остался на следующие сорок лет. Он играл практически во всех спектаклях репертуара: Шура Зайцев в спектакле «Старые друзья», Карандышев в «Бесприданнице», Жорж Милославский в пьесе «Иван Васильевич» по Булгакову. Его приглашали и в другие те-

*Михаил
Глузский
с женой
Екатериной
Перегудовой
и сыном
Андреем*

*«Юность
Петра»*

атры — Театр имени Ермоловой и «Современник».

Только в 1995 году Глузский перешел в «Школу современной пьесы». Его пригласили на роль «Старика» в спектакле «Уходил старик от старухи», где он блистал в дуэте с великолепной Марией Мироновой, которая по просьбе режиссера Иосифа Райхельгауза сама выбрала себе партнера. И, несмотря на ранний уход Марии Владимировны из жизни и, соответственно, снятие спектакля с репертуара, из театра Глузский уходить не стал, влившись в его коллектив и став частью этой большой семьи. Режиссер впоследствии вспоминал: «Мы считали его своим патриархом. До самых последних дней у него был удивительный вкус к жизни: он дружил с артистами значительно моложе его, прекрасно одевался, ходил с великолепной стиль-

ной тростью, всегда был в курсе театральных новостей. Но главное — в нем чувствовался аристократизм духа, качество крайне редкое и потому особенно ценное».

Трость, ставшая неотъемлемой частью образа актера, появилась в его жизни после одного случая. Незадолго до съемок в фильме «Десять негрятят» Глузский ехал в метро, и рядом с ним на эскалаторе стала падать женщина. Ее он от падения удержал, а вот сам получил серьезную травму ноги — разрыв связок. С тех пор и стал использовать трость.

Помимо театра существовало в жизни актера и кино. Поначалу ему приходилось играть в основном отрицательных персонажей. В «Тайне двух океанов» Глузский исполнил роль шпиона Ивашева, в «Тихом Доне» сыграл есаула Калмыкова. Даже этим героям, которым зритель не

должен был сопереживать, Михаил Андреевич придавал черты человечности, чтобы сделать их живыми людьми, а не картонными куклами. О Калмыкове актер впоследствии вспоминал: «Эта роль поселила во мне веру, что у этих людей была своя правда, свои убеждения». Некоторые критики отмечали, что своей игрой в «Тихом Доне» Глузский «сломал стереотип белого офицера, и это пример того, насколько масштабной может стать даже второстепенная роль».

Его дар имел признание. Актер стал полным кавалером ордена Трудового Красного Знамени и ордена «За заслуги перед Отечеством», лауреатом премии «Ника», в том числе в номинации «Честь и достоинство».

Несмотря на то, что в молодости Глузский был пижоном, ярко одевался и любил привлекать к себе внимание неординарным поведением, он отдавал всего себя работе и довольно долго оставался холостяком. С будущей женой Михаил Андреевич

познакомился только в 1949 году. Ее звали Екатерина Перегудова, она училась на факультете театроведения в ГИТИСе и уже была замужем. Но Михаил сразу понял, что женится только на этой девушке.

Правда, жизненные обстоятельства не способствовали этому решению. Сначала у Михаила умерла мама, и он долго горевал о ней. А вскоре ему предстояло уехать в Германию, в Дрезден — работать по контракту в театре Группы советских войск.

Он уехал, но накануне взял с Екатерины твердое слово писать ему. Влюбленные вели переписку, а Катя тем временем подала на развод. Бывший муж никак не хотел отпустить ее от себя, поэтому потребовалось немало времени, чтобы закончить эти отношения.

Когда актер вернулся из Германии, проработав там всего год вместо положенных трех (слишком сильно скучал по возлюбленной), то стал жить в коммуналке Екатерины, так

Слева:

«Живые
и мертвые»

«Тихий Дон»

как своего жилья у него не было, а до переезда он жил тоже в коммуналке, только у своей сестры Людмилы.

Через некоторое время у пары родился сын Андрей, позже — дочка Мария. Но сын родился еще до официального развода Екатерины с первым мужем и по документам считался его ребенком. Во время судебного заседания мужчина даже заявил, что является отцом Андрея, чем немало изумил Перегудову и Глузского. Но развод все-таки случился, и теперь Екатерина и Михаил могли вступить в брак.

Они прожили вместе около полувека, воспитали двоих детей, успели увидеть четверых внуков. Екатерина Павловна не только была женой артиста, она состоялась и в своей профессии — сначала работала в издательстве, впоследствии стала сотрудником государственного института

искусствоведения, где изучала творческое наследие Всеволода Мейерхольда.

Даже в трудные девяностые годы, когда отечественная киноиндустрия находилась в полном упадке, Михаил Андреевич никогда не отказывался от работы. Он трудился в театре, снимался в кино, а также был мастером художественного слова, великолепным чтецом и декламатором. И пусть иногда удавалось с работы принести, по его словам, только «моральное удовлетворение», бросить любимое дело никогда мыслей не возникало. И хотя он почти никогда не позволял себе резких высказываний о коллегах, но, когда слышал о ком-то из актеров, что тот «не востребован», «сидит без работы», говорил: «Не ищет! Лентяй! Не хочет!»

Талант чтеца, который признавали бесспорным зрители и коллеги,

Спектакль
*«Уходил
старик
от старухи»*

однажды пригодился Глазскому при необычных обстоятельствах. Его обожали молодые актеры, но при этом никогда не упустили возможности подшутить над «мэтром». Особенно близки были к Михаилу Андреевичу Владимир Стеклов и Евгений Дворжецкий. Во время каких-то гастролей эти двое договорились с «ночной бабочкой»: если она сумеет завладеть вниманием их застенчивого друга, то они щедро отблагодарят ее. Друзья были убеждены, что примерный муж и семьянин Михаил Глазский выгонит непотребную девицу тут же, и с нетерпением ждали этого момента. Но время шло, прошел оплаченный час, пошел второй, а из номера Михаила Андреевича никто не выходил. Обеспокоенные шутники ворвались в номер и увидели, как народный артист СССР при полном параде и в галстук-бабочке

...читал стихи. А барышня сидела напротив и рыдала от восхищения...

Когда в 1999 году Евгений Дворжецкий погиб в аварии, Глазский был раздавлен горем. Близкие рассказывали, что до самой своей смерти он так и не смог смириться с потерей друга.

Несмотря на огромное количество ролей, сам Михаил Андреевич особенно выделял одну: «Единственная моя главная роль — и самая сложная — профессор Сретенский в «Монолог». Признаться честно, я часто испытываю страхи, когда берусь за новую работу. Не знаю, недостаток ли это или, наоборот, достоинство?»

Когда режиссер «Монолога» Илья Авербах предложил ему роль профессора, Михаил Андреевич только что руками не замахал: «Я не могу это играть, да какой же я профессор, у меня совершенно другой тип!»

Но все же он рискнул и не прогадал — роль мягкого советского интеллигента, погрязшего в бытовых неурядицах и мещанстве семьи (его дочь играла Маргарита Терехова, внучку — Марина Неелова), стала наиболее близкой актеру по духу. Но первые три недели съемок актер чувствовал себя крайне скованно, будучи уверен, что режиссер ошибся, и весь отснятый материал пойдет в корзину. По рассказу Михаила Андреевича, он ощутил свою уместность в этой роли лишь тогда, когда отказался носить положенный ему по сценарию старомодный черный зонтик, превращавший профессора Сретенского в совсем уже анекдотичного «человека в футляре».

О врожденной интеллигентности (куда делся мальчишка из шпаны, разбивавший фонари?) и щепетильности Глузского в актерской среде ходили легенды.

Ему часто предлагали переозвучить кого-то из коллег, но, прежде чем согласиться, он всегда спрашивал: предупрежден ли тот, кого переозвучивают? Соглашаясь на роль того же профессора Сретенского и зная, что прежде на эту роль был утвержден Бруно Фрейндлих, Михаил Андреевич неоднократно перепроверил, нет ли со стороны Бруно Артуровича обид.

При этом он очень трезво относился к профессии и был против того, чтобы романтизировать образ актера как такового: «Зачем эти ореолы таинственности? Актер — человек физически и духовно очень сильный.

Не надо забывать: актерство — это профессия, работа. Творческая, изнуряющая работа. Если кто-то себя в кино считает героем-любовником, то я — рабочая лошадь».

Он никогда не останавливался и даже к недугам своим относился скорее пренебрежительно, ставя на первое место труд и зрителя, который пришел на встречу с искусством.

Весной 2001 года Михаил Андреевич и Екатерина Павловна ездили к своим друзьям в Америку, а по возвращении Глузский почувствовал себя плохо, у него поднялась температура. Однако, несмотря на недомогание, он все же отправился 13 мая играть в «Чайке». Он говорил, что не может разочаровать зрителя, который идет в театр на встречу с ним.

Отыграв спектакль исключительно на силе воли и — по сюжету — на инвалидной коляске, сразу по его окончании Глузский отправился в больницу, где ночью врачи были вынуждены ампутировать ему ногу. Какое-то время он жил только на аппарате искусственного дыхания. Так продолжалось около двух недель, потом его состояние стабилизировались, и родные надеялись, что он пойдет на поправку. Но, увы, чуда не случилось, и 15 июня Михаила Андреевича не стало.

Екатерина Перегудова прожила после смерти мужа еще два года и умерла в августе 2003-го. Она похоронена на Ваганьковском кладбище рядом с тем, с кем прожила всю жизнь. □

Михаил
Сергеев

Самый «пожилой» дебютант команды, ставший ее легендой

Восьмого июля 2022 года в Санкт-Петербурге на стадионе «Петровский» состоялся матч ветеранов «Зенита» и московского «Спартака», в котором болельщики увидели настоящий футбол, и, в первую очередь, потрясающе красивый спартаковский футбол. Несмотря на то, что «Спартак» проиграл (0:2), болельщики команды были очень довольны игрой любимой команды (что поделаешь, зенитовцы были моложе спартаковцев и, как говорится, их просто перебежали). И еще игра запомнилась тем, что зрители вновь увидели замечательный тандем — Олег Романцев и Георгий Ярцев представляли «Спартак» в качестве тренеров команды легендарных футболистов, как и много лет назад.

А 19 июля в футбольной Академии «Спартака» на прощании с Георгием Александровичем, скончавшимся от сердечной недостаточности 15 июля, Олег Иванович произнес: «Я часто слышал слова, что жизнь делится на до и после, когда случаются такие события. Думал, что это просто слова, но нет. Теперь мне придется учиться жить заново. Последние 45 лет моя жизнь связана с Георгием. Как я буду жить, я не знаю, но надеюсь, что мы вместе справимся. Он бы этого хотел. Спасибо тебе за все, друг».

Естественно, это стало событием в сетях и на многих телеканалах. Но событием в черед других, то есть кратко и в общем. Однако Георгий Александрович заслуживает большего, он не просто профессионал, но профессионал, который сотворил в истории «Спартака» то, что до сих пор никто не смог повторить! Выиграл чемпионат России в 1996 году с самой молодой командой.

Но обо всем по порядку.

*Нападающий «Спартака»
Георгий Ярцев*

Фото из архива ФК «Спартак» -Москва»

Георгий Александрович Ярцев не спартаковский воспитанник, да и, на первый взгляд, за московский «Спартак» (1977–1980) сыграл не так много — 116 матчей, в которых забил 55 мячей, но с кем бы мне ни доводилось говорить о футболе и «Спартаке», все вспоминали о нем очень тепло и с большим уважением.

Он родился в Костромской области в поселке Никольское 11 апреля 1948 года, после окончания восьмого класса поступил в костромское медицинское училище, которое успешно окончил, не догадываясь, что со временем станет единственным фельдшером-футболистом мирового уровня.

С юных лет активно и успешно занимался спортом, совмещая учебу в медучилище с игрой в футбол в костромской команде «Текмаш», которая с 1967 года стала называться «Спартак» (Кострома).

Потом был призван в армию и два года играл в армейской команде «Искра» (Смоленск) — до 1972 года. Затем перебрался в гомельскую команду «Гомсельмаш» (1973–1974), сезоны же 1975–1976 гг. отыграл в «Спартаке» (Кострома), который выступал во второй лиге советского футбола. И только в 1977 году почти в тридцатилетнем возрасте оказался в московском «Спартаке», когда Константин Иванович Бесков вытаскивал «Спартак» из провала в первую лигу, куда команда вылетела по итогам 1976 года.

Причем в первом разговоре с Бесковым Георгий спросил, знает ли Бесков, что ему, Ярцеву, пошел 29-й год. Константин Иванович, как всегда, был

резюмирующе краток: «Да, опоздал ты ко мне на 10 лет».

Но при этом Георгий сразу же утвердился в основном составе в связке с Юрием Гавриловым, после филигранных передач которого он и попадал «мячом в ворота мимо вратаря».

Ярцев отличался взрывным стартом, умением вовремя открыться под передачу и точным ударом с обеих ног. Поэтому в «спартаковский футбол» вписался сразу. Естественно, стал кумиром болельщиков, которые кричали, едва мяч попадал к Ярцеву: «Ж-о-о-ора Ярцев!» — в предвкушении гола.

В 1978 году, когда «Спартак» вновь оказался в высшей лиге, Георгий Ярцев забил 19 голов в первенстве страны, став лучшим бомбардиром. И в этом же сезоне был включен в список 33 лучших футболистов СССР, в 1979 году стал чемпионом страны, в 1980-м бронзовым призером первенства СССР.

Футболисту Ярцеву принадлежит рекорд, который так не побит и нынче. В 1978 году в двух матчах подряд он забил семь мячей. Три — «Пахтакору» в Ташкенте (3:1) и четыре алма-атинскому «Кайрату» в Москве (4:1), и, что называется, прыгнул в сборную страны.

В 1982 году Ярцев перешел на тренерскую работу. Причем не так, как все — в сентябре 1982 года приступил к работе в качестве старшего тренера футбольной школы «Нефтяник-Капотня» Москва, что позволило завершить высшее образование. С мая 1984-го стал тренером «Красной Пресни», а через год — старшим тре-

нером клуба «Красный богатырь», где проработал до 1988 года.

Это была его позиция — делать все основательно, на серьезной основе. Сначала набраться опыта с детьми и юношами, а потом уже думать о серьезном клубе. Ведь таких, как Никита Симонян и Валерий Лобановский, ставших тренерами топовых команд сразу после завершения карьеры футболиста, — единицы. Тот же Олег Иванович Романцев, с которым Георгию Александровичу предстояло работать тренером разного уровня с 1984 по 1998 год, тоже начинал тренером «Красной Пресни». И работать успешно: в 1996 году «Спартак» с главным тренером Георгием Александровичем Ярцевым стал чемпионом России и финалистом Кубка страны, а Георгий Ярцев был назван лучшим тренером сезона.

И еще — Георгий Александрович является эталоном порядочности и крайне чуткого отношения со своими коллегами.

В последние годы был старшим тренером команды ветеранов московского «Спартака». С этого и начался наш разговор где-то полгода назад.

— Георгий Александрович, нынче вы являетесь старшим тренером команды ветеранов «Спартака», что еще раз подчеркивает крайне уважительное отношение к вам.

— Мы действительно часто собираемся вместе, проводим тренировки и получаем много предложений сыграть с ветеранами не только московских клубов, но и в других городах страны.

И с удовольствием это делаем. В нашей команде много тех, кто вытаскивал «Спартак» из первой лиги, но и ребята, которые помоложе, с удовольствием поддерживают нас в этих турнирах, но уже в зависимости от основной работы.

— Если я правильно понимаю, это находит понимание и поддержку не только у руководства клуба, но вызывает искренний интерес у молодежи и у тех же воспитанников Академии.

— Вы правы. Руководство клуба очень внимательно относится к ветеранам, поддерживая их во всем. А отношение молодежи к нашим турнирам особенно приятно.

«ЗОЛОТОЙ» ТРЕНЕР ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЯРЦЕВ

— Георгий Александрович, в кабинетах Академии «Спартака» и кабинетах Манежа, на стенах в аккуратных рамочках висят цитаты Николая Петровича Старостина. В вашем кабинете ветеранов тоже. Позволю себе процитировать одну из них:

«Спартакровский дух никакая ни мистика. Это, как я считаю, всегда был разумный подбор игроков, наделенных ярко выраженной волей. В «Спартаке» сложилась дружная, семейная атмосфера. Думаю, именно в те годы зарождался и складывался тот боевой дух, который впоследствии получил гордое название «спарта-

ковский». — В этой короткой цитате про «спартаковский дух» — не только о футболистах на поле, но и о том, что внутри всего клуба.

— Вы правы. Позволю только один пример. Пример, которого не было ни в одной команде, и, наверное, никогда не будет. Представьте себе, «Спартак» едет играть в другую страну. И Николай Петрович всегда брал с собою список ВСЕХ сотрудников клуба, которые оставались дома: тренеров, поваров, бухгалтеров, охранников... Повторяю — всех. И каждому по возвращению домой вручал подарок. Это в советские-то времена, когда валюту в этих поездках получали скорее символическую. Я уж не говорю о том, что он и его помощники делали для каждого сотрудника, помогая во всем — от жилья и до лечения.

Мне остается лишь еще раз напомнить, что и Георгий Александрович является не только одним из лучших спортсменов, но и эталоном порядочности и крайне чуткого отношения со своими коллегами.

Об этом же говорит и директор музея ФК «Спартак» — Москва» Алексей Матвеев, про которого можно сказать, что он как никто другой знает о «Спартаке» все.

— Алексей Юрьевич, почему спартаковцы разных поколений с таким уважением относятся к Георгию Александровичу Ярцеву?

— Во-первых, он беззаветно и искренне любил футбол, это видели все — и болельщики, и футболисты.

Подтверждением тому — на его похоронах было много людей и из других клубов, и какие трогательные прощальные слова говорили о нем

Во-вторых — он сделал себя сам. В 29 лет, когда многие футболисты в этом возрасте, играя во второй лиге, не видя перспектив, просто спивались и завершали карьеру, он оказался в «Спартаке», повторяю из второй лиги. Константин Бесков, главный тренер «Спартака», увидел его потенциал, поверил в него, равно как и сам Ярцев тоже поверил в себя. И буквально ворвался в основной состав «Спартака», а потом и сборной СССР.

И так же утверждал себя и как главный тренер. Ведь мало кто решился бы возглавить команду после такого великого тренера, как Олег Романцев, ставшего тренером сборной страны*.

— В предыдущем сезоне 1995 года команда во главе с Олегом Ивановичем Романцевым впервые в истории российского футбола установила абсолютный рекорд в групповом турнире Лиги чемпионов: выиграла шесть матчей из шести, забив 15 голов и пропустив 5, оторвавшись от ближайшего конкурента, варшавской «Легии», на 11 очков! Но обстоятельства сложились так, что от этой великой команды уже весной 1996 года мало что осталось. Помимо того, что зимой не-

* Олег Иванович Романцев — главный тренер «Спартака», под руководством которого команда стала чемпионом СССР (1989 год) и восьмикратным чемпионом России (1992–1994; 1997–2001) и четырехкратным обладателем Кубка страны.

сколько ведущих игроков перебрались играть в европейские клубы (Станислав Черчесов, Юрий Никифоров, Виктор Онопко, Сергей Юран), а по ходу чемпионата за рубеж отправились еще и Валерий Шмаров с Юрием Никифоровым, серьезные травмы получили Рамиз Мамедов, Андрей Пятницкий, Илья Цымбаларь, Дмитрий Хлестов, который практически пропустил весь сезон. Из прежнего основного состава остался только Сергей Горлукович.

То есть от команды — европейского монстра, мало что осталось, и она начала чемпионат с вчерашними дублерами в составе, которым нужно было приобрести опыт и элементарно сыграть. Да, в сезоне 1995 года за «Спартак» выступали Дмитрий Ананко, Валерий Кечинов, Егор Титов, Андрей Тихонов, но тогда они были далеко не на первых ролях. А теперь на фоне молодежи должны были стать ее лидерами.

В связи с тем, что Олег Иванович Романцев готовил сборную России к чемпионату Европы, главным тренером был назначен его ближайший соратник Георгий Александрович Ярцев. Ему было очень трудно, ведь, по сути, пришлось создавать новую команду. Потери, как мы говорили выше, были колоссальными. Болельщики и футбольная общественность перед началом сезона 1996 года были убеждены, что такой «Спартак» не готов к борьбе за чемпионство. И я, признаться, еще весной так же думал: дай бог, войдем в пятерку лучших. Тем более что средний возраст того «ярцевского пионер-

отряда во главе с вожатым Сергеем Горлуковичем» составлял чуть более 22-х лет — самый молодой за всю российскую историю.

Но это был, на мой взгляд, самый удивительный чемпионат России. Так получилось, что практически весь тот сезон мне посчастливилось провести вместе с командой: в Москве, на выездах, на базе в Тарасовке, часто бывал и в раздевалке. С первой тренировки, проведенной Ярцевым в спартаковском манеже, и до знаменитого золотого матча в Санкт-Петербурге. И стать свидетелем... «золотого» триумфа. В предыдущем сезоне победителем первенства, впервые в своей истории, стал владикавказский «Спартак-Алания», во главе с Валерием Георгиевичем Газаевым. И, конечно, в 1996 году они были явными фаворитами, лидировали почти весь сезон, а «Спартак» их догонял. И догнал: к концу чемпионата команды набрали равное количество очков (72).

По регламенту 16 ноября 1996 года в Санкт-Петербурге состоялся «золотой матч». «Спартаку» нужно было совершить еще одно чудо, и он его с блеском сотворил: в первом тайме незабвенный Илья Цымбаларь забил красивый гол ударом с лета, а во втором главный герой того сезона Андрей Тихонов невероятным ударом в дальний угол удвоил результат. Ответный гол Анатолия Канищева уже ничего не решал. Эта победа вызвала у всех спартаковских болельщиков бурю эмоций!

То, что самая молодая команда с новым тренером дошла до «золотого матча», уже было равносильно

подвигу. И двойной подвиг — золотые медали!

Это произошло потому, что Георгий Ярцев, смог вдохнуть в молодых ребят необходимую энергию, заставил их поверить в свои силы, в то, что они могут быть первыми! «Спартак» стал самым молодым в истории чемпионом страны (средний возраст той команды — 22,7).

И что очень важно — он умел увидеть в игре тот потенциал, который игрок сам в себе еще не ощущал. И всегда попадал в точку. Приведу три примера из многих. С легкой руки Ярцева, Андрей Тихонов превратился из нападающего в крайнего полузащитника и стал легендой футбола. Валерий Кечинов играл в нападении, но тренер поставил его правым полузащитником, и он в первом же выходе на поле в новом амплуа провел один из лучших своих матчей, далее очень успешно играл в этой ипостаси еще пять лет и получил четыре золотые медали пер-

венства СССР. Но самый яркий пример: Юрия Никифорова, игравшего защитником, переместил на позицию опорного полузащитника, и Никифоров со своим пушечным ударом и умением подключиться к атаке принес намного больше пользы, чем играя в защите.

Георгий Ярцев — один из немногих в нашей истории, кому удалось выиграть чемпионат в двух ипостасях — в качестве футболиста и тренера «краснобелых». До него это удавалось сделать лишь Василию Соколову, Николаю Гуляеву, Никите Симоняну и Олегу Романцеву.

В 2004 году, будучи главным тренером сборной России (август 2003 — апрель 2005), вывел сборную России в финальную часть чемпионата Европы по футболу 2004 года.

Вполне заслуженно стал мастером спорта, заслуженным тренером России, заслуженным работником физической культуры Российской Федерации и кавалером ордена Дружбы народов — за заслуги в развитии физической культуры и спорта и большой личный вклад в возрождение и становление спортивного общества «Спартак». □

Иван Переверзин

Из прошлого ничего, ну совсем ничего не вернуть,
каким бы ты от природы и ни был сильным!
Сидеть на пепелище, отравляя горьким дымом грудь,
не большая заслуга, чем быть червем могильным.

Вот и живу я, навек разгоняя могильную тьму
животворным светом добра, любви и участия.
Только никак не пойму, в толк себе не возьму:
зачем живу настоящим, где нет и не будет счастья?

Уставший жить с печальной душой,
вдруг говорю, как умудренный врач:
я, может, правда, слез твоих не стою,
но, словно потеряв меня, поплачь.

Поплачь, и смотришь, раненое сердце
от боли, сжавшей крепко, отойдет.
И нелегко одной в морозы греться,
когда страданья сковывают в лед.

Да, у всего на свете есть начало,
но и конец свой неотвратный есть!

Анна Подсви́рова

«Я всегда мечтала быть универсальной актрисой»

Анна Подсви́рова — многогранная, очень яркая актриса. Она служит в театре Романа Виктюка, а еще в Театре оперетты, так как обладает невероятно красивым голосом, и образ Джейн Эйр в ее исполнении особенно запомнился меломанам. В Театре Романа Виктюка Анна занята в спектаклях «Король-арлекин», «Отравленная туника», «Коварство и любовь», «Мелкий бес», «Последняя любовь Дон-Жуана» и других.

Фото из личного архива

— Анна, как вам удается быть актрисой двух ведущих московских театров: Театра Романа Виктюка и Театра оперетты?

— Это два любимых мною театра, совершенно разных, и в этом есть своя прелесть, основное место работы — Театр Романа Виктюка, в Театре оперетты я по совместительству, так что вся занятость распределяется и координируется.

— В Театре Романа Виктюка вы дебютировали, еще будучи юной студенткой, в спектакле «Эшафот Любви или Последняя Любовь Дон-Жуана» в роли Анжелики. Расскажите, пожалуйста, как это было. Я была на премьере этого спектакля, и Роман Григорьевич сказал мне тогда: «Аня Подсви́рова — моя студентка — яркая звездочка, космический ребенок»...

— Это был дебют, совпавший с первыми в моей жизни гастролями.

Помню, как с нашим студенческим курсом в ГИТИСе смотрели генеральный прогон, как я была восхищена актрисой, первоначально игравшей Анжелику, и «сняв» все ее необыкновенные интонации, пришла на первую репетицию спектакля. Роман Григорьевич посмотрел на меня и сказал: «Интонации убрать, каблук с девочки снять, джинсы разорвать!»

Роман Григорьевич сам проводил вводы в спектакль, и у него всегда был индивидуальный подход к каждому артисту, он мог в процессе работы менять рисунок роли. Он был рядом, но я очень волновалась, понимая, что это невероятно ответственно, ведь я выйду на одну сцену с артистами, на которых с восхищением смотрела из зрительного зала. Помню, что даже рас-

плакалась во время грима, но, поймав на себе взгляд Романа Григорьевича, успокоилась, и все прошло хорошо ...

— Анна, в ГИТИСе вы учились на курсе у Романа Григорьевича, на факультете музыкального театра. Почему именно ГИТИС вы выбрали для поступления?

— Когда мы с мамой приехали в Москву и впервые пересекли порог ГИТИСа, в моем сознании вдруг промелькнул момент, как будто я бегу по лестнице, смотрю в зеркало и ухожу за поворот коридора... Тогда я взяла маму за руку и сказала: «Я здесь буду учиться».

Мама нашла мне педагога по сценической речи, он грамотно подобрал мне отрывок, басню и скорректировал мой южный говор... Потом было

поступление. Третий тур, к Бармаку, я не прошла и потащила маму разобраться, почему так? Ведь я была уверена, что должна поступить... На что был нам дан ответ: «Девочка хорошая, но уж очень молоденькая (мне было 16 лет). Приезжайте на следующий год». Мы пошли в деканат забирать документы, и там одна добрая женщина неожиданно сказала нам, что Роман Виктюк тоже набирает курс. Я на тот момент и понятия не имела — кто это, но решила попробовать. Во время прослушивания на одном из туров у концертмейстера упали ноты, но я не растерялась и продолжала петь без музыкального сопровождения. Помню, как Роман Григорьевич вдруг сам стал со мной репетировать и давать мне разные задания во время прочтения басни, как просил потанцевать. В общем, он взял меня на свой курс, на бюджетное отделение.

В памяти навсегда осталось, как мы сыграли дипломный спектакль в

студенческом театре ГИТИСа — «Испанский час» — в постановке Филиппа Ситникова, выпускника режиссерского факультета Романа Григорьевича. На поклонных мастер-классах стоял рядом, и, наклонившись ко мне, сказал: «Только ты меня слышишь... это было прекрасное, незабываемое время»...

Такие слова дорогого стоят. Это крылья, подаренные любимым учителем.

— Роман Виктюк был театральным гением, режиссером, которых нет, не было и не будет. Чему вы у него научились?

— Все верно. Гений, которого нет и не будет... Счастье, что я успела осознать в нем моего режиссера и успела неоднократно признаться ему в любви.

Роман Григорьевич учил своим примером, что нужно быть верным своей природе, слушать и слышать Космос, Небо (он говорил: как хочешь, так и называй), учил нас тому, что ав-

торы выбирают режиссеров «оттуда», и что после ухода человека эта связь с Космосом остается. Виктюк учил нас тонко чувствовать, учил тому, как актер должен существовать на сцене — он должен быть «без кожи». Только после его ухода я поняла, что Виктюк был дирижером энергий в создаваемых им спектаклях. Его всегда интересовал человек, жизнь и нота. Пронзительная нота, звучащая, которую он искал в каждом своем спектакле. А когда находил, то начал обучать нас, актеров, и это было непросто — порой приходилось делать то, что ты не понимаешь.

Роман Григорьевич учил нас быть смелыми, ничего не бояться, быть открытыми. Учил тому, что сцена — это святое место, где происходит очищение, исповедь ...

Играя спектакли мастера, ты чувствуешь, что это и есть счастье.

— А у вас есть самые любимые роли?

— Абсолютно все мною любимы, ведь все роли рождены в любви и с любовью. Но все же на данный момент сильнее всего откликается роль Зои в последнем спектакле Виктюка — «Отравленная туника» по Николаю Гумилеву. Мы тогда пришли к полнейшему взаимопониманию. Мастер говорит — я делаю. Роман Григорьевич вывел меня на какой-то другой уровень существования на сцене. Это было счастье. Магия. Крик в вечность на руинах мира...

Помню, как на одной из репетиций «Отравленной туники» — это были

прогоны, в финале я разрыдалась от ощущения несправедливости, которая может быть на земле. От соприкосновения с миром Гумилева, этого гениального поэта, с миром его поэзии и возник плач навзрыд. Я благодарна Роману Григорьевичу, что познакомил меня с этим невероятным поэтом-метафизиком...

— Известно, что не каждый профессиональный артист или актриса могли сыграть в его спектаклях, в таких случаях мастер говорил: «Ты меня не слышишь!» В чем заключался особенный метод работы Романа Григорьевича с актерами?

— Он всегда кричал нам, что бессознательное сильнее сознательного. Вся сложность была в том, что нужно было довериться ему полностью. «Не торопи, — говорил он, — наслаждайся и молчи». И при этом никогда не объяснял, поэтому тут ты либо попадешь в этот «поток», либо «иди домой».

Помню, как во время репетиции «Мелкого беса», он кричал мне:

«Аня! Ты хоть кого-нибудь в своей жизни любила?! Хоть травинку, хоть котенка?!» И на мое: «Роман Григорьевич я не...» подхватывал: «А если не понимаешь — иди домой!» Так что выражение «не понимаю» у нас никто не использовал.

Конечно, он давал нам направление, наблюдал за творческим процессом с любопытством и корректировал все происходящее. Был такой потрясающий, живой, творческий процесс!!

— Анна, вы обладаете прекрасным голосом, поете в оперетте, мюзиклах, как вам это удается?

— Я всегда мечтала быть универсальной актрисой. В детстве занималась эстрадным вокалом, в ГИТИСе — академическим, поэтому все сложилось само собой. Люблю переключаться, люблю все новое, разное. Когда получаешь хороший музыкальный материал, начинается работа по освоению, а дыхание в пении одно, и, если его освоить, проблем не будет. И еще — всегда есть рядом люди, которые направят и подскажут.

— В Театре оперетты какой ваш самый любимый спектакль?

— Мюзикл «Джейн Эйр» — по мотивам одноименного романа Шарлотты Бронте, он был создан специально для труппы Театра оперетты, авторы: композитор Ким Брейтбург и поэт Карен Кавалерян. Я исполняю роль Джейн Эйр. Этот персонаж полностью отражает мою сущность, мне практически ничего не нужно было играть, роль далась мне легко, потому что я ее очень чувствую и понимаю.

— Анна, вы снимаетесь в кино?

— Хотелось бы сыграть в историческом кино, в романтической драме, сняться в кино у хорошего режиссера, но пока мало для этого делаю. В театре у меня много работы,

дома подрастает маленький сын, поэтому кино пока только в мечтах.

— Что пожелаете своим зрителям и читателям журнала?

— Здоровья, мирного неба над головой, стараться быть верными себе и своей природе, заниматься любимым делом, вдохновляться, путешествовать, быть чуткими к ближним, существовать в гармонии с окружающим миром. Желая любить и быть любимыми! Одним словом — счастливыми! □

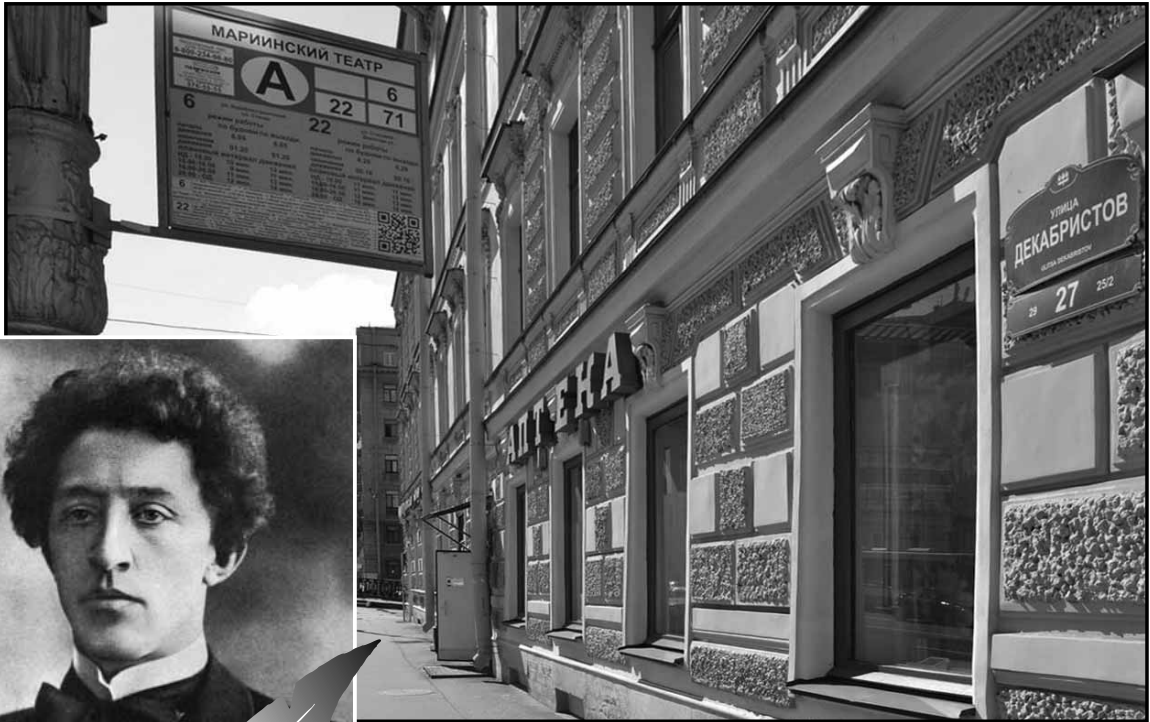
Беседовала Елена Воробьева.

Фото
Полины
Королевой

Дмитрий Зелов

Та самая аптека

*Александр
Блок*

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека — чарующая магия четырех существительных, отдельных, по сути, слов, соединенных в простой рифмованной строке, становится подлинной поэзией, созданной гением Серебряного века русской литературы. А теперь задумаемся: ведь любой поэтический образ, как правило, имеет под собою какую-то

конкретную, вполне себе реальную основу-прототип. И, создавая ровно 110 лет тому назад свой шедевр, Александр Блок вспоминал ту самую, вполне себе конкретную аптеку столичного Санкт-Петербурга, зайти в которую можно и век спустя. Что мы с удовольствием и сделаем.

Вошедшее в антологию блоковской поэзии по уже цитированной первой строчке стихотворение быстро завоевало невероятную популярность, став своего рода визит-

ной карточкой поэта. Стихотворение короткое, всего два четверостишия: запоминается сразу, влет. И навсегда. Потому что цепляет. Навероятно и сильно:

40-летний талантливейший поэт умер в стремительно скатывавшемся в убогую провинциальность благодаря новым революционным властям Петрограде. Даже некогда блистатель-

Слева:

*Та самая аптека
в доме №27
по Офицерской
(Декабристов)
улице в наши
дни*

*Дом №57
по Офицерской
(Декабристов)
улице, где жил
Александр Блок,
а ныне находится
его музей*

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.*

*Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Увы, прожить в этом мире еще четверть века Александру Блоку было не суждено. Его не стало летом 1921-го:

ный Петербург, величественный центр необъятной и могущественной Российской империи, и тот как-то враз потускнел, осунулся и облез, потеряв сначала свое имя, а затем и столичный статус.

Но вот что удивительно, даже спустя более чем век петербургская Коломна, удивительный, мистически-загадочный район северной столицы, в котором и разворачивается действие блоковского стихотворения, практически не изменился. И вроде бы до центра по карте ру-

кой подать, а добираться почему-то долго и неудобно. Какой-то медвежий угол, дыра, одним словом. Но остались те же самые улицы (зачастую просто под другим наименованием), доходные и жилые дома, да и просто себе здания, наконец, та же рябь в каналах. А если убрать машины и современные вывески, так и вовсе кажется, будто вновь перенесся на столетие назад на машине времени.

Анна Ахматова

В период написания своего стихотворения, ставшего разом и знаком-символом эпохе и самому себе, Александр Блок находился в весьма сложных и запутанных отношениях со своей женой, дочерью великого русского химика Дмитрия Менделеева. Ее, как известно, звали Любовь. Очень характерно. И вполне в духе символи-

стов, к которым и принадлежал сам поэт. Вот только он воспринимал свою супругу не как земную женщину и жену, а, скорее, как Прекрасную Даму. Причем именно с большой буквы. Водрузив дочь Менделеева в своем возвышенном, витающем в поэтических облаках сознании на такой недостижимый для обычного человека с его приземленными страстями и желаниями пьедестал, считая ее олицетворением Вечной Женственности, Блок всячески... избегал интимных отношений с супругой, сосредоточившись исключительно на высоко-духовном, интеллектуальном общении. При этом вполне себе позволяя романы и плотские чувства к другим прекрасным дамам. Видимо, они в его сознании писались не с большой буквы.

Естественно, что семейной жизни молодой пары такие своеобразные отношения явно не пошли на пользу: они предсказуемо начали портиться. Супруга поэта даже хотела уйти от него, но...не сложилось. А Блок, дабы не засиживаться в гнетущей его тонкую душевную натуру атмосфере семейных размолвок и неурядиц, периодически выходил на улицу развеяться, проветрить голову, прогуляться по темным и тоскливым петербургским улочкам. Молодые жили в доме № 57 на Офицерской (ныне Декабристов) улице. Теперь там музей Александра Блока. И на этой же улице, в доме №27, напротив Мариинского театра, была аптека, которая там находится и в наши дни. Рядом — и фонарь, и канал. Как сто лет назад было,

так все и осталось. И вода в канале ночью призрачно колыхается, и аптека имеется, и уличный фонарь по ночам светит. Ну, разве что дизайн вывески, интерьер и ассортимент лекарств в аптеке изменились. Да и фонарь стал ярче пространство вокруг себя освещать, не так тускло, как век назад.

А Любовь Дмитриевна тем временем ждала обычного женского счастья. Простого и земного. В кругу поэтов-символистов многие были просто-таки очарованы ею. И попавший под магнетизм обаяния этой Прекрасной Дамы Андрей Белый (кстати, близкий друг Блока) влюбился в нее без памяти. А она...уже давно ждала того, кому могла ответить взаимностью. Любовный треугольник случился, правда, совсем не классический и очень себе странный (Менделеева металась между Блоком и Белым, однажды вечером даже пришла к своему воздыхателю на квартиру с твердым намерением остаться здесь, но в самый последний момент...убежала обратно к мужу). Позже у нее случались и другие, весьма бурные и страстные романы, в которых Любовь Дмитриевна в подробностях признавалась Блоку, при этом не уставая напоминать и повторять, что сердцем и душой она любит только его одного, своего Сашеньку.

Кстати, а зачем заходил, если вообще заходил, Блок в аптеку? Просто так, поглазеть на склянки с пузырьками и пакетики с порошками, или?... Создание стихотворения пришлось на то время (1912), когда столицу им-

перии Петербург охватила череда самоубийств. Поэта даже как-то попросили прокомментировать это явление, но все, что он ответил, свелось к его вере в мистику непостижимого: «Самоубийств было бы меньше, если бы люди научились лучше читать небесные знаки».

*Любовь
Менделеева*

Впрочем, необъяснимая тоска не обошла и самого поэта, крайне мнительного по натуре: его беспокоило и ухудшающееся собственное здоровье, а также то, что отношения с супругой ухудшились. Проходя мимо дома №27 по Офицерской улице, где совсем недавно помощник провизора Яков Мандельштам открыл аптеку

(к поэту Осипу Мандельштаму этот аптекарь никакого отношения никогда не имел), поэт увидел на парапете Мойки матроса, собирающегося свести счеты с жизнью. Причина оказалась банальной и старой как жизнь: несчастная любовь! Ох, опять эта любовь — слово-символ словно преследовало Блока везде; и дома в образе жены, и в его гордом одиночестве. От него нельзя было ни убежать, ни скрыться. Блок спас матроса, сняв его с парапета, а потом привел в ту самую аптеку, чтобы несчастный моряк успокоился, протрезвел и по-иному взглянул бы на свою жизнь...

Надо сказать, что далеко не все были очарованы женою Блока — Анна Ахматова была о ней очень невысокого мнения и называла Любовь Менделееву «круглой дурой» или даже «бегемотом, поднявшимся на задние лапы. Глаза — щелки, нос — башмак, щеки — подушки... И толстые, большие ноги и руки. Внутренне же она была неприятная, недоброжелательная, точно сломанная чем-то...»

И именно Ахматова так ответила, тоже, естественно, в стихах, на ставшие бессмертными строчки блоковского стихотворения-символа:

*Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит.
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.*

На этом можно было бы поставить точку и завершить наше краткое повествование, если бы не одно «но». На улице Офицерской располагалась еще одна аптека. Совсем рядом с квартирой Блока. В доме №51. И поэт так описал эту аптеку (в наши дни на ее месте располагается медицинский центр) в другом своем стихотворении:

*Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.
А перед шкапом с надписью
Venena¹,
Хозяйственно согнув скрипучие
колена,
Скелет, до глаз закутанный плащом,
Чего-то ищет, скалясь черным
ртом...
Нашел... Но ненароком чем-то
звякнул,
И череп повернул... Аптекарь
крякнул,
Привстал — и на другой свалился
бок...
А гость меж тем — заветный
пузырек
Сует из-под плаща двум женщинам
безносым
На улице, под фонарем белесым.*

Невероятно, но факт: оба блоковских стихотворения про аптеку входят в состав квинтета «Пляски смерти» и идут ровно друг за другом. «Ночь, улица, фонарь, аптека...», а следом — «Пустая улица. Один огонь в окне». Вот такая мистика. Или магия. Кому как нравится. □

¹ Venena — яд.

Из грязи в князи

Внимание мировых новостных агентств в последнее время пристально приковано к Афганистану. Увы, уже многие десятилетия в этом регионе весьма и весьма неспокойно. Зато правление последнего афганского короля Мухаммеда Захир Шаха (1933–1973) воспринимается ныне чуть ли не как золотой век в истории страны.

Проживший более чем долгую жизнь (92 года) Захир Шах после свержения своим двоюродным братом Мухаммедом Даудом (ставшим первым президентом Афганистана) провел долгие годы в изгнании и смог вернуться на родину только в 2002 году.

Но, еще будучи королем, он неоднократно посещал Советский Союз. Во время своего первого визита, в 1957 году, афганский монарх специально заехал в Евпаторию. А дело в том, что его мать, королева Мах Парвар Бегум, в начале 1910-х годов по совету последнего русского царя Николая II пыталась в местной грязелечебнице «Мойнаки» избавиться от бесплодия. Целебные крымские грязи подействовали на ее организм настолько плодотворно, что спустя год она родила здорового сынулю-крепыша, сыгравшего исключительно важную роль в прогрессивном развитии Афганистана в XX столетии.

Тайное послание в драконе

Романтичную записку обнаружили реставраторы из Царского Села при осмотре фигуры чугунного дракона. Текст послания, написанного на исходе советской эпохи на небольшом клочке бумаги трафаретными буквами, гласил: «Труд мой по реставрации сего дракона посвящаю Фурмаковой Ольге Евгеньевне. 1988–89. д.ч. ВГОАН СССР А. В. Кошин».

Реставраторы даже провели свое собственное расследование, в ходе которого и выяснили, что записку оставил действительный член Всесоюзного географического общества Акаде-

мии наук СССР Александр Васильевич Кошин. Увы, мужчина, питавший романтические чувства к девушке Ольге, покинул сей мир еще в 2013 году.

Драконов мост Царского Села, с которого, собственно говоря, и были сняты в свое время для реставрации поврежденные в ходе великой Отечественной войны драконы, был построен в екатерининскую эпоху по проекту известного в ту пору архитектора Чарльза Камерона. Мост украшают четыре выразительные фигуры крылатых драконов на гранитных пьедесталах, в одном из которых и была найдена та самая записка. В царствование Екатерины II драконы были выполнены из известняка, а в 1860 году по моделям скульптора Шварца их заменили на чугунные копии.

Сама же романтическая записка останется у реставраторов — на память. А обновленный дракон вернется на свое законное место уже в конце 2022 года.

Полуостров... растаял!

То, во что еще совсем недавно практически невозможно было поверить, происходит здесь и сейчас. И виною тому — глобальное потепление климата на планете. Из-за него в Национальном парке «Русская Арктика», самой северной и самой большой в стране особо охраняемой природной территории, исчез целый полуостров. Он растаял и географам придется теперь переделывать свои карты.

Речь идет о бывшем ледяном полуострове, заканчивающемся мысом Месяцева. Именно он, а не геологическая порода и растаял из-за прогрессирующего потепления климата. Раньше он находился на острове Ева-Лив полярного архипелага Земля Франца-Иосифа, но еще в 2017 году откололся и образовал полуостров. Сейчас, когда теперь уже бывший полуостров почти полностью растаял, посередине мыса образовался пролив шириной три километра. Все что от него осталось — это небольшой кусок ледника, который стоит на отмели. Но и он стремительно исчезает.

Смешивать, но не взбалтывать

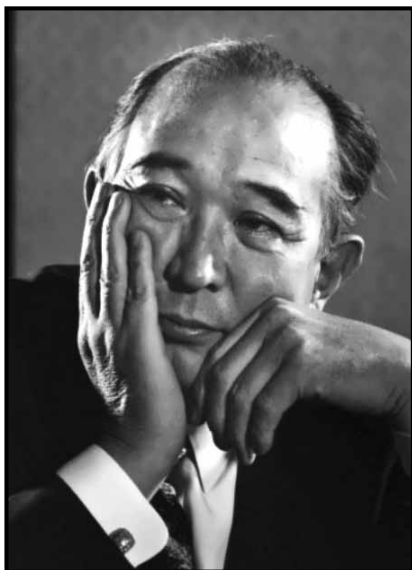
На просторах всемирной паутины нередко можно встретить завораживающие по своей красоте снимки, как две реки сливаются вместе, да так и текут себе мирно далее. Ну и что тут такого, скажите вы? Обычное вроде бы дело. А весь «фокус» в том, что у каждой из рек изначально свой цвет, и сливаясь вместе, они текут далее уже единой рекою, но по-прежнему каждая своего цвета. Как же такое может быть, а главное — почему так происходит?

Одно из таких природных чудес можно наблюдать в Грузии. Здесь Белая Арагви течет по глинистым сланцам и известнякам, которые придают реке характерный белый оттенок. В нее впадает река Черная Арагви, текущая, как легко можно догадаться из ее названия, по черным сланцам, из-за которых вода в ней, соответственно, становится темной. Когда же реки сливаются друг с другом — то первое время они текут, как две параллельные реки, не смешиваясь. Чтобы воды обеих рек перемешались друг с другом, требуется время.

У Белой и Черной Арагви разная плотность и температура. В результате возникает поверхностное натяжение, которое действует как тонкая стенка, не позволяющая водам рек перемешиваться между собою.

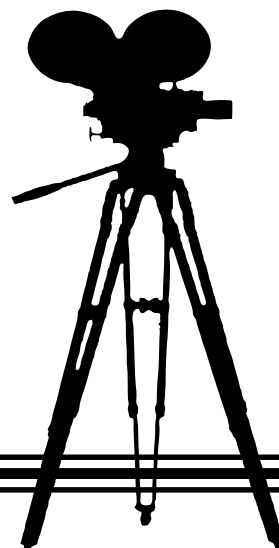
Впрочем, история с Арагви разного цвета — далеко не единственный пример. Хотя, безусловно, и очень яркий. Подобные примеры имеются и в Западной Европе, в частности, в Швейцарии. Здесь, в Женеве, сливаются реки Рона и Арв. Арв — приток Роны. Рона течет из озера Леман, и вода ее прозрачна. А вот Арв на своем пути собирает «ингредиенты для расцветки» при таянии льда в горах. В месте встречи двух рек наблюдается похожая картина: обе реки некоторое время контрастно текут рядом.

Кстати, такое явление характерно не только для пресных речных вод, но и для соленых морских. В частности, схожую картину можно наблюдать на границе Северного и Балтийского морей. Воды морей не смешиваются друг с другом потому, что у них разная плотность и поверхностное натяжение. А плотность воды у них различается из-за солености — Балтийское море гораздо более пресное. К тому же разнонаправленные морские течения делают границу морей еще более явной. А в Казахстане существует единственное на планете озеро с разной по составу водой: западная его часть — пресноводная, а восточная соленая. Имя ему — Балхаш.

ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ

перед лицом
смерти

Культовый японский режиссер, которого порой называют самым влиятельным мастером экрана в истории кино, Акира Куросава фактически вывел национальный кинематограф на мировую арену и парадоксальным образом получил за пределами родной страны даже большее признание, чем в самой Японии. При этом, опять-таки парадоксально, что сверхавторские фильмы Куросавы наиболее сильное влияние оказали на сугубо развлекательный и специфический американский жанр вестерна.

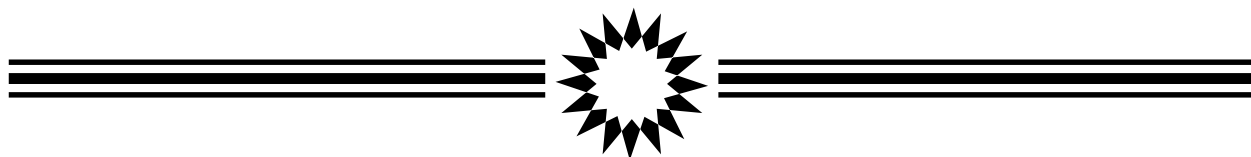
В сентябре 1964 года состоялась премьера легендарного «спагетти-вестерна» С. Леоне «За пригоршню долларов» с неподражаемым К. Иствудом в главной роли. Эта картина явилась буквально покадровым римейком снятой тремя годами ранее самурайской драмы Куросавы «Телохранитель», в которой, как всегда, блистал Т. Мифуне. Продюсеры малобюджетного европейского фильма, побившего затем все рекорды кассовых сборов, пожадничали и не заплатили Куросаве каких-то ничтожных 10 тысяч долларов за покупку авторских прав. Зато потом, чтобы избежать адвокатского запрета на демонстрацию ленты на территории США, им пришлось выплатить японскому режиссеру куда больше денег, чем было получено им от проката всех его фильмов вместе взятых...

Он мечтал стать художником, но, к счастью, не смог поступить в профильный колледж и позднее называл кино своей жизнью, говоря, что, если бы вдруг разлюбил выбранную профессию, то наверняка пропал бы.

Фильмы Куросавы смотреть нелегко, они требуют от зрителя полного погружения в неторопливое, лишённое внешних эффектов кинопове-

ствование. Однако «осилив» их, хочется пересматривать эти картины вновь и вновь, каждый раз открывая для себя какие-то новые важные нюансы и детали, ускользавшие прежде.

На площадке он был непререкаем и деспотичен, всегда зная, чего добивается. Так было и во время работы над советско-японской двухсерийной художественной эпопеей «Дерсу Узала» по мотивам произведений русского военного востоковеда, географа, этнографа и исследователя Дальнего Востока В.Арсеньева, убедительно воплощенного на экране Юрием Соломиным. И эта абсолютная уверенность в себе создателя фильма неизменно заряжала съемочную группу той божественной творческой энергией, в результате которой рождаются шедевры.

Акира Куросава родился в марте 1910 года в Токио и рос младшим из восьми детей директора школы Исаму Куросавы. По линии матери род великого кинорежиссера имел самурайские корни. Главное влияние на формирование личности Акиры и его воспитание оказал отец. Он привил детям любовь к литературе и открыл им волшебный мир кино. Причем Исаму старался познакомить отпрысков не только с японской, но и с мировой культурой.

Различные творческие способности, даже таланты, Акира проявлял еще в детстве. Так, он прекрасно рисовал, и одну из его картин даже приняли на престижную выставку. Этот успех подтолкнул юношу к поступлению в художественный колледж, однако попытка оказалась неудачной. Обескураженный, Акира долго искал себя и уже в 26 лет устроился ассистентом режиссера

на крупной киностудии. Там он внимательно присматривался к манере именитых мастеров, подспудно учился у них на площадке секретам режиссерской профессии и постепенно осознал, что хочет сам снимать кино. Но свой творческий путь начал как сценарист. Это дало ему возможность через семь лет работы ассистентом режиссера самостоятельно написать сценарий для своей первой удачной картины «Гений дзюдо» (1943).

Дебютная лента Куросавы «Лошадь» успеха не имела, зато помогла начинающему режиссеру, что называется, «набить руку». Снятый совершенно реалистично, фильм «Гений дзюдо» о становлении школы дзюдо в Японии конца XIX века получил широкое зрительское признание на родине автора, в США, Европе и с успехом демонстрировался в советском кинопрокате.

«Телохранитель»

В этой картине засветился в эпизодической роли сенсея тогда еще малоизвестный актер Тоширо Мифуне, которому вскоре (и во многом благодаря Куросаве) выпала честь стать лицом японского кинематографа для внешнего мира. Впоследствии Мифуне снялся в 15-ти лентах своего великого первооткрывателя.

Примечательно, что каждый новый фильм Куросавы оказывался более значимым и успешным, чем предыдущий. В 1948-м режиссер подарил зрителям драму «Пьяный ангел», где Мифуне сыграл уже главную роль — врача, который пытается спасти гангстера от тяжелой болезни. И все же подлинная слава обрушилась на них обоих с выходом на экраны в 1950 году первого беспор-

ного шедевра Куросавы — фильма «Расемон».

Это экранизация рассказа классика японской литературы Акутагавы Рюноскэ «В чаще», с атмосферной отсылкой к другому замечательному рассказу писателя «Ворота Расемон». Стилистически и жанрово снятый в духе традиционного японского кино о самураях феодальных времен («дзидайгеки»), «Расемон» Куросавы тем не менее доступен и понятен зрителям всего мира.

Действие картины происходит в Японии XI века. В развалинах каменных ворот Расемон (так назывались ворота, стоявшие в южных концах главных городских улиц) прячутся от грозы дровосек и странствующий монах. Оба недавно давали показа-

ния на суде по делу об убийстве разбойником на лесной дороге проезжего самурая и изнасиловании его жены. К прячущимся от дождя присоединяется проходивший мимо крестьянин, которому они и рассказывают о произошедшем. Далее флэшбэками излагаются версии того, что случилось в лесу — со слов пойманного разбойника, женщины-медиума, вызвавшей дух убитого самурая, его жены и дровосека, оказавшегося невольным свидетелем изнасилования и убийства...

Впервые в кинематографе одно и то же событие показано здесь с точки зрения разных персонажей, как бы доказывая отсутствие единой, общей для всех универсальной истины. Данная художественная концеп-

ция режиссера получилась столь впечатляющей, что повлияла на появление в поп-культуре и социологии «Эффекта Расемона», то есть принципа субъективного восприятия и интерпретации событий.

«Расемон» продемонстрировал не раз признававшееся Куросавой увлечение режиссера немым кино. «Я всегда любил немые фильмы. Я хотел восстановить их красоту, — говорил он. — ...поэтому я должен упростить этот фильм». Такая эстетическая задача соответствовала малому бюджету картины, выделенному студией. Вот почему в «Расемоне» только три локации — ворота, лес и внутренний двор, где происходит судебное разбирательство.

«Расемон»

Справа:
«Семь самураев»

Лес — настоящий, а двор и ворота представлены простейшими декорациями.

Кurosawa часто снимал одну и ту же сцену в одно и то же время разными камерами, что позволяло ему свободно монтировать эти куски, создавая эффект плавного движения от одного объекта к другому и незаметно для зрителя соединять несколько коротких планов в один. По словам известного киноведа Д. Ричи, «В фильме 407 склеек, в два раза больше, чем в обычном фильме того времени, но половина склеек не привлекает к себе внимания».

Немалую смысловую роль играет в картине музыкальное сопровождение — японская адаптация «Болеро» Равеля, создающая тревож-

ное настроение в сцене появления самурая с женой и при входе дровосека в чащу.

Многочисленные награды, среди которых выделяются «Золотой лев» Венецианского кинофестиваля и «Оскар» за лучший фильм на иностранном языке, закрепили культовый статус ленты. Перед Куросавой открылись широкие творческие пути.

За 57 лет Акира Куросава снял 30 фильмов. Мы остановимся лишь на некоторых, наиболее ярких из них, на тех, что стали классикой мирового киноискусства. Кино он без остатка посвятил жизни, и оно само стало его жизнью. Творчество этого мастера — еще один впечатляющий пример магии кинематографа, чьи

шедевры заставляют нас осознать нечто такое, что на подсознательном уровне присутствует во взаимоотношениях людей, но остается невыраженным.

Одноименная киноадаптация романа Достоевского «Идиот» (1951) стала вторым триумфом великого режиссера. Оригинальная двухсерийная версия фильма должна была продолжаться 265 минут экранного времени. Однако студия посчитала ленту слишком длинной и заставила Куросаву перемонтировать и сократить ее до 165 минут.

Позже режиссер говорил об этой картине: «Я хотел сделать «Идиота» задолго до «Расемона». С раннего детства я полюбил русскую литературу, но я понял, что Достоевский лучший, и я долго думал о том, что

можно сделать из этой книги замечательный фильм. Достоевский остается моим любимым писателем, и он единственный — как я считаю, — кто правдиво писал о человеческом существовании».

Философская драма «Жить», вдохновленная повестью Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича», была снята Куросавой в следующем году и повествует о токийском бюрократе, который, узнав о своей смертельной болезни, переосмысливает прожитую жизнь. По мнению критики, фильм, тепло принятый публикой, до сих пор остается одним из лучших драматических произведений в истории мирового киноискусства.

Влияние русской классики сказалось в еще одном шедевре Куросавы — экранизации горьковской пье-

«Самая красивая»

Справа:
*Жена
Йоко
Ягучи*

сы «На дне» (1957). Режиссер перенес действие пьесы в Японию эпохи Эдо. И это — практически единственная вольность, которую он позволил себе при адаптации произведения Горького, в остальном почти дословно следуя тексту первоисточника, хотя и придав социальной драме русского писателя определенный сатирический оттенок. В Горьком Куросаву привлекла прежде всего неистребимая вера в Человека, его возможности, его мечту. Знаменитая фраза Сатина: «Человек... Человек это звучит гордо!» соответствовала формированию определяющей нравственной позиции будущего японского киноклассика.

Возможно, к оптимистическому взгляду на тему смысла жизни режиссер пришел также и под влиянием обстоятельств личной судьбы.

Как раз в ту пору новое счастливое дыхание обретает брак Акиро с актрисой Йоко Ягучи. Они познакомились на съемках его очередной картины «Самая красивая» (1944). Эта полудокументальная пропагандистская лента военного времени о работницах на фабрике оптики снималась в цехах настоящей фабрики. Причем, чтобы добиться максимальной реалистичности игры актрис, Куросава заставил их жить в фабричном общежитии, питаться в тамошней столовой и называть друг друга по именам своих героинь. (Кстати, подобной жесткой практики он будет придерживаться на протяжении всей творческой карьеры.)

И вот молодую актрису Й. Ягучи, которая играла лидера фабричных работниц, ее коллеги послали к режиссеру представить их требования. Вообще во время съемок Ягучи

и Куросава постоянно ссорились, но это неожиданным образом способствовало сближению, переросшему в любовь. Они поженились в мае сорок пятого, когда Йоко была уже на втором месяце беременности, и оставались вместе вплоть до кончины Ягучи в 1985 году. К профессии актрисы она, выйдя замуж за Куросаву, так и не вернулась и подарила мужу двух детей. Старший сын выступил продюсером нескольких последних кинопроектов отца, а дочь стала художником по костюмам.

Акира Куросава пережил любимую супругу на тринадцать лет и постоянно вспоминал о ней уже глубоким стариком, мечтая умереть на съемочной площадке.

Тень самурайского рода матери, витавшая над молодым режиссером в начале пути, побудила его на гребне зрительского успеха уже всерьез обратиться к освященному традицией жанру «дзидайгэки». Истории о мастерах меча прошлого он будет по-своему снимать на протяжении всей жизни. Их колоссальная популярность, вызвавшая массу подражаний, прекрасно уживалась с абсолютно авторским характером этих бессмертных лент. И первой из них после «Расемона» стали культовые «Семь самураев» (1954).

Здесь Куросава еще дальше продвинулся в направлении синтеза художественных особен-

ностей восточного и западного кинематографа, смело используя жанровые наработки обоих. А кроме того, рискнул пойти на сочетание элементов культуры высокой и так называемой поп-культуры. В результате появился международный суперхит, вознесший Т. Мифуне в ранг мегазвезды и породивший несметное количество римейков, в том числе легендарный вестерн Дж. Стерджеса «Великолепная семерка». Японские кинокритики называют этот фильм лучшим из всего, что было создано в Японии.

Первоначально режиссер намеревался сделать фильм-притчу об одном дне странствующего самурая, проследить все его поступки вплоть до вечера, когда из-за допущенного днем промаха он должен совершить

ритуальное самоубийство (сепуку). Но сценарий не складывался, Куросава чувствовал, что ему не хватает детальных знаний о бытовой стороне жизни героя, и тогда он поручил помощникам найти увлекательный исторический сюжет. Так появилась подлинная история одной средневековой деревни, крестьяне которой наняли нескольких ронинов (деклассированных профессиональных воинов периода феодальной раздробленности Японии), чтобы те защитили их от ежегодных поборов шайки бандитов.

Готовясь к съемкам, режиссер написал для себя подробные биографии и описания внешности каждого самурая, определил, какую одежду тот носит, какую предпочитает пищу и так далее. Все эти «закадровые» сведения придали фильму поистине завораживающую достоверность,

отличающую и последующие экранные произведения Куросавы в жанре «дзидайгэки», начиная с бесподобного «Телохранителя» (1961), где Т. Мифуне вновь продемонстрировал различные грани своего неисчерпаемого таланта. Кубок Вольпи Венецианского кинофестиваля за лучшую мужскую роль стал тогда ему наградой.

Столь же впечатляюще он на следующий год сыграл сурового бывшего вояку в «Отважном самурае», являющимся продолжением «Телохранителя». Здесь герой Мифуне приходит на помощь группе молодых неопытных и неуверенных в себе, но напористых рекрутов, меняя их представление об истинном самурайском духе.

Любопытно, что тремя годами ранее легендарный актер убедительно

Слева:
«Тень война»

«Красная
борода»

вжился в образ молодого человека, мстящего за смерть отца, в одной из самых острых социальных драм Кurosавы под названием «Плохие спят спокойно». Разветвленное действие картины разворачивается теперь уже в наше время. Отца героя принудил к самоубийству вице-президент крупной земельной компании. Чтобы посадить в тюрьму соучастников преступления, сын погибшего, используя чужие документы, нанимается в ту самую компанию, втирается в доверие к вице-президенту и даже женится на его дочери. Отдаленно сюжет картины напоминает шекспировского «Гамлета», с той, правда, разницей, что как бы выворачивает этот сюжет наизнанку, поскольку силой принца датского была его слабость, а героем фильма Кurosавы движет, пока не иссякнет, злость.

К началу семидесятых гениальный режиссер подошел во всеоружии филигранного искусства мизанкадра, экспрессивной композиции, сложного темпоритма и остросюжетного повествования. Однако новое десятилетие обозначило неожиданные проблемы. При этом, что на Западе Кurosаву буквально носили на руках, в Японии он одно время перестал пользоваться вниманием зрителей и столкнулся с серьезным кризисом финансирования своих фильмов, который едва не привел его к самоубийству...

Неожиданный выход в эту очень трудную для художника пору был предложен «Мосфильмом». Экранизировать биографическую книгу русского путешественника и исследователя Дальнего Востока В. Арсеньева «Дерсу Узала» японский режиссер

мечтал давно. И вот ему представилась такая счастливая возможность. На роль Арсеньева он без колебаний выбрал Юрия Соломина. Найти же подходящего артиста, способного воплотить колоритный образ старого таежного охотника Дерсу, оказалось куда сложнее. После долгого кастинга Куросава остановился на актере тувинского музыкального театра Максиме Мунзуке, которого он увидел в эпизоде малоизвестного фильма. И — не прогадал в выборе! Взыскательнейший мастер был буквально покорен его работой в фильме и даже называл Мунзуке «самым любимым актером в жизни».

В Уссурийской тайге, с советской съемочной группой и советскими артистами Куросаве удалось, казалось бы, невозможное — снять рус-

скую картину о заповедных уголках необозримой России, сохранив при этом свой отличительный, «японско-западный» стиль. Получилась масштабная поэма о вечной и прекрасной природе, о месте человека в окружающем мире и о братских отношениях двух славных представителей разных рас, народов и культур. Поэма, далеко выходящая по смыслу за рамки сюжетной основы фильма, насыщенной опасными приключениями во время путешествий героев по таежным тропам. Это первая картина Куросавы, снятая не на японском языке, и в то же время единственный его фильм на 70-ти миллиметровой широкоформатной пленке.

В 74-м году монументальное кинопроизведение «Дерсу Узала» при-

Слева:
«Гений
дзюдо»

«Жить»

несло режиссеру очередной «Оскар» и ряд других почетных наград. Оно включено в списки величайших фильмов, созданных за всю историю кино. После него у Акиры Куросавы начался новый творческий взлет, хотя его последующие картины выходили на экран со значительными перерывами. Сказывались возраст режиссера и испытываемые им финансово-производственные трудности. Еще более возросла к концу жизни его традиционная требовательность к себе.

В конце 70-х он садится за сценарий исторической ленты в своем излюбленном самурайском жанре «Тень воина». Однако, когда работа над сценарием была успешно завершена, Куросава не смог найти на родине источники финанси-

рования проекта. Достать необходимые деньги на фильм помогли Дж. Лукас и Ф. Коппола, которые не-изменно восхищались работами японского коллеги (а Лукас даже использовал его находки в «Звездных войнах»).

Действие картины, вышедшей на экраны в 1980 году, отнесено ко второй половине XVI века и преимущественно основано на реальных событиях. Название фильма, искаженное в советском прокате, означает «воин-тень», что, согласитесь, несет в себе совсем другой смысл.

Соперничающие между собой феодальные кланы сражаются за власть над столицей страны — Киото, дающей власть над всей Японией. В круговорот событий случайно попадает мелкий воришка, благо-

«Дерсу Узала»

даря удивительному внешнему сходству вынужденный стать двойником могущественного феодала, который спасает его от неминуемой казни. Тональность позднего шедевра Куросавы предельно отстраненная и холодная, а характер повествования скорее ироничный и грустный.

Картина стала кассовым хитом в Японии и получила «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля. Лукас и Коппола, по обыкновению, вновь попали в «десятку».

Этому фильму в стилистическом плане предшествовала «Красная борода» (1965), восходящая к «Униженным и оскорбленным» Достоевского, хотя и снятая по роману С. Ямамото «Клиника Красной бороды». Врач больницы для бедных по прозвищу «Красная борода» посте-

пенно раскрывается перед своим честолюбивым учеником как человек, скрывающий за внешней суровостью и даже грубостью безграничную доброту, высокую нравственность и подлинное милосердие.

Съемки картины продолжались два года, и сам Куросава отмечал, что «Красная борода» — самый сложный его проект. Но при этом режиссер достиг своей первоначальной цели создать «нечто настолько великолепное, что каждый человек обязан увидеть».

«Я снимаю свои фильмы про детей и стариков, — сказал однажды маэстро, — ибо с годами начинаю ценить в жизни чистоту... В небытие мы возвращаемся столь же чистыми, сколь младенцы, приходящие в бытие».

«Ран»

В 1983 году в Йокогаме открылась студия «Кurosава-фильм». Там спустя два года он снимает по своему сценарию масштабную эпическую драму «Ран» («Смута»), являющуюся вольным переложением трагедии Шекспира «Король Лир». К шекспировской драматургии великий кинорежиссер обращался уже не первый раз. Еще в 1957 году он снял «Трон в крови», в основу которого был положен «Макбет». За эту картину Куросаву наградили очередным «Золотым львом» Венецианского кинофестиваля.

Как и в экранизации «Макбета», действие фильма «Ран» перенесено в средневековую Японию. Старейший правитель решает разделить свои владения между тремя сыновьями. Обманутый коварными старшими детьми, он прогоняет младше-

го сына, осмелившегося критиковать решение отца. Но вскоре всеми покинутый, лишившийся власти и рассудка, бывший правитель остается один, и лишь отвергнутый им ранее младший сын становится его опорой. Завораживающая японская природа, великолепные замки, мощные батальные сцены — все это присутствует на экране, превращая проникновенную философскую картину в захватывающее зрелище.

Две премии Национального совета кинокритиков США — лучшему фильму на иностранном языке и лучшему режиссеру, «Оскар» за лучшие костюмы и еще три номинации на заветную статуэтку, включая номинацию за лучшую режиссуру, итальянский «Оскар» — премия «Давид ди Донателло» — лучшему режиссеру, три премии Японской

киноакадемии и другие награды не могли развеять глубокую скорбь мастера: в феврале 85-го на шестьдесят четвертом году жизни скончалась его жена Йоко Ягути.

Лекарством от горя Куросаве, как всегда, служила работа. Он размышляет теперь над несколькими проектами и в итоге останавливается на очень личном, экспериментальном фильме «Сны» (1990). Семь новелл фильма объединяет только личность самого режиссера — это его сны, наполненные мыслями о жизни и смерти, человеческой природе и природе творчества...

Необычная, красивая, местами сюрреалистическая картина была создана при продюсерском участии С. Спилберга, а роль Ван Гога сыграл в ней другой выдающийся кинорежиссер М. Скорсезе.

«Еще нет» (в смысле: еще жив). Так называется последний фильм Акиры Куросавы, снятый им в 1993 году. Он переносит зрителя в канун Второй мировой войны и рассказывает о нравственной ответственности и духовной связи старшего и младших поколений.

Повествование строится вокруг видного японского профессора и писателя, который намерен оставить преподавание, чтобы целиком сосредоточиться на литературном творчестве, но не может расстаться с любимыми его студентами. Они же помогают ему выпутаться из череды неудач и вновь обрести веру в жизнь.

Уже в период монтажа фильма Куросава, поскользнувшись, упал и получил серьезную травму позвоночника, приковавшую его к инва-

Слева:

«Сны»

«Еще нет»

лидному креслу. Но и будучи парализован, 88-летний мэтр мирового кинематографа дело всей жизни не покинул. Еще один «Оскар» за вклад в киноискусство увенчал его блистательную карьеру.

Ему не суждено было, как он мечтал, умереть на съемочной площадке. Зато удалось написать сценарий для фильма своего ученика и близкого друга Такаси Коидзumi, собственным примером доказав существование нерасторжимой связи разных поколений.

Кавалером японского ордена Культуры, французского ордена Почетного легиона, Большого креста ордена «За заслуги перед Итальянской Республикой» и другими высокими государственными наградами

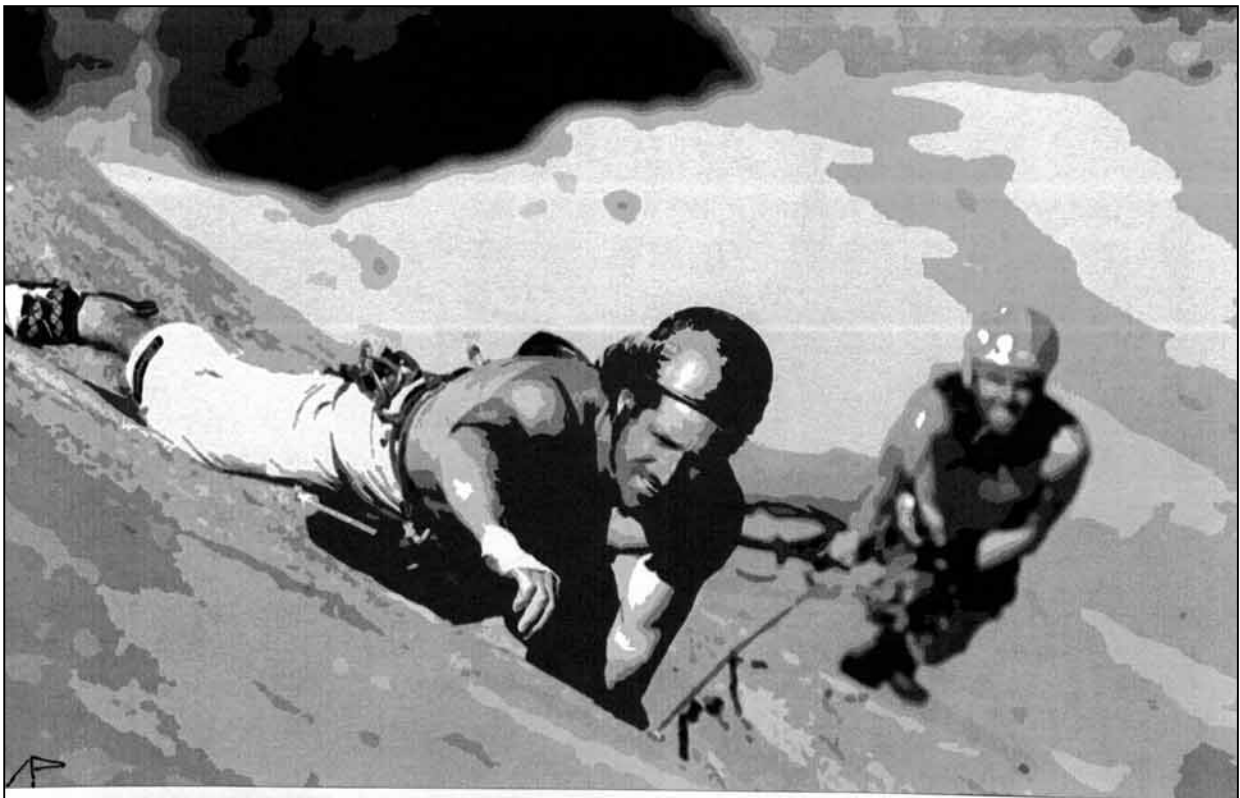
разных стран он скончался в сентябре 1998-го от инсульта и был похоронен при особо почитаемом храме Анъе-ин в старинном японском городе Камакуре.

В 2004 году на Токийском международном кинофестивале была учреждена премия имени Акиры Куросавы, вручаемая режиссерам за картины «проникнутые гуманизмом».

Сам он однажды сказал: «Герои моих фильмов пытаются жить честно и взять от жизни максимум. Я верю, что жить надо честно и стараться максимально реализовать свой потенциал.

Люди, которые этого добиваются, и есть настоящие герои».

С этим простым утверждением не поспоришь! □

ЖИЗНЬ на кончиках пальцев

16

К счастью, она оказалась на даче. Я застал ее с книжкой в руках на раскладушке, в тени виноградника.

— Салют! — сказала Анна, приподнимая очки и откладывая книгу в сторону. — А я к тебе заходила утром, но тебя не было... Чего ты такой грустный?

Я рассказал ей, отчего мне грустно. Она была шокирована.

— Так, допрыгались. Дождались. Что у меня, что у тебя. Началась вторая серия. А о чем ты думал, когда собирался ползти на скалу с каким-то мало знакомым придурком? У тебя голова была на плечах или нет?.. Надо думать, как тебе выпутаться из этой скверной истории. Начнем с Джо. Кто еще кроме тебя его видел?

— Князев и Гриша.

— Значит, надо их допросить как следует.

— Это как? Приставив к голове пистолет?

— Не остри! Они знают его?

— Один раз видели, — отрицательно покачал я головой.

Мы замолчали. Никто из нас не знал, куда протягивать логическую нить. Сыщики из нас получались никудышные.

— Черт возьми, — негромко выругалась Анна. — Тебя же посадят как последнего придурка. Нужен хороший адвокат. Нужно что-то делать!

Окончание. Начало в №8, 2022 г.

— Что делать, Анна?

— Этот... второй... Который вломился к тебе и украл дракона!

— Ну, украл, и что дальше?

— Его надо искать. Он центральное звено. Он украл дракона, он звонил тебе и давал задание... Да! — хлопнула она себя по лбу. — В самом деле! Смотри, как складно получается: некто подыскивает наемных убийц, готовит на всякий случай сразу несколько человек, звонит им, но оружие получает только один, наиболее подходящий киллер. А ты, как и остальные, пролетаешь.

— Вполне возможно, — согласился я.

Анна продолжала вслух размышлять:

— Ты говорил, что его видела женщина из санатория. Ее надо разыскать. Как ее фамилия?

— Мищук Мария Богдановна.

— Прекрасно! Считай, что один свидетель уже у нас в кармане. Потом еще этот, рыжий...

— А чем нам поможет рыжий?

— Он разговаривал с человеком, который знал о готовящемся убийстве и пытался предупредить тебя об опасности. Это тоже свидетель по делу, он тоже в какой-то степени делает тебе алиби... Сейчас я оденусь, и пойдем в «Сокол».

Она зашла в домик, загремела посудой в кухне и позвала меня:

— Кирилл! А ведь можно еще привести экспертов к той скале, где ты сидел ночью, осмотреть крючья, чтобы они подтвердили: да, забиты этой ночью. В общем, выходы есть. Главное, не сидеть сложа руки и не дожидаться, когда за тобой приедет машина с решетками на окнах... Сейчас я сварю кофе, и сразу пойдем!

Жизнь уже не казалась мне такой мрачной, какой она выглядела из кабинета следователя. Анна, конечно, иногда бывает излишне эмоциональной, и в ее эмоциях тонет логика, бывает, что она совершает необдуманные поступки, принимает скоропалительные решения, но эти недостатки теряются среди ее главных достоинств: совсем не женской отваги и готовности помочь, даже если это совсем не в ее компетенции.

— Кирилл! — вдруг истошно закричала Анна, и я от неожиданности вздрогнул. — Сюда! Скорее!

Сбивая по пути табурет, я влетел на кухню. Анна, застыв, как статуя, стояла у радиоприемника.

— Тихо! — дернула она рукой, прижимая палец к губам. Я даже не успел понять, о чем сообщал диктор, и ухватил лишь конец фразы: «... в размере пятидесяти тысяч долларов США». Затем начали передавать прогноз погоды.

Анна смотрела на меня невидящим взглядом, будто я был стеклянным.

— Ну что?! — крикнул я. Меня раздражала ее заторможенность. То кричит, что уши закладывает, то дар речи теряет.

— Крымское радио, последние новости, — расстеряно ответила она и натянуто улыбнулась. — Я не могу поверить... Это был Новоторов. Это его убили сегодня утром. Банк «Эспаньо» обещает награду в пятьдесят тысяч баксов за поимку преступника.

Я сел за стол, покрытый изрезанной клеенкой, и неожиданно для самого себя крикнул:

— Ну, где твой кофе, черт возьми?! С жажды подохнешь, пока дождешься.

Анна стерпела мою грубость, и правильно сделала, потому что мгновение спустя я уже мысленно каялся. Она, конечно, ни при чем. Она, как и я, — жертва. Так получилось, что я узнал о Серже от нее, а позже меня заподозрили в его убийстве. Нет ничего хуже, чем иметь какое-либо отношение к людям типа Новоторова — особенно в качестве его убийцы. Меня теперь в порошок сотрут, меня даже в тюрьме на Калыме достанут.

— Пошли, — сказала Анна.

— А кофе?

— Кофе убежало.

Обстоятельства делают людей идиотами. Особенно в том случае, когда идиотизм в человеке заложен природой. Еще некоторое время, пока Анна терпеливо ждала меня у калитки, я занимался мысленным мазохизмом, высекая себя самыми отборными ругательствами — за свою непутевость, за то, что вечно вляпываюсь в истории, что живу без прописки, без постоянной работы, без семьи. Единственный родной на земле человек, дочь Клементина, и та живет на другом конце света и понятия не имеет, что у нее есть папочка. А может быть и хорошо, что не знает.

Анна, видя, что я еще пребываю в состоянии мазохистского экстаза, взяла бразды правления в свои руки и уверенным шагом направилась в сторону санатория. Я шел за ней, испытывая лишь одно желание: выйти к морю, нацепить ласты и маску, прыгнуть в воду, лечь на дно и как можно дольше не появляться на поверхности. Но это была всего лишь минутная слабость. Она еще не успела пройти всю Приморскую и свернуть к главному входу в санаторий, как я догнал ее, переполненный жгучим желанием разорвать Марию Богдановну на части, если она откажется давать показания в полиции.

Мы быстро миновали парковую аллею и зашли в административный корпус. Анна пропустила меня вперед — с женщинами лучше разговаривать мужчинам, причем более молодым. Видимо, мое лицо источало столько импульсивной энергии, что, когда я приблизился к окошку администратора, женщина отодвинулась от окошка подальше:

— Вам что?

— Дело очень срочное, и мы долго ждать не намерены. Немедленно сообщите нам номера корпуса и комнаты, где проживает Мария Богдановна Мищук.

— Вы тоже из полиции? — осторожно полюбопытствовала администратор, и, потянувшись рукой к журналу, открыла его. Страницы были заложены листом бумаги.— Ею уже интересовались. Вот запрос из Симферопольского ГУВД. Мы дали официальный ответ письменно и по телефону. К нам нет никаких претензий. Мария Богдановна полностью рассчиталась с нами три дня назад и уехала, и мы совершенно не причастны к несчастному случаю.

— К чему? — переспросил я. Анна, отталкивая меня плечом и тоже придвигаясь к окошку.

— К несчастному случаю... А вы разве не в курсе?

— Не в курсе.

— Ее сбила машина на привокзальной площади. Скончалась в больнице. ГУВД запросило у нас копию выписного эпикриза. Мы так и ответили, что Мищук прошла курс лечения и убыла по месту жительства в удовлетворительном состоянии.

— Ты думаешь, в самом деле, это несчастный случай? — спросила Анна, когда мы вышли из корпуса.

— Я почти уверен, что ее сбили нарочно, — ответил я мрачным голосом.

— Но какой в этом был смысл?

— Она видела бородатого, который ворвался ко мне в квартиру.

— Почему тогда он не убил ее сразу?

— В чужой квартире, среди бела дня?

— Ну и что? Привязал же он ее к стулу в чужой квартире среди бела дня?

— Ну, не знаю, не знаю я!.. Если бы убил, то я сразу вызвал бы полицию. Железное алиби у меня было — я торчал на пляже и общался с твоей Ириной. Полиция занялась бы поисками бородатого, и он не смог бы уже мне звонить, подкидывать деньги и письма.

— Да, ты прав... Куда мы идем?

— Ко мне. Надо посидеть в спокойной обстановке и во всем разобраться... — ответил я и через минуту добавил: — Послушай, Анна, я сейчас подумал о том, что если менты узнают про обещанную банком награду, то меня сегодня же, как колбасу, свяжут, завернут в целлофан, обмотают голубой ленточкой и вручат банку. И еще драться между собой будут, кому вручать.

— Тогда, может, не пойдём?

— А куда мне идти?

— Ну, есть же у тебя друг? Клим, кажется, его зовут.

— Ладно! — махнул я рукой. — Плевать! Будь, что будет. В конце концов, мне надо взять нужные вещи.

Перед домом я стал озиаться по сторонам и вглядываться в кусты, но на этот раз обошлось без засады. Пока Анна принимала холодный душ, приготовил яичницу на сале и разлил по стаканам ледяной квас. Мы сели обедать за журнальный столик перед распахнутой настезь балконной дверью.

— Давай наведем порядок в своих чайниках, — сказала Анна, отчаянно тыкая вилкой в сковородку. — Итак, Серж Новоторов, генеральный директор фирмы «Гринперос», ведающей предприятиями в Европе, на которых отмываются наркодоллары, убит сегодня утром по дороге из казино в гостиницу. Некто пытался предложить это дело тебе...

— Или только делал вид, что хочет предложить, — заметил я.

— Совершенно верно. Значит, этот некто умело подставляет тебя, чтобы ты был признан убийцей.

— Обрати внимание: подставлять меня начали еще до того, как было совершено убийство.

— Очень существенное замечание! Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что тот, кто совершил убийство, и тот, кто подставляет тебя, — люди из одной лагеря.

— А возможно, это вообще одно лицо.

— Я бы даже сказала, что это наверняка так и есть... Идем дальше. Если покойная Мищук сказала тебе чистейшую правду, то в твою квартиру ворвался, связал женщину и снял со стены дракона именно этот некто.

— Неужели Джо?

— Он или его сообщник.

— Мищук говорила, что он был бородатым.

— Бородку элементарно сбрить, либо наклеить фальшивку.

— Послушай, — взялся я за голову. — Ну как я мог вляпаться в историю с этой скалой! Если бы я знал — он же был у меня в руках!

— Если бы, если бы! — передразнила Анна. — Молчи уж лучше...

Я смотрел на Анну и удивлялся. Ей не больше двадцати пяти, она милая, с виду хрупкая, парниковый цветочек, который, прежде чем вынести на мороз, надо обязательно завернуть в бумагу. А в ее жизни было уже столько рискованных кульбитов, сколько не у каждого каскадера наберется. Почти год, проведенный на службе в охранке, причем в приамазонских джунглях, — только это чего стоит! Предложение от мафиози о совместной работе — это все равно, что совершать затыжной прыжок в кипящее жерло вулкана. Но вот сидит напротив меня, яичницу вилкой поддевает и смеется — немного нервно, потому как мы оба стали причастны к двум недавним убийствам. Но как держит себя в руках! Я никогда еще не встречал женщин, которые бы так замечательно совмещали в себе ум, характер и женственность.

— А теперь нарисуем общую картину, — сказала Анна и стала рисовать ее вилкой в воздухе. — Киллер по кличке «Джо» готовит убийство Новоторова. Ему хорошо известно, что тот каждое утро возвращается по ялтинскому шоссе из казино в гостиницу, где его удобнее всего хлопнуть. И параллельно готовит вторую жертву, на которую навешивает сфабрикованные улики. Он звонит тебе, записывает телефонный разговор, затем подкидывает эту кассету в полицию, а на балкон забрасывает аванс...

— Стоп! — остановил ее я. — С этим авансом неувязка получается. Зачем мне надо было платить эти деньги? Ведь вполне можно было обойтись без них. Какой смысл?

— Да, ты прав, — согласилась Анна.. — Логика нет, эти деньги, получается, брошены коту под хвост... Но не будем на этом останавливаться. Затем Джо врывается к тебе, заведомо зная, что тебя там нет, но случайно нарывается на эту несчастную.

— А ко мне зачем?

— Ты до сих пор не понял? — удивилась Анна. — Именно за драконом. Это же великолепный крючок! Два килограмма контрабандного золота — да ты ни за что не пойдешь в полицию жаловаться на анонимные звонки. И Джо об этом знал.

— Но откуда он мог знать про дракона?

— Кирилл, не будь наивным, — усмехнулась она. — Тебе кажется, что люди вокруг не догадываются о том, где ты был, и что именно можно оттуда привезти.

— Почему же, догадываются. А я и не скрываю, что был в Приамазонии. Даже в Крымском географическом обществе выступал.

— Ну вот, видишь! А дракона, пустая твоя голова, на самое видное место повесил.

— Да все думали, что это чеканка, которую можно купить на рынке за бутылку водки.

— Господи, до чего же ты наивный! Сколько тебе лет, Кирилл? Любой школьник сразу поймет, что эта штука стоит дорого, и постарается незаметно сунуть ее себе в портфель... Этим драконом Джо держал тебя все время на поводке, словно пса заманивал куском мяса. Ну, признайся, что ты в эти камеры хранения пошел только из-за того, что боялся потерять контакт с человеком, который тебе звонил.

— Да, ты права.

— Вот видишь, Джо все тонко просчитал. И завершилась эта прелюдия прекрасным по исполнению и задумке аккордом — состязанием на скале в момент захода солнца. Он тонкий психолог, и сразу понял, чем тебя можно взять — это сыграть на твоём самолюбии. Он утер тебе нос на Соколе, а по-

том забросил удочку: а слабо пойти вон на ту скалу? А ты давай рубаху рвать на груди, доказывать, что не верблюд. И что ж, доказал! Пока ты скучал на вершине, Джо, напялив твой свитер и рюкзак, за пару часов домчался по ночной трассе до Никитского сада, устроил в удобном месте засаду, оттуда расстрелял черный «БМВ» в упор и оставил на месте преступления твои вещи. Вот теперь, Кирюша, попробуй доказать, что ты не верблюд.

— Гладко у тебя все получается, — признался я. — Только еще один вопрос мне не ясен. Почему именно меня выбрал Джо? Зачем надо было тратить столько времени и сил, чтобы подставить меня, когда проще было бы найти какого-нибудь бомжа в Гурзуфе?

— Нет, Кирилл, — задумчиво ответила Анна. — Бомж для этой роли не годился. Здесь был нужен именно ты — человек, который в недавнем прошлом был связан с контрабандой наркотиков. Убили ведь не вора в законе, не дельца, специализирующегося на аферах с ценными бумагами. Новоторов — дока в наркобизнесе, и не надо об этом забывать. — Она помолчала, словно прислушиваясь к своему внутреннему голосу, и добавила: — Я думаю, что скоро мы получим ответ и на этот вопрос.

17

Нашу беседу прервал звонок в дверь. Анна вопросительно взглянула на меня, и я, пожав плечами, ответил:

— Это либо Клим, либо...

— Либо — кто? — крикнула Анна, когда я уже был в коридоре и открывал дверь.

На пороге стоял старшина Кныш. Его появлению не стоило слишком сильно удивляться — такое уж наступило для меня время. Без приглашения он зашел в квартиру и, оттеснив меня в сторону, очистил проход для целой бригады полицейских, которые вдруг хлынули в дверь с лестничной площадки.

— Вот постановление прокурора о вашем аресте, — возбужденно сказал мне белобрысый лейтенант, с которым я уже познакомился вчера утром, и махнул перед моим носом какой-то бумажкой.

Меня аккуратно втолкнули в комнату. Анна встала со стула с таким выражением на лице, словно ее обокрали.

— Вы кем ему приходитесь, гражданка? — спросил у нее лейтенант.

— Невестой, — неожиданно даже для меня ответила она.

— Невеста — не родственник, — заметил лейтенант, — так что можете быть свободны, — и, повернувшись к Кнышу, сказал: — Посмотри в туалете. Понятых сюда!

Старшина проскользнул между мной и стеной, как угорь, открыл дверь туалета настезь. В коридор ввели еще двоих — каких-то перепуганных мужика и тетку, по всей видимости, отдыхающих.

— Подойдите ближе к туалету, — сказал им лейтенант.

Понятые друг за дружкой встали на пороге туалета. Кныш зачем-то снял фуражку, отдал ее другому полицейскому, встал ногами на доску, дотянулся до сливного бачка, приподнял крышку и вытащил из бачка полиэтиленовый сверток.

— Давай сюда! — потребовал лейтенант и стал разворачивать мешочек. — Пистолет! — наконец объявил он и, как фокусник, поднял «Макаров» над головой, чтобы было видно всем. Тут же ловким движением отстегнул магазин и тоже поднял его над головой. — Два патрона! — Затем отвел назад ствольную крышку, проверил, нет ли патрона в патроннике, и щелкнул ударником. — Исправный! Все видели!

— Беги! — шепнула мне Анна.

Легко сказать — беги, подумал я. А куда бежать? Внизу наверняка стоят менты, там же, у самого подъезда, машина, и ее дверцы уже гостеприимно распахнуты. Поздно! Мы слишком долго упивались затишьем.

Я взглянул на раскрасневшееся лицо Анны. Она прикрыла глаза. Это был призыв к решительным действиям.

— Мне надо переодеться, — сказал я, показывая на спортивные брюки и резиновые тапочки.

— Валяйте! — махнул рукой лейтенант. — Только не долго... Гражданочка! — снова обратил он внимание на Анну. — А вас мы не задерживаем. Освободите помещение!

Я зашел во вторую комнату. Кныш проследовал за мной, осмотрел стены, потолок, окна. Я вытолкал его за дверь и прикрыл ее покрепче. У меня выбора нет, сказал я, призывая себя к мужеству, подошел к окну, медленно, чтобы не скрипнули петли, открыл его и сел на подоконник, свесив вниз ноги. Второй этаж. Можно остаться без единой царапины, а можно и сломать позвоночник. Все зависит от того, как приземлишься.

Я перевернулся, лег на подоконник животом, медленно съехал вниз, повис на руках и разжал пальцы. Свист в ушах, пустота в животе — но только на мгновение. Затем чувствительный удар по ногам, но не настолько сильный, чтобы я упал.

В первую секунду я еще ничего не соображал, в пустом мозгу кружилась лишь одна мыслишка, что надо было раньше отработать этот прыжок. Анна — она что, прыгала за мной? — схватила меня за руку и бегом потащила в магазин, где толпились люди, в основном, пожилые женщины. Просачиваясь сквозь очередь, мы протиснулись к витринам.

— Ноги целы? — спросила Анна, все еще задыхаясь от бега и переживаний. — Как думаешь, они уже поняли, что ты сбежал?

— А ты что, тоже из окна вывалилась?

— Ты как сказал, что идешь переодеваться, так я сразу все поняла, и бегом вниз, под окна, тебя ловить.

— Слушай Анна, но откуда у меня в галюне пистолет оказался?

— Вот об этом я сама хочу у тебя спросить. Ты ключи от квартиры Джо не давал?

— Зачем ему ключи? Он любую дверь плечом выломает.

— Ты думаешь, что это он подкинул, когда к тебе вломился?

— Я больше чем уверен, что именно из этого пистолета Джо стрелял в Новоторова. Мы еще услышим об этом: проведут баллистическую экспертизу и докажут, что Новоторов был убит из этого «Макарова».

— Когда же тебе его подкинули?

— Может быть, пока я был у следователя?.. Не знаю, Анна, не задавай те вопросы, на которые я не могу ответить.

Спустя полчаса мы уже сидели на самой верхотуре горы Болван, откуда весь поселок вместе с санаторием и домом отдыха был виден, как на ладони.

— Что теперь? — спросила Анна, опускаясь на теплый белый камень.

— Твоей судьбой я не могу распоряжаться, Анна. Ты вне подозрений, здесь ты человек случайный, — ответил я, давая понять, что готов принять ее отставку и даже проводить на московский поезд.

— Что!? — Она привстала и возмущенно посмотрела на меня: — Случайный человек?.. Значит, ты хочешь, чтобы я уехала, оставив тебя коптиться на этой горе? И ты нормально бы воспринял это? Ты смог бы после этого разговаривать со мной?

— Прости, — сказал я. — Я не хотел тебя обидеть. Я просто очень боюсь за тебя.

— А тогда, на вилле, когда ты надел форму Шраера, и мы шли с тобой к дому Валери под взглядами охранников, — тоже боялся?

— Тогда нет, — признался я.

— Ладно, я тебя прощаю, — вздохнула Анна. — Но только потому, что ты сказал правду и не стал врать, как страстно беспокоился за меня. Кот ты, Вацура. Старый, бродячий, неблагодарный кот. Сама не знаю, за что я тебя так люблю.

Это было настоящее признание. Я сделал каменное лицо и быстро перевел разговор на другую тему. Нет, я не кот, я поганый шакал, плешивый крокодил, бегемот-олигофреник. Такая замечательная девушка признается мне в любви, а мне нечего ей ответить. Лгать не хочу, потому как любви к Анне

Бог не дал. У него своя логика и свои чудачества. Не знаю, какое именно чувство подразумевается под любовью, но Валери я до сих пор не могу выкинуть из сердца.

Когда солнце скрылось за горбатой, покрытой кудряшками леса спиной Караул-Обы, и стало быстро темнеть, мы с Анной покинули наше убежище и спустились на шоссе. Решили, что она вернется на дачу и будет продолжать там жить, чтобы не вызвать у полиции подозрения своим исчезновением. А я, беглый каторжник, как позже окрестил меня Гриша, спрячусь в лагере альпинистов. Не думаю, что полиции придет в голову прочесывать все палаточные городки на побережье — на это ушло бы слишком много времени. Анна сегодня же предупредит Клима о моем местонахождении, а завтра мы все соберемся под Соколом, включая Гришу и Князева, и решим, как действовать дальше. Кроме как от этих людей мне больше не от кого было ждать помощи.

Я подошел к палаткам альпинистов как раз в то время, когда Гриша снимал с примуса кастрюлю с супом и, увидев меня, радостно вскрикнул. Мне дали ложку, но я отрицательно покачал головой. Тогда Князев налил мне какой-то крепкой пахучей жидкости. Я выпил, и пока мои товарищи загребали ложками из кастрюли, рассказал им о том, что случилось за сегодняшний, безумно-огромный день.

Под конец рассказа я уже едва сидел, и мои глаза закрывались сами собой. Князев слегка хлопнул меня по плечу, заставляя подняться на ноги, отвел к своей палатке и показал на спальник. Мне именно этого не хватало для счастья. Не помню, как я заполз в палатку, как стащил с себя кроссовки и упал на мягкий спальник, пахнувший еловыми ветками, костром, кипарисом, горами и туманами...

18

Мне приснился странный сон, будто я без страховки карабкаюсь по отвесной стене вслед за Джо. Он скидывает на меня камни, спускает снежную лавину, на мою голову обрушиваются потоки воды, но я продолжаю каким-то чудом держаться на стене и преследовать его. В конце концов я догоняю его, цепляюсь обеими руками за его горло, моя ладонь скользит по его щеке, и вдруг кожа его лица начинает сморщиваться, собираться в складки и сползать, и я с ужасом понимаю, что это была всего лишь маска. И тут передо мной появляется Валери. Она не похожа на себя, но я точно знаю, что это Валери. «Кирилл, — говорит она. — Я сделала это только ради нашей любви». «Где дочь?! — иступленно кричу я. — Где моя дочь?!» Но Валери смеется, и мы оба, срываясь со стены, с нарастающей скоростью летим в бездну...

— Кирилл! Кирилл!!

Я проснулся от того, что Гриша яростно тряс меня за плечо. — Ну-ка, быстро, быстро вылезай! — сказал он негромко, но взволнованно.

Я вывалился из палатки с такой скоростью, словно в ней начался пожар, и стал крутить головой во все стороны, не понимая, что произошло.

По-моему, было еще совсем рано, и солнце только-только показалось из-за Меганомы. Князев стоял недалеко от нас на пригорке, скрестив руки на груди, как Наполеон, и смотрел на шоссе. Я слышал, как оттуда доносится шум автомобильного мотора, негромкие голоса.

— Что там? — спросил я Гришу.

— Кажется, менты, — покачал он головой и перевел взгляд на меня: — Кроссовки надел? Теперь обвязку!

Я не задавал больше никаких вопросов и стал натягивать на себя страховочную обвязку.

— Сюда идут, — сказал Князев, подходя к нам. — Поторопись.

Гриша подтолкнул меня в спину, и я пошел к стене. Вертикальная веревка, соединяющая подножие горы с вершиной и пропущенная через крючья, так называемые перила, становилась сейчас моим единственным мостом, по которому я мог уйти от преследователей. На стену полиция не поднимется, а стрелять вряд ли станет.

Гриша закрепил на веревке жумар, соединил его карабином с моей обвязкой и скомандовал:

— Пошел!

Я сделал первый шаг и повернулся к нему:

— Гриша! Сюда подойдут Анна и Клим. Передай им, что сам их найду.

— Хорошо. Поднимешься наверх, оттуда траверсом влево, до Шторма. Там жди нас с Князем.

Шторм — так мы называли западный склон Сокола, покрытый гигантскими каменными столбами, напоминающими шипы на теле ящера или застывшее штормящее море. Добраться до этих «волн» мог только альпинист.

Через минуту я оглянулся. Две полицейские машины стояли на шоссе, а к подножью шли три человека в форме. Гриша и Князев спрятались в палатках. Нет, подумал я, слишком много случайностей. Так не бывает. Никто не мог знать, что я буду здесь, кроме четверых. И нет ничего хуже, когда начинаешь невольно подозревать всех...

Когда менты подошли к палаткам и, задрав головы, стали наблюдать за мной, я был уже на высоте метров ста. Один из них поднес к губам рупор и крикнул:

— Гражданин Вацура! Немедленно спускайтесь вниз!

«Ага, сейчас», — пробормотал я себе под нос, в очередной раз перецепляя жумар выше крюка. — Сейчас залезу наверх и спрыгну прямо в вашу машину... Вместо того чтобы преступника ловить, вы... к невинному человеку пристали, хотите на нем... пятьдесят тысяч баксов заработать... Хрен вам, а не баксы!

Когда я уже прошел две трети маршрута, менты устали глазеть на меня. Они сели кружочком у очага, сняли фуражки и, кажется, завели милую беседу с Гришей и Князевым. Я помахал им рукой, но этот жизнерадостный жест вряд ли кто заметил.

Внезапно потемнело, вдоль стены поплыли матовые рваные струи тумана. Прямо над моей головой с оглушительным треском разорвалась молния. Море, каменистый берег, шоссе, палатки и люди рядом с ними исчезли в одно мгновение, словно начался вселенский потоп. Я оказался в середине тучи, и моментально промок до нитки. На расстоянии вытянутой руки уже ничего нельзя было разглядеть. Серая стена слилась с серой субстанцией, окружившей меня со всех сторон. И вдруг полил настоящий ливень. Грохот падающей и разбивающейся о стену воды сразу заглушил мой дикий хохот. Целые потоки низвергались вниз по стене и свободно падали параллельно ей. С водой скала смывала с себя камни, ветки, песок, все это сыпалось на мою неприкрытую голову, но мне негде было спрятаться. Я болтался на веревке, которая, казалось, не прикреплена ни к чему, и висит сама по себе в пространстве, раскачивался под порывами ветра, захлебываясь в потоке воды, заливающей мне лицо. Это была грандиозная природная феерия, торжество сил стихии, и я, оказавшийся полностью в ее власти, не способный даже защититься от падающих камней, смеялся над собственной ничтожностью и всей той блошиной возней, которой люди посвящают свои никчемные и жалкие жизни.

Гроза оставила меня в покое столь же внезапно, как и налетела, но земли я не видел, ее по-прежнему закрывали облака. На мокрой веревке, по которой еще сочилась вода, жумар держался не настолько крепко, чтобы продолжать движение, но стоило рискнуть и пройти к Шторму незамеченным.

Прошло еще не меньше часа, прежде чем я добрался до относительно ровной площадки перед одним из каменных «шипов», где в идеально отшлифованной вмятине скопилась дождевая вода. Я жадно пил ее, встав перед этим искусственным озером на четвереньки, а потом залез в нее целиком, прямо в одежде, и лежал до тех пор, пока меня не стал бить озноб. К счастью, солнце снова показалось из-за туч, напоминая, что сейчас лето, дело происходит в Крыму, и здесь правит бал оно.

Щурясь от яркого света, я лежал на горячем камне, как на батарее, и одежда высыхала с поразительной скоростью. Стоянку, на которой не-

давно была припаркована темно-синяя «вольво», я не видел — она находилась как раз за моими пятками — и сквозь дремоту думал: «Анна ездила к Новоторову и встречалась с ним буквально за пару дней до его смерти. Этот человек поставил ей кабальные условия, собственно, пригрозил, что убьет, если она откажется. Так что у Анны были все основания желать смерти Новоторова». М-да, интересная мыслишка...

Я стал мысленно складывать мозаику из фактов, и получилось на редкость складно. Анну я посадил рядом с референтом в «вольво», способную домчать ночью до Никитского сада за два часа. Она смотрелась в этом гнезде как литая. Затем попробовал дать референту имя Джо — и мозаика не рассыпалась, а стала выглядеть еще более привлекательной. Господи, как все складно, однако, получается! Приехала Анна из Москвы — начались анонимные звонки. Вернулась из Ялты — и я встретился с Джо.

Я продолжал создавать в уме гармонию. Вложил в руку Анны пистолет — и она стала выглядеть лучше, чем раньше. А потом, потом... потом я осторожно придвинул к ней яичницу и туалетный бачок. Состыкуется! Анна действительно выходила из комнаты, когда мы обедали у меня — то на кухню, то руки мыть. Мало ли что ей надо было — я не следил. Не хватало маленького штриха, и я представил, как вчера вечером, спустившись с Болвана, она идет по шоссе в поселок, сворачивает в санаторий, подходит к телефону-автомату, подвешенному к стене бювета, и звонит в отделение полиции: «Алло! Вы разыскиваете Кирилла Вацуру? Можете взять его тепленьким в палаточном лагере альпинистов под Соколом. Только, чур, половина вознаграждения моя!»

Если это так, думал я, то мне откроется одна великая истина: сатана — женского рода.

Я стоял под ветвью, низко склоненной к земле под тяжестью еще зеленых, но уже крупных абрикосов, и Клим не сразу узнал меня. Потом резко взял за руку и втащил через открытую калитку во двор. Ни слова не говоря, мы прошли мимо «москвича», стоящего во дворе, свернули по узкой дорожке из плитки к душевой и снова вправо, в цветник, где стоял столик со скамейками.

— Я тебя жду весь день, — сказал он. — Почему так поздно?

— Ждал, когда стемнеет.

— Есть хочешь?

— Не то слово.

— Ну, потерпи минуту.

Клим пошел в дом, слышно было, как он что-то сказал матери, загремела посуда, и через минут пять он вынес мне сковородку с жареной на сале кар-

тошкой и яичницей. Я жадно набросился на еду, а Клим, не задавая вопросов, смотрел на меня. Наконец не выдержал и произнес:

— Ну, рассказывай теперь.

— Что рассказывать? — пожал я плечами. — Просидел весь день на Соколе. Время идет, а я еще ничего не сделал для своей защиты... А вы как?

— Встретились с Анной где-то около восьми утра у котельной дома отдыха и пошли к лагерю.

— Когда, кстати, она передала тебе, где я?

— Вчера. Поздно было, мои уже все спали. Тогда мы и договорились о встрече.

— А почему решили именно в восемь, а не раньше?

— Она так сказала, — пожал плечами Клим, — а я не стал спорить, подумал, что вы так договорились. Гроза была жуткая, мы насквозь промокли. Как прошли крутой поворот, сразу полицейские машины увидели. Подходить, естественно, ближе не стали, сели на бордюр, ждем, чем дело кончится. Гора вся в тумане, ни черта не видно. Где-то полчаса спустя увидели, что полицейские возвращаются к машинам. Тебя нет, значит, дал деру. Как машины свалили, мы — к палаткам. Ну, твои друзья все подробно рассказали, как ты от ментов по стенке ушел. Молодец, так и надо. Попадешь к ним в руки — труба. Сожрут.

— По радио ничего нового не передавали?

— Передавали. Дело об убийстве этого чувака ведут две следственные бригады Ялты и Симферополя, а также группа из частной сыскной фирмы.

— Круто взяли.

— Не дрейфы! Думаешь, ты один у них в числе подозреваемых? Да таких, как ты, может, уже десяток набирается. Они же работу по всем направлениям ведут, а не только на тебе зациклились. Так что, Кирилл, твое дело — выждать, пока они настоящего убийцу не найдут.

— Больше ничего не говорили?

— Про водилу что-то сказали... сейчас, вспомню... Да! Он лежит в ялтинской горбольнице. Состояние его остается тяжелым, но он смог ответить на вопросы следователя и, вроде бы, намерен составить словесный портрет убийцы.

— Мне бы в Ялту, Клим.

— Зачем?

— Провести очную ставку в присутствии свидетелей. Я демонстрирую водителю свою физиономию, а он меня не узнает. Это хоть какое-то алиби, первый шаг.

— Ты хочешь, чтобы я тебя отвез?

— А как же иначе, Клим? Если я поеду автобусом, то у меня будет намного больше шансов попасть в лапы ментам.

Клим задумался, покусывая губы. Я понимал, что со мной он рискует: нас могут остановить на трассе, и у Клим будет неприятностей выше головы.

— Хорошо, — твердо сказал он. — Я отвезу тебя в Ялту. Не каждый день такие ситуации выпадают.

Я крепко пожал ему руку.

19

Не думал я, что мне когда-либо придется пробираться на собственную дачу с такой осторожностью, шарахаясь от каждой фигуры, которую замечал в конце улицы, выбирая самые глухие тропки и постоянно прячась в густой черной тени акаций. Перед тем как подойти к даче, я минут двадцать наблюдал за ней из-за угла Портовой башни, но ничего подозрительного не заметил, но, тем не менее, посчитал разумным проникнуть внутрь домика не со стороны двора, а через узкую щель в душевой. Оттуда прошел по темному коридору прямо к комнате Анны. Там горел свет — хорошо, что она еще не спала. Боясь ее напугать, я негромко позвал ее и чуть не схлопотал дверь по лбу. Анна выскочила из комнаты с такой скоростью, словно давно подкарауливала меня, и кинулась мне на шею.

— Господи, я весь день как на иголках! Если бы ты не пришел, я к утру сошла бы с ума! Слава богу, что тебя не взяли! Что вообще произошло?

— Ничего особенного, сущие пустяки. Утром чуть было полиция не взяла. Какие сообразительные ребята, да, Аня?

— Та-ак, — протянула она после небольшой паузы, не сводя с меня глаз. — Начинается...

— Ты о чем?

— Ни о чем, — ответила она негромко и тут же добавила: — Знаешь, Кирилл, одну такую твою выходку я уже пережила, когда мы ехали на попутке в Ла-Пас. Помнишь, в рыбацком сарае, на берегу океана, у тебя начался приступ подозрительности, и ты стал обвинять меня в том, что я за тобой шпионю? Тогда я думала: ты взволнован, мало меня знаешь, устал после бессонной ночи — вот и пришло в голову черт знает что. Но что теперь тебя не устраивает во мне? Мы знаем друг друга полтора года, мы многое пережили, у нас с тобой одни враги. Чем я виновата перед тобой? Разве я давала тебе повод подозревать меня в предательстве?

— Да угомонись же ты, сорока! Я еще слова плохого не сказал, а тебя уже понесло!

— Да у тебя все на лице написано!

— Что у меня там написано? Нет там ничего.

— Не надо прикидываться. А лучше хорошенько присмотрись к этим твоим скалолазам. Кто они такие? Один — инженеришка, а второй — водитель автобуса? Из бедности лазят по стенам на бельевой веревке и питаются исключительно мидиями?

Пойми, Кирилл, здесь они, как и все отдыхающие, временщики. Тебе кажется, что, раз вы знакомы много лет, можете бесконечно доверять друг другу? Я не спорю, на стене они, может быть, храбрые и верные ребята. Но жизнь есть жизнь, отпуск скоро подойдет к концу, и они вернутся в свой Питер, в свои нищие семьи, и весь долгий год до следующего лета им придется из кожи вон лезть, чтобы прокормить семью и позволить себе двадцать дней полазить по горам. Для этих людей пятьдесят тысяч долларов — такая сумма, из-за которой они в одно мгновение похоронят понятия чести, достоинства и мужской дружбы. И найдут миллион оправданий в пользу этих похорон.

— Мне неприятно это слышать. Ты совсем не знаешь их!

— Ну что, что ты о них знаешь? Думаешь, ваша стена способна полностью раскрыть суть человека, обнажить его душу? Это только в песнях Высоцкого можно взять парня в горы и узнать, кто такой. А в жизни, Кирюша, человек удивительно многолик. На стене он совершает подвиги, рискует ради тебя жизнью, а когда стена уже покорена, и впереди ждет весьма скромная проза жизни, а на голову вдруг сваливается пятьдесят тысяч баксов — он с такой же самоотверженностью закладывает тебя полиции. И при этом, заметь, абсолютно уверен, что совершил очередной подвиг...

Я никогда еще не видел Анну такой возбужденной и жестокой. Щеки ее порозовели, глаза заблестели. В этот момент она была чертовски красива, но мне, понятно, было не до любования ее красотой.

— Ну, хватит! — потребовал я пощады. — Суду все ясно. Будь проклят этот банк со своим вознаграждением!

— Ну почему же? — возразила Анна. — Это прекрасная проверка на вшивость. Ни один тест, ни одна скала не раскроет так человека, как эта история с убийством Новоторова. Я рада, что она даст тебе возможность разобраться в друзьях и уяснить, кто чего стоит... А теперь я хочу спать, уходи, пожалуйста.

Я ничего не ответил и ушел, оставив ее одну.

Чем скромнее у человека жилище, тем меньше его стесняют гости. У моих скалолазов на двоих — две палатки и один очаг. Из еды — дюжина банок тушенки да десяток пакетиков порошковых супов. А всегда принимают меня так, словно у них особняк из двадцати комнат.

Еще на шоссе я заметил, что рядом с палатками горит костерок. Оказалось, что Гриша не спит, сидит, задумавшись, на каменном стульчике, смотрит на огонь. Я, ломая на своем пути ветки, вынырнул к нему из мрака ночи, ожидая, что он сейчас схватится за топор, но Гриша лишь медленно поднял сонное лицо и, узнав меня, радостно улыбнулся:

— А-а, беглый каторжник! Садись к костру, сейчас твои кандалы распиливать будем. А почему снял полосатую робу?

Юмор у него, надо сказать, еще тот. Я присел рядом, подкинул в костерок ветку и спросил:

— Князь спит?

— Князь рано ложится, рано встает, — ответил Гриша. — У меня же все наоборот. Сегодня из-за погоды с обеда до вечера дрых в палатке, и вот сейчас не спится... А ты ложись на мое место. Утро вечера мудренее, утром будем решать, что с тобой делать.

Я кивнул ему напоследок и полез в палатку.

Прошли те времена, когда я спал по десять часов подряд, не просыпаясь ни разу. Теперь же одна половина мозга спала, а другая следила — не треснет ли ветка под чьими-то ногами, не заскрипят ли тормоза машины на шоссе. Словом, это был не сон, а сплошное мучение, и, как только стало светать, я вылез наружу, где чувствовал себя в большей безопасности.

Бодрствующая смена лагеря сменилась. Теперь у очага я увидел Князева. Он сидел на корточках перед примусом и энергично подкачивал в него воздух. Гриша, надо полагать, уже спал в его палатке. Мы молча поприветствовали друг друга.

Я сбегал к морю и искупался, а когда вернулся, Князев уже разлил по кружкам кофе и намазывал на хлеб шпротный паштет.

— Как будешь выкручиваться? — спросил он.

— В Ялту поеду, — ответил я. — Там у меня один знакомый следователь. С его помощью предстану перед водилой, и пусть он подтвердит, что не я стрелял.

— Правильно, — кивнул Князев.

На этом, собственно, наша беседа и закончилась. Мы допили кофе, затем Князев встал, закинул за плечи маленький штурмовой рюкзачок и повесил на поясной ремень радиостанцию.

— На рынок, — пояснил он и быстро пошел к шоссе.

Еще некоторое время я видел его вылинявшие шорты, длинные загорелые ноги в белых кроссовках и думал: «Простой радиоинженер из Питера. Мало зарабатывает. Ну и что? Нельзя же все мерить суммой заработка? Может

быть, он счастлив уже только от того, что у него есть верные друзья, что ему покоряются вершины, что он отрывается от грешной земли и, как по ступеням, поднимается до самых облаков? И этот спартанский образ жизни, эта палатка среди деревьев, которые наполняют воздух головокружительным запахом хвои, этот костер в очаге из морских гладких камней — предел мечтаний, который он никогда не унизит банальным земным предательством?»

Я посмотрел вверх. Эта стена, это чудо природы, манила меня к себе. Вдруг нестерпимо захотелось опять пойти к вершине, ощутить тепло, исходящее от камня, словно от живого существа, увидеть, как постепенно удаляется от тебя земля, расширяется кругозор, и все становится игрушечным, несерьезным, безобидным.

Я не стал будить Гришу, воспользовался его снаряжением и по перилам стал подниматься вверх. Долез до середины, пристегнулся карабином к крюку, оперся ногами о стену, откинул туловище назад, сцепил руки на затылке «замком». Слабый ветер раскачивал меня, как маятник, стоя чаяк с ленивым криком кружила подо мной, беззвучно скользил обрывок облака... И бездна чистого теплого воздуха вокруг. Непередаваемое ощущение.

И тут неожиданно снизу послышался крик, который в мгновение нарушил идиллию. Пришлось принять вертикальное положение и посмотреть вниз. Рядом с палатками кричал и отчаянно размахивал мне руками Гриша. Разобрать, чего он от меня хочет, не было возможности, и я решил спуститься. Когда заскользил вниз, он замолчал — значит, я правильно его понял.

— Привет! — буркнул он мне, когда я приземлился, и стал отцеплять меня от перил. — Сейчас я тебе такое скажу, что ты сразу на Эверест пойдешь.

Мы подошли к очагу. Гриша взял радиостанцию, стоящую на каменном столе и сказал:

— Пока ты там ползал, я случайно поймал разговор двух мужиков. Одно из них звали Джо.

— Ты слышал, как он говорил по радио?! — не поверил я.

— У меня сбился диапазон, на котором мы обычно работаем с Князем, я стал крутить настройку и нечаянно поймал, как двое, значит, обмениваются информацией.

— О чем говорили, ну?!

— Это, как я понял, был уже конец разговора... Один, значит, говорит: «Джо, он собрался ехать в Ялту, чтобы водила засвидетельствовал его непричастность». Или что-то в этом роде. А Джо отвечает: «Хорошо, я понял». Первый спрашивает, значит: «Когда опять выходим на связь?», а Джо отвечает: «Как вчера» и, значит, дает отбой.

— Слушай, Гриша, а чей голос-то был, ты не узнал его?

— Я не разобрал, — пожал он плечами.
— Ну, чей, подумай!
— Да откуда я знаю, чей! — вспыхнул Гриша. — Говорят тебе — не разобрал.
— Вот так вот, — произнес я совершенно бессмысленную фразу и даже зубами скрипнул. — Продают с потрохами среди бела дня.
— А кто знал, что ты в Ялту собрался?
— Да все знали!
— Когда ты хотел ехать?
— Сегодня ночью, чтобы рано утром быть там.
— Значит, надо ехать сейчас. Немедленно, пока этот Джо не помешал.
— Да где я сейчас Клима найду? Он наверняка куда-то свалил по своим делам!
— Дуй на автобусе.
— На Ялту единственный рейс, уже ушел!
— Хватай частника! Делай что-нибудь!
Но я не шелохнулся, не сводя глаз с радиостанции.
— Послушай, Гриша, а какой радиус действия у этой штуковины?
— Километра три, не больше, и то, если луч гора не заслоняет.
— Значит, Джо и его абонент находятся от нас, максимум, в трех километрах?
Гриша усмехнулся и отрицательно покачал головой:
— Нет, браток, это рация любительская, для рыбаков, чтобы выяснять, клюет у соседа или нет, а у твоего Джо видел какая? Японская, фирменная, у нее мощность раз в десять больше, чем у этой. Так что один из них может быть в Планерском, а другой — в Морском. Иди, ищи!
— А у абонента какая станция?
— Да я откуда знаю, какая!
— А если такая же, любительская, значит, он от нас не дальше, чем в трех километрах?
— Я все не пойму, на что ты намекаешь?
— Да нет, это я так, в порядке бреда.
— Это заметно.
Ну вот, подумал я, на одного меньше. Гришу исключаем. Неужели Князев? Неужели Анна была права, и ее женская интуиция подсказала, кто предатель?

20

Я больше не мог оставаться в лагере ни минуты. Кто знает, о чем была первая часть разговора, которую Гриша не услышал? Может, о том, что я нахожусь в лагере альпинистов, куда надо срочно высылать наряд полиции?

Погода испортилась вконец, небо затянули бесконечные серые тучи, снова пошел дождь, но такая погода меня сейчас устраивала: все отдыхающие, коль на пляже делать нечего, ломанулись в Судак и поселок. Они бродили по магазинам, рынку, крепости, и в толпе я не был слишком заметен.

Первым делом я заскочил к Климу, надеясь, что мне повезет, и я застану его дома. Но мать сказала, что Клим рано утром уехал в Грушевку за свиной и до сих пор не возвратился. Я попросил ее передать, что зайду, как мы условились, вечером, и быстро пошел на дачу, чтобы еще раз посмотреть в очаровательные глазки Анны. Но в домике никого не было. Я открыл замок своим ключом, вошел в коридор и распахнул дверь комнаты Анны.

Аккуратная девочка, этого у нее не отнимешь. Койка заправлена, на тумбочке порядок и, кажется, вымыты полы. Мне хватило бы двух минут, чтобы обыскать комнату, но я не смог себя пересилить и опуститься до того, чтобы копаться в ее вещах.

Теперь хорошо бы заглянуть домой. Понимаю желание полиции поймать меня, но не могут же они сутки напролет караулить меня в кустах? Для этого всего отделения не хватит. Эта мысль придала мне уверенности, и я помчался к своему дому.

Зайдя в квартиру, стал бродить по комнатам, бесцельно перебирая вещи, заглядывая под диван, шкаф и стол. В маленькой комнате, из которой я совершил свой отчаянный прыжок, окно было закрыто, штора задернута — полиция оставила после себя порядок, хотя и провела обыск.

Я сел на диван и задумался. Жалость к самому себе — вот чего надо опасаться в критической ситуации. Это чувство не побуждает к решительным и смелым действиям, а заставляет безропотно страдать и ждать помощи со стороны. Мне никто не поможет, говорил я себе, это тот самый случай, когда совершенно бесполезно кричать «Помогите!» Все надо делать самому — оно даже проще. Сам приказываешь, сам исполняешь. Сам себя никогда не предашь — вот что еще очень важно. И задача вовсе не такая сложная — найти человека и обезвредить его. Можно сказать, нет более подходящей для меня задачи, чем эта. Семь лет в разведке этим и занимался. Я уже не говорю об Афгане, где был старшиной разведроты, а, по сути, командовал разведгруппой. Два десятка парней за спиной, пулемет Калашникова на плечо — и вперед! Найти и обезвредить — такая понятная и привычная задача. И находил, и обезвреживал. Два ордена Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» отхватил и считаю, что заслуженно.

Я лег на спину, и положил подушку под голову и продолжил свои размышления. Мне нужен Джо. Это такой клубочек, который не оставляет за собой нити, и схватиться не за что, кроме как за сам клубок. Умеет вовремя обрезать за собой «хвосты». Найти такого сложно, но возможно. Во-первых,

он все время крутится рядом. Пока меня не посадили и не начали раскручивать уголовное дело — а ему надо именно это — Джо будет контролировать ситуацию и по возможности подливать на мою голову помоев. Во-вторых, он здорово засветился, и я его без труда опознаю. И, в-третьих: кто-то из моих друзей работает на него, и даже если предположить, что Джо — профессионал высочайшей категории, то про двух «альпинистов», Анну и Клима, я такого сказать не могу, поэтому уверен, что рано или поздно кто-то из них допустит ошибку и попадет в мою ловушку.

Остается вопрос вопросов: почему именно на меня вешают убийство Новоторова? Предположим, что полиция отлавливает меня и предает суду, а органы правосудия доказывают мою вину. Дело получает огласку. К чему это приведет?

Я встал с дивана и принялся ходить по комнате. К чему приведет? Да ни к чему! Взрыва общественного спокойствия не произойдет, может быть, только какие-то обиженные, задавленные Новоторовым конкуренты вздохнут и скажут: «Слава богу, нашелся отважный человек!»

Я не видел ни логики, ни смысла. Конечно, свой смысл во всей этой истории был, иначе чем еще можно было объяснить столь тщательную подготовку убийства Новоторова и улик, которые сыграли против меня? Увы, Шерлок Холмс из меня никакой, методами дедукции я владею слабо, значит, надо делать то, что я хорошо умею — взять Джо.

Теперь надо решить, на кого в своей охоте я могу положиться. Первый: Клим. У него есть одно неплохое для данной ситуации качество — он быстро и качественно выполнит любую работу, которая ему выгодна. Надо его заинтересовать, предложить долю из той суммы, которую выплатит банк за поимку Джо. У Клима есть автомобиль — не бог весть какой, но на нем при необходимости можно добраться, куда понадобится. Клим, как всякий человек, именующий себя коммерсантом, достаточно осторожен и, прежде чем сделать что-либо, десятки раз обдумает свои шаги. Это все плюсы. Есть еще один нюанс, который является одновременно и плюсом, и минусом. Он — единственный из всех моих знакомых, которого я знаю без малого четыре года и в достаточной мере могу ему доверять. Но, вместе с тем, такой же ход мыслей мог быть и у Джо — раз Клим знаком с Вацурой столько времени, значит, Вацура будет ему доверять и никогда не подумает на него.

Вторая: Анна. Эта фигура посложнее, в ее новейшей биографии много темных сторон. С одной стороны, все ясно: мы познакомились почти два года назад на борту самолета — летели в одной туристической группе. Молодая, привлекательная особа, работающая в московской торговой фирме, поссорилась с любовником, привязалась ко мне, чтобы досадить ему и легко ввязалась в рискованную игру — кто не знает, что такое смертельная опасность,

всегда легко это делает. Потом наши пути разошлись. Я искал Валери в сельве, а Анна искала меня вместе с Альфредом Шраером, который выполнял задание наркомафии и следил за мной. Так, по воле случая, она вошла в круг лиц, занимающихся охраной виллы Валери в Приамазонии, откуда потом совершенно невероятным образом смогла вывезти меня с тяжелым пулевым ранением в спину. Если исключить ложь в недавнем рассказе Анны, то ее до сих пор держат на примете и надеются использовать в весьма опасных мафиозных структурах, находящихся под контролем Августино и занимающихся «отмывкой» денег. Таким образом, круг людей, к которому косвенно принадлежит Анна, является лагерем моих заклятых врагов, которые, дай им волю, с молниеносной быстротой оторвали бы мне голову и зарядили бы ею дальнобойное орудие. И лишь Валери, мой черный ангел-хранитель, мать моей дочери, дочь главного мафиози Приамазонии Августино, держит мою судьбу в своих руках. Так что мне очень хочется верить Анне, но она слишком умна и опытна, чтобы я мог позволить себе раскрыть все свои карты перед ней.

Третий: Князев. Радиоинженер, семьянин, альпинист-любитель. Человек сколь немногословный, столь и загадочный. Мы эпизодически встречаемся уже несколько лет подряд, обошли в одной связке половину горного Крыма, но я сейчас знаю о нем не больше, чем в первый день нашего знакомства. Анна характеризовала Князева с узко практической точки зрения. Она права, этот человек не богат, и экономические проблемы наверняка стоят перед ним постоянно, то есть он, как губка, готов впитывать, зарабатывать, подбирать деньги в любом месте и в любое время. Это проза нашей жизни. Но готов ли Князев переступить нравственную черту, чтобы заработать деньги — я не мог сказать с уверенностью.

И четвертый: Гриша. Водитель городского автобуса. Любитель компаний, любитель выпить, любитель рыбалки, одним словом, жизнелюб. В альпинизме он человек случайный и, мне кажется, увлекся скалолазанием только потому, что в среде почитателей этого вида спорта он находит простых, общительных мужиков, с которыми с удовольствием проводит свободное время. Гриша производит впечатление человека открытого и бескорыстного, но, как многие болтуны, часто много обещает и мало делает. Кроме того, он не похож на хитрого и расчетливого человека, который мог бы сплести тонкую сеть, заманить туда жертву и использовать ее в корыстных целях. Но я говорю только о впечатлении. Гриша, как и всякий мало знакомый мне человек, может оказаться блестящим артистом и разыграть роль простачка...

В два часа дня по радио передавали последние крымские новости. Я вышел на кухню, увеличил громкость приемника, не рассчитывая, что услышу

что-то интересное по делу Новоторова, но тут началась криминальная хроника, слово дали корреспонденту, ведущему репортаж с места события.

«Как нам только что стало известно, — скороговоркой заговорил он, — в ялтинской городской больнице номер четыре около часу дня скончался личный водитель бизнесмена Новоторова, получивший сегодня утром тяжелое ранение в голову. Ведущий врач отказался комментировать этот факт, но из надежных источников нам стало известно, что около десяти часов утра раненый был успешно прооперирован, и его жизнь находилась вне опасности. Предположительно, водитель скончался после непредвиденного сбоя в работе реанимационной аппаратуры жизнеобеспечения. Ведется следствие. Следите за нашими дальнейшими сообщениями...»

А вот этого следовало ожидать, подумал я, раз мое намерение провести очную ставку перед водителем стало известно Джо... Что ж, сильный и быстрый ход, в маневренности ему не откажешь. Это профессионал высокого класса, Кирилл Андреевич, и в охоте за ним ты до конца выяснишь, чего стоишь.

Скончался около часу дня, думал я, подогревая воду в кастрюле. Но это не значит, что в это время Джо был еще в больнице. Около часу дня вышла из строя аппаратура жизнеобеспечения. А заложить, запрограммировать этот выход можно было за два, за три часа, за полдня, когда раненый еще находился на операционном столе.

Джо сейчас либо в пути к Судаку, либо уже здесь. И в этом мой очередной прокол. Рано утром, когда Гриша рассказал мне о радиоперехвате, я должен был предвидеть, что Джо поедет в Ялту с целью убрать последнего свидетеля. Надо было организовать две засады — на трассе, идущей вдоль моря к Морскому, Рыбачьему и дальше, в сторону Алушты, и на Симферопольском шоссе. Гриша и Князев знают Джо в лицо и смогли бы сработать без меня, хотя бы запомнить номерной знак и марку автомашины, в то время как я действовал бы в паре с Анной.

Но что прошляпил, того уже не исправишь. Джо остается на свободе, вне моего контроля, и счет его жертвам продолжает расти. Он опережает каждый мой шаг, обрубая те ветви, за которые я хватаюсь, пытаюсь добраться до верхушки.

... Я вздрогнул от телефонного звонка. Кто же это мне звонит? Кто может знать, что я здесь? Анна? Клим? Или полиция проверяет? Нет, поднимать трубку не буду, это рискованно. А если это Джо? Если он даст мне единственную нить, по которой я смогу выйти на него? Я поднял трубку, поднес ее к уху и неожиданно услышал знакомый голос. Да это же «рыжий»!

— Алло, Кирилл, вы слушаете меня?..

Я молчал.

— Ну, хорошо. Меня попросили только передать информацию. С вами хочет встретиться малознакомый вам человек. Встреча — в ваших интересах. Чтобы никто не помешал, рассчитайте в уме: дата, когда вы перешли реку в сторону юга. Это будет дата встречи в этом месяце. И количество человек, переходивших реку вместе с вами, помноженное на пять — время встречи. Место встречи — там, где недавно встречались мы с вами. Всего доброго!

Даже если бы я надумал о чем-либо спросить, «рыжий» вряд ли стал прерывать свою речь. Похоже, что он читал по бумажке, чтобы не запутаться в той головоломке, которую предложил мне.

Ну вот, подумал я, кладя трубку на место, я еще ничего не предпринял, а события продолжают разворачиваться. Со мной изъявил желание встретиться малознакомый человек. Не тот ли, который через того же «рыжего» предупреждал меня об осторожности?

Теперь надо быстро разгадать ребус, чтобы не забыть. Переход реки в сторону юга. Здесь все ясно, речь не о Днепре, не о Волге, а о Пяндже, который я действительно переходил два года назад. В сторону юга — значит, в Афган. Дату помню хорошо: восемнадцатого октября, на седьмой день моего прилета в Таджикистан. Значит, восемнадцатого мы встречаемся... Стоп! А какое сегодня число? Восемнадцатое и есть! Сегодня! А время?

Я схватил ручку и на краешке газеты стал записывать числа. Количество людей, которые переходили реку вместе со мной. Считать со мной или без меня? Был я, Валери, картавый и адвокат. Если себя не считать, то — три на пять — пятнадцать. А сейчас четырнадцать часов пятьдесят три минуты. Осталось семь минут! Не успеваю. Если же считать и себя, то получается двадцать, восемь вечера. Это вероятнее, чем в три. Осталось место. Где мы встречались с «рыжим»? На новосветском шоссе, при въезде в заповедную зону, где я устроил ему засаду...

21

О предстоящей встрече я не сказал никому. Анну я так и не встретил, хотя очень-то и не старался ее отыскать. Наверное, девушка решила не принимать слишком близко к сердцу мои проблемы и весь день развлекалась вместе с подругой на пасмурном побережье, где находится невероятное количество увеселительных заведений. Клим я позвонил и сказал, что наша поездка отменяется, потому как «клиент почил в бозе». Клим не сразу понял эту фразу с претензией на оригинальность, несколько секунд мол-

чал, потом посоветовал мне зайти к нему завтра утром пораньше, так как у него родилось несколько идей.

Без четверти восемь я незаметно выскользнул из квартиры, пересек стройку, пустырь, обошел пансионат железнодорожников и подошел к шоссе. На асфальт я не стал выходить, лег на сухую траву за кипарисом, откуда был виден приличный участок дороги, и стал наблюдать.

Я предполагал, что этот человек подъедет на автомобиле и предложит мне сесть в машину, но вместо автомобиля ровно в восемь я увидел «рыжего», трусцой бегущего со стороны Нового Света. Ну вот, подумал я, сейчас он скажет, что встреча переносится.

Оставив свой наблюдательный пост, я вышел на дорогу прямо перед «рыжим». Он вильнул, чтобы не налететь на меня и, не снижая темпа, негромко сказал:

— Он ждет на Девичьей башне.

Девичья башня, а точнее, несколько стен, оставшихся от нее со средних веков, короновали вершину крепостной горы. Подняться наверх можно было только из внутренней части крепости по гладким камням, местами выложенным в ступени. Со стороны моря из Девичьей башни можно было только полететь в свободном падении — там гора обрывалась отвесной стеной. Об этой башне ходило много легенд. Одна из них повествовала о неразделенной любви скифской княжны, выбросившейся оттуда в штормящее море.

Деревянные с металлической обивкой ворота крепости, ведущие на барбакан, были уже закрыты, но, тем не менее, в крепость мог попасть любой желающий, для кого перелезть через каменную стену со ступенчатой кладкой — не проблема. Очутившись на внутренней территории, я пошел вверх по правому склону, все время поглядывая на башню. Надо полагать, этот человек уже наверху. Видимо, наблюдает за мной — нет ли «хвоста» или какой другой опасности.

Кто он, этот таинственный доброжелатель? — думал я. К чему такая конспиративность? Малоознакомый — это человек, с которым я встречался эпизодически. Ему известно, что я переходил Пяндж, и сколько людей со мной было. Может быть, это Глеб — сводный брат Валери, который обеспечивал нам проход через границу?

Я сделал последний шаг и очутился перед входом в башню. В ее темном проеме стоял человек. Я не видел его лица, но сразу понял, что это не Глеб. Тот — невысокий, коренастый, а этот — выше среднего роста, голова острижена почти наголо, широченная грудь.

— Здравствуй, Кирилл, — сказал он и протянул мне руку. Я ухватился за нее, и он втянул меня внутрь. Я все еще не мог узнать его, и, поняв это, он

повернулся, сделал несколько шагов по коридору, свернул и вышел на обрыв, под блеклый свет, исходящий от малинового небосклона. Тусклый свет упал на его смуглое лицо. Оно было мне знакомо. Я напряг память. Душанбе, Куляб, дача картового...

— Ну что, въехал? — спросил он, усаживаясь напротив меня.

Я еще раз посмотрел на его лицо, и память на этот раз сразу выдала ответ. Бывший охранник с дачи картового! Мы виделись всего лишь раз, когда картовый силой привез меня к границе, а потом вместе с адвокатом и Валери вынудил стать их проводником в Афган.

— Теперь узнал, — сказал я. — Только вот имя...

— Виктор.

— Ну что ж, хорошо. Одной загадкой стало меньше.

— Не думаю, что я был самой загадочной фигурой для тебя.

— Как бы то ни было, но ты заставил поломать голову над телефонными звонками «рыжего».

— Плохо ломал.

— Плохо, — согласился я. — Потому что не люблю намеков.

— Не знаю, что передал тебе «рыжий», но я считаю, что той информации было вполне достаточно, чтобы не вляпаться.

— Для кого достаточно? Для тебя? Даже если ты сейчас предупредишь меня, чтобы я берег свою голову, то вряд ли сумею увернуться от кирпича, который в один прекрасный момент скинет на меня злоумышленник.

— Делаешь людям добро, а оказывается, еще и виноват, — криво усмехнулся Виктор.

— Если ты в самом деле хотел мне помочь, то мог бы это сделать наверняка. Почему ты не захотел встретиться со мной неделей раньше?

Виктор помедлил с ответом.

— Потому что не мог. Странно, что я вообще еще жив.

— Ну, так для чего мы встретились?

— Мне нужна твоя помощь.

Я не ослышался? Ему нужна моя помощь? Это в то время, когда я шел сюда с надеждой, что таинственный незнакомец прояснит обстановку, поможет найти выход из положения.

— А чем, собственно, я могу тебе помочь?

— Я хочу жить, — ответил Виктор.

— Мне кажется, что ты обращаешься не по адресу. Я — не Господь Бог, а такой же смертный, как и ты, , к тому же, сам нуждаюсь в помощи.

— Не прибедняйся! — буркнул он, не поднимая головы. — Я все о тебе знаю.

— Интересно, а что именно?

— Ты когда-то работал с моим хозяином. Твой поход в Афган за кокаином — высший пилотаж, блеск! Так надуть Арикяна! Ты руководил переброшенной порошка в Таджикистан, водил людей через реку...

Ах, вот оно что! Меня, как писал Хлестаков, приняли за важную птицу, иными словами, конвоира за пленного и наоборот. Я кивнул, как бы подтверждая слова Виктора.

— ... У тебя прямые выходы на боссов московской группировки и даже еще выше. Я знаю о твоей поездке в Южную Америку. Не станешь же ты утверждать, что летал по путевке встречать Рождество в Колумбии?

— В Боливии, — поправил я Виктора.

— Пусть будет так. А еще я знаю, что тебе покровительствуют очень высокие лица. Достаточно?

— Вполне. Только ответь мне на один вопрос: откуда у тебя эти сведения?

— Есть источники, — уклончиво ответил Виктор.

Тухлые твои источники, мысленно усмехнулся я. Так перевернуть расклад вещей! Это что же? Выходит, что где-то меня принимают за мафиози, в то время как я считаю себя борцом против наркомафии! Анекдот!

— Что ж, тебе и в самом деле кое-что известно обо мне. И чем, по-твоему, я могу тебе помочь?

— Здесь моя жизнь висит на волоске, и я хочу свалить за границу, куда-нибудь в Южную Америку. К нашим. Но для этого мне нужна твоя рекомендация. Чтобы меня, во-первых, не убили, а во-вторых, доверили работу.

— Откуда тебе стало известно, что меня хотят подставить?

— Это долгая история.

— Я не тороплюсь. Пока ты не расскажешь мне обо всем, я вряд ли смогу тебе помочь.

— Зато я тороплюсь.

— В таком случае не буду тебя больше задерживать.

— Ну ладно! — вдруг примирительно буркнул Виктор. — Давай не будем горячиться. Ты нужен мне, а я — тебе. Услуга за услугу, договорились? Короче, своего бывшего хозяина Арикяна я не любил. Мы с ним часто цапались, и он грозился меня замочить. Когда хозяин свалил в Южную Америку, друзья вывели меня на более прибыльное дело. Я с хорошей рекомендацией поехал в Азербайджан, где сопровождал товар, а потом еще три месяца воевал по контракту в Карабахе, командовал группой. Хорошие бабки там платили, не сравнишь с той подачкой, которую давал Арикян. Раз чуть в плен не попал, чудом ушел. Короче, мне надоело башку под дурные пули подставлять. А тут еще мною людишки с определенным родом занятий заинтересовались. Предложили работу в Чечне.

— Какую работу?

— Сначала в охране у одного босса. Недалеко от Грозного, место тихое, работа не пыльная, мне до поры до времени нравилось, тем более что платили почти втрое больше, чем у Ариkyяна. Но эта халява долго не продолжалась. Скоро меня начали кидать на ночные работы. В час ночи поднимают, ничего толком не объясняют, гонят в машину и везут в район аэропорта Грозного, где меня использовали просто как грубую физическую силу. Грузил какие-то железки. Большие и маленькие. Тяжелые и не очень.

— Оружие?

— Не совсем оружие. Траки, гитары, катки, движки, цилиндры для танков и боевых машин пехоты. Ну ладно, это еще полбеды. Недели две я занимался только разгрузкой запчастей с машин в самолетный ангар. Механизации — никакой. Руки, ломик, цепи, доски, бревна — вот весь наш арсенал. К утру я еле передвигал ноги. Днем отсыпался, а в следующую ночь снова гнали на разгрузку.

Через две недели характер работы поменялся. Мы стали загружать запчасти в самолет. Его подогнали прямо к ангару, и через опущенную рампу мы все это на своем горбу и таскали. Число грузчиков увеличили до десяти, и за три ночи мы упаковали железо в большие ящики, перетянули их ремнями и забили самолет до отказа. Ну, я перекрестился, думал, теперь дадут отдохнуть — черта с два! Меня сразу же отправили в пригород Грозного, на дачу. Там познакомили с Джамалхангом и говорят: «Это твой напарник, будете работать вместе». Ну, я на этого Джамалханга внимательно посмотрел и сразу понял, что заниматься мы с ним будем отнюдь не интеллектуальным трудом...

Отправляют нас в Крым. Живем мы сначала в Алуште, затем в Ялте, бегаем по утрам по трассе, вечерами ходим в казино, рестораны — после Чечни не жизнь, а рай. Но я уже чувствую, что здесь предстоит не какая-нибудь ерунда, вроде погрузки-разгрузки, а криминал чистой воды, за который не то, что тюрьга, а сразу вышка светит. Я такие штучки очень не люблю, скажу откровенно. Вот, наконец, и Джо раскрыл карты. Смотри и запоминай, говорит, ты — мой дублер, если со мной что-то случится, будешь выполнять задание сам. А заплатят за него столько, сколько за пять лет на охране не заработаешь. Я, вообще-то, не трус, но тут у меня все внутри сжалось, как печеное яблочко. Потом, значит, Джо посвящает меня во все планы. Показывает фото Новоторова, ведет в казино в Гурзуфе, проводит по трассе, ведущей в Ялту...

— Короче, — перебил я его, используя любимое словечко Виктора. — Вы должны были убрать Новоторова. Зачем? И почему решили подставить меня?

— Это решили не мы. О том, что мы будем клеить на тебя улики, я узнал за два дня до приезда Новоторова в Ялту. Джо никаких разъяснений не

давал, но я додумал сам. И вот в чем смысл всего этого. Чеченская группировка намерена перехватить основной поток наркоты из Афгана у московской группировки. На кого работаешь ты, а на кого я — два конкурирующих лагеря. Теперь понятно?

— Ничего не понятно.

— Порошок из Афгана идет своими каналами к Новоторову, а затем в Прибалтику, Европу и далее. Чеченцы хотят повернуть эту реку в их сторону, и они убивают влиятельную фигуру в московской наркомафии, на которой многое что замыкается — транспорт, перевалочные базы, склады, «окна» на таможне. Но чтобы замести следы и не вызвать ответных жестоких разборок, они подставляют тебя. И вся картина теперь выглядит так: Кирилл Вацура в борьбе за власть отправляет на тот свет Новоторова, оставаясь под защитой зарубежных партнеров. Ну как, нормально?

— Нормально, — ответил я. — Ловко.

— Джо очень опасен. Первые дни он вообще не спускал с меня глаз. Мне трудно было найти какой-нибудь канал, чтобы предупредить тебя. Вот только на пляже и подвернулся один чудак.

— Где сейчас Джо?

— Не знаю. Со вчерашнего дня я живу в гостинице «Сурож», в номере люкс. Он сам звонит мне и назначает встречу. — Виктор помолчал и добавил: — Боюсь, что ему прикажут убрать меня, как ненужного свидетеля. Я готов свалить за рубеж хоть завтра, если бы только меня кто-нибудь там ждал.

— Сегодня в ялтинской больнице неожиданно скончался водитель Новоторова.

— Я знаю. Но полиция никогда не возьмет Джо. Он хитрый, он просчитывает на десять ходов вперед. И ты не отмажешься.

— Ты считаешь, его взять невозможно?

Виктор как-то странно взглянул на меня и покачал головой:

— Не будь дураком. У тебя есть бабки, связи — исчезни на время, что тебе стоит? И не пытайся встать на пути у Джо — вот мой тебе совет. Это супер-профессионал, за ним трупов — как за опытным грибником срезанных ножек. Если не будешь ему мешать, он тебя не тронет, просто сдаст полиции.

— Послушай, Виктор, кто-то из моих знакомых наводит Джо на меня. Ты случайно не знаешь этого человека?

— Тебе показалось. Он привык работать в одиночку, — ответил Виктор.

— Нет, мне не показалось. Я подслушал радиоперехват. Мои слова кто-то почти дословно передал Джо.

— Не знаю, что тебе посоветовать, — пожал он плечами. — Разберись в людях, которые тебя окружают.

— Ты говоришь, что Джо звонит тебе по телефону. Значит, он где-то в Судаке?

— Мне кажется, что он живет в палатке.

— А где, хотя бы приблизительно?

— Никто этого не знает. Он меняет места ночевки внезапно и непредсказуемо. Палатку, сам понимаешь, легко собрать за считанные минуты и поставить в другом месте.

— Почему вы не возвращаетесь в Чечню, раз задание выполнено?

— Я же тебе говорил: он контролирует ситуацию. Как только тебя возьмут менты и предъявят обвинение, он исчезнет с побережья.

— Ты можешь вывести меня на него?

— Тебя — на Джо? Нет! Проси что угодно, но только не это! Я умываю руки и сваливаю.

— Я прошу тебя только о том, чтобы ты известил меня, как только Джо позвонит тебе.

— Повторяю: я очень дорожу своей жизнью.

— В таком случае, Виктор, я не смогу тебе помочь.

— Ах, вот как. — Он стиснул кулаки, и я услышал, как хрустнули суставы пальцев. — Я рискую головой, отыскиваю тебя, предупреждаю, назначаю встречу...

— Ты пока не сделал ничего, что бы хоть немного облегчило мое положение.

Я сделал шаг к Девичьей башне, но Виктор мгновенно преградил мне дорогу.

— Стой! — сказал он, хватая меня за воротник рубашки. — Так дело не пойдет.

Я сыграл ва-банк — и попал в «десятку». Виктор, в самом деле, очень дорожил своей жизнью, и когда я несильно ударил его кулаком в грудь, как бы призывая к поединку на этом узком каменном мостике, огороженном с двух сторон пропастью, он ступешался, быстро отскочил от меня и закричал:

— Идиот! Нашел место, где драться. Мы же оба свалимся вниз!

— Мне терять нечего, — ответил я. — Все равно «вышку» дадут.

— А мне есть что терять! И я пока ценю свою жизнь. Ясно тебе, невротик?

— Тогда можно мирно разойтись.

— Что ты хочешь? — наконец сдался он.

— Чтобы ты позвонил мне, как только Джо даст о себе знать.

— Он дает о себе знать почти каждое утро.

— Значит, позвонишь завтра утром — немедленно.

— Хорошо, — тихим голосом ответил Виктор. — А что ты мне обещаешь взамен?

— Я дам тебе адрес одного плантатора, который выращивает коку в Боливии. Его зовут Хуан. С письмом от меня он тебя примет.

— Когда будет письмо?

— Ты мне звонишь, сообщаешь, что тебе сказал Джо, после чего мы встречаемся, и я пишу Хуану письмо.

— Хорошо! — Виктор угрюмо кивнул головой. — Черт с тобой. Можешь охотиться на это чудовище, только, боюсь, эта охота тебе боком выйдет.

— Это уже мои проблемы.

— Безусловно. Желаю здравствовать!

В башне мы и расстались. Виктор пошел вдоль крепостной стены к Консульскому замку, а я вернулся прежним маршрутом.

Это был мой самый удачный день, если считать с момента приезда Анны.

22

Было уже около одиннадцати вечера, и толпы отдыхающих возвращались с танцплощадок. В этой разношерстной толпе я был неприметен, и поэтому шел спокойно и неторопливо.

Все, о чем рассказал мне Виктор, еще с трудом укладывалось в голове. Было такое ощущение, словно я долгое время плыл на крохотном кусочке льда, где едва умещался, а потом оказалось, что это гигантский айсберг, на многие десятки метров уходящий в глубь воды. Такое со мной случилось впервые в жизни — приняли за крупную фигуру в наркобизнесе. Интересно, думал я, а как это расценить? Мне это льстит или претит?

Выйдя на шоссе, я решительно свернул к даче. Хотелось встретиться с Анной и обсудить с ней все то, что мне стало известно. В какой-то степени я снял с нее подозрения. Джо и ее референт не имели ничего общего, и вряд ли когда Анна могла иметь контакты с чеченским киллером.

Анна сидела во дворике под тусклой лампочкой и кормила нескольких котиков сразу. Задрав разноцветные хвосты, они старательно бодали ее ушами и без толкотни и суеты поглощали тушенку с блюдца. Увидев меня, Анна обрадовалась, быстро взяла меня за руку и ввела в домик.

— Все в порядке? — спросила она. — Я только что звонила тебе домой.

Она загорела за эти дни, и я с удовольствием смотрел на ее милое лицо, в котором было что-то лисье — глаза, что ли?

— Слушай! — сказала она, подталкивая меня к койке и садясь рядом. — Я раскусила твоего Гришу!

— Прости, — не понял я. — Что ты раскусила?

— Твой Гриша — стукач. Чем, думаешь, я занималась полдня?

— Раскусывала Гришу.

— Я следила за альпинистами. И теперь мне многое стало ясно.

Я еще не совсем хорошо понимал, что она имеет в виду, а когда смысл ее слов дошел до меня, то я не смог сдержать возгласа удивления:

— Гриша?! Не может быть! Ты ошиблась, Анна! Гришу как раз я подозревал меньше всего.

— Вот-вот. Это принцип Агаты Кристи. Меньше всего в ее книгах подозреваешь преступников... А меня, значит, ты подозревал больше всего?

Я постарался уйти от этой щекотливой темы, коснулся ладонью ее смуглой щеки и поторопился:

— Ну, давай, выкладывай! Поверить не могу тому, что ты мне сказала.

Анна несколько путано, перемежая слова междометиями и восклицаниями, рассказа мне про свои приключения, в результате мне стало ясно следующее.

Около семи часов утра она заняла позицию недалеко от палаток альпинистов, укрывшись среди камней и деревьев, и стала наблюдать. Сначала она видела у палаток только Князева — он возился с примусом. Потом показался я. Мы пили кофе, затем Князев взял рюкзак и пошел в сторону поселка — должно быть, за продуктами. Я, что Анна по ее словам предвидела, тотчас надел страховку и полез по стене, к прилепившимся к ней плотным облакам.

Через некоторое время из палатки выполз сильно подпухший Гриша. Сначала он бесцельно бродил по лагерю, растирая ладонями лицо, затем взял радиостанцию, сел на камень и стал настраивать ее, как транзисторный приемник. Полчаса спустя он принялся кричать мне, я быстро спустился вниз, и мы минут десять о чем-то говорили — я-то знаю, о чем.

— После того, как ты ушел, — продолжала Анна, — Гриша стал вести себя как-то странно. Он нацепил на пояс радиостанцию, занес в палатку все вещи, которые лежали у очага, закрыл молнию и трусцой побежал вслед за тобой. Я едва успевала за ним. Он бежал по серпантину, а я срезала через лес, и потому не потеряла его из виду.

Затем, по словам Анны, Гриша стал все ниже и ниже пригибаться к земле, словно на его плечи накладывали мешки с мукой. Постоянно озираясь по сторонам, он дошел до Портовой башни, пристроился у ее стены и не меньше часа наблюдал в бинокль за моей дачей и соседними домами. Дважды он снимал с пояса радиостанцию и выходил с кем-то на связь.

Анна находилась выше его — на склоне Болвана. Она видела, как я вышел из дачи, поднялся по тропе к крепостной стене, перелез через нее и спрыгнул на ту сторону. Гриша снова вышел на связь, но за мной не увязался, а медленно, время от времени останавливаясь и прячась за деревьями,

пошел к моему дому, покрутился недалеко от магазина, затем вышел на Приморскую и стал спускаться к морю. Он прошел через санаторий «Сокол», снова свернул к Портовой башне и там снова надолго застрял с биноклем, на это раз наблюдая за пляжем.

— Он вернулся в свой лагерь не раньше двенадцати часов. Там я и отстала от него, — завершила свой рассказ Анна. — И что ты об этом думаешь?

— Если честно, ты меня шокировала. Меньше всего я ожидал, что Гриша будет следить за мной.

— Учись, мальчик! — Анна легонько щелкнула меня по носу. — Теперь тебе ясно, откуда Джо известен каждый твой шаг?

— Выходит, — вслух размышлял я, — это был вовсе не радиоперехват. Просто Гриша передал мне содержание своего разговора с Джо. Ясно теперь и то, почему он так расплывчато отвечал мне на вопрос о радиусе действия радиостанции. А как ловко он кинул тень на Князева!

— Постой, постой! — поморщилась Анна. — Какой радиоперехват?

Тут уже я, ничего не утаивая, рассказал Анне о том, как Гриша, якобы, поймал радиопереговор Джо с незнакомым мужчиной, который предупредил о моем намерении ехать в Ялту, как я пробрался домой и там услышал сообщение о внезапной смерти водителя Новоторова, как мне позвонил Виктор и назначил встречу, и о нашем с ним разговоре на Девичьей башне.

— Вот, — сказала Анна и от волнения принялась ходить по комнате. — Я так и думала. Борьба кланов. А ты случайно попал между этих жерновов, как зерно... Ну что, мафиози Вацура? Зачем пристрелил Новоторова? — Анна иногда так неузнаваемо меняла тон, что трудно было сразу понять, шутила она или спрашивала серьезно. — Вот теперь картина немного проясняется. Пока ты не в полиции, Джо будет кружить вокруг тебя. Собственно, это крючок — пусть слабый, ненадежный, но все-таки крючок. А как ты думаешь, чего Джо опасается больше всего?

— Самому загреметь в полицию.

Анна скорчила гримаску и покачала головой:

— Нет, Кирилл, это очень маловероятно, к тому же людей типа Джо органы правопорядка волнуют в такой же степени, как нас тараканы. Он опасается двух вещей. Первое: чтобы ты не заполучил железное алиби. И второе: чтобы с тобой, не дай бог, чего-нибудь не случилось.

— В каком смысле?

— Чтобы тебя не грохнули какие-нибудь «левые» преступники, чтобы ты не попал в аварию, которую можно будет расценить, как имитацию убийства. Представь: воротила теневого бизнеса Кирилл Вацура убирает своего конкурента, чтобы подняться выше по иерархической лестнице, а спустя

несколько дней сам становится жертвой убийства. Это можно расценить только так, что в игре принимает участие третья сила. Два убийства в одной группировке моментально высветят истинного противника, которому эти смерти были выгодны.

— Логично. Я всегда говорил, что у тебя светлая головушка.

— Не надо грубой лести! Ты всегда думал, что я шпионю за тобой. Ну, ладно, тебе все зачтется... Однако вернемся к нашим баранам. Представь себе ситуацию, что я, любовница Новоторова, поверившая в то, что моего возлюбленного убил ты, возвращаюсь из Ялты в Судак с целью отомстить тебе. И эту легенду через Гришу мы ненавязчиво подкидываем Джо.

— Нет! — Я неожиданно сильно хлопнул рукой по тумбочке, а потом многозначительно постучал себя пальцем по виску: — Девочка, ты хоть понимаешь, что предлагаешь? Чтобы я использовал тебя в качестве приманки?

— Но ведь ты и, скажем, Клим будете постоянно подстраховывать меня.

— Мы и глазом не успеем моргнуть, как он отправит тебя на тот свет!

— Но подставлять на эту роль кого-нибудь другого мы не имеем морального права, Кирилл.

— Значит, мы вообще откажемся от этой идеи!.. Все! — еще раз отрезал я. — Не хочу слушать твой наивный лепет!

— Тогда похорони надежду выловить Джо и доказать полиции, что ты не верблюд, — нахмурилась Анна.

Мы так ни к чему и не пришли. Я со спокойной совестью пошел спать домой, чтобы с раннего утра начать дежурить у телефона, ожидая звонка от Виктора, и даже не предполагал, что Анна все-таки кинется «ломать дрова». Позже от Князева мне стало известно, что рано утром следующего дня она нагрянула в лагерь альпинистов и разыграла леденящую душу сцену. «Где этот подонок? — кричала она, обыскивая палатки под недоуменными взглядами скалолазов. — Где вы его спрятали? Это дерьмо погубило самое дорогое, что было в моей жизни! Его кровавые руки перечеркнули всю мою жизнь! Он не жилец на этом свете, клянусь всеми богами! Не позднее, чем завтра, его труп будет протухать на жаре!» В общем, она постаралась на совесть, и мои товарищи безоговорочно поверили ее угрозам. После этого Анна вернулась на дачу, надела ярко-красное платье, чтобы выделяться среди отдыхающих, и несколько часов подряд фланировала по набережной, заставляя толпы мужчин обращать на себя внимание.

К счастью, этот эксперимент прошел благополучно. К Анне клеились лишь поклонники, среди которых не было ни одного, даже приблизительно похожего на Джо. Правда, она без труда заметила две знакомые перепуганные физиономии, которые на протяжении всей ее долгой прогулки «на по-

диуме» выглядывали из кустов — это скалолазы на всякий случай крутились рядом, видимо, на тот случай, если Анна повстречает меня и попытается устроить кровавую расправу.

23

Виктор позвонил в четверть восьмого, когда я уже давно ходил вокруг телефона, как кот вокруг рыбных консервов, которые хозяин почему-то забыл вскрыть.

— Привет, — сказал он немного охрипшим голосом. — Джо только что звонил, сказал, что будет у меня через пятнадцать минут.

— Что?! — не поверил я своим ушам и в удачу. — Через пятнадцать минут? У тебя в номере?

— Да. Но ты мне скажи, что ты собираешься делать?

— Потом, Виктор, потом! — От нетерпения я даже пританцовывал у телефона. — Слушай меня и запоминай! Как он войдет, постарайся не закрывать за ним дверь на замок. Сам держись поближе к окну, лицом к двери, но не стой напротив нее! Ты понял?

— Понял, понял.

— Какой у тебя номер комнаты?

— Триста шестая. Как поднимешься на третий этаж — налево, в конец коридора.

— Все будет хорошо, не волнуйся! До встречи! — И я кинул трубку на аппарат.

Что я, собственно, говорил Виктору? — думал я, напяливая на себя черную футболку с изображением какого-то дурацкого орла. Я предупреждал его так, словно намерен ворваться к нему в номер с «Калашниковым» в руках. А у меня нет даже газового баллончика.

Я позвонил Климу, но его мать ответила, что он с утра уехал в Феодосию за товаром. Бежать под Сокол за Князевым у меня не было времени. Я посмотрел на часы. Пять минут уже прошло, пять минут потеряно!

Я выскочил из квартиры, еще совершенно не представляя, как буду брать Джо. Но почему у нас такие идиотские законы? Почему я должен идти на особо опасного преступника с голыми руками, в то время как у Джо пистолетов в рюкзаке, наверное, как у Деда Мороза подарков?

Посреди улицы на меня снизошла вроде абсурдная, но спасительная идея, и я даже остановился, не зная, в какую сторону двигаться дальше. Свернул к санаторию, побежал со спринтерской скоростью к бювету. У телефона-

автомата остановился как вкопанный, сплюнул, выругался — у меня не было с собой жетона. Но уже через мгновение хлопнул себя ладонью по лбу и решительно поднял трубку — в полицию звонят бесплатно.

Мне ответил дежурный по отделению, и я, задыхаясь от бега, попросил срочно позвать к телефону старшину Кныша по делу особой важности.

— Старичок, привет! — радостно сказал я, когда Кныш гукнул в трубку. — Вацура тебя беспокоит.

— А-а! — тоже радостно протянул он. — Это ты? Очень хорошо. Откуда звонишь?

— Только не торопись меня выдавать, — предупредил я, — а то за вознаграждением поедет все ваше отделение. Бери пистолет и гони к гостинице «Сурож». Я сам подойду к тебе. Если приведешь «хвост», мы не увидимся, и ты многое потеряешь. Договорились?

— Договорились, — растягивая звуки, ответил старшина.

Ну, вот и хорошо, подумал я, вешая трубку на рычаг и снова устремляясь бегом по шоссе. Автобус на Судак, как назло, только что отошел, и я, срежая, побежал через старое немецкое кладбище. Пятнадцать минут прошло, думал я. Допустим, Джо уже вошел в номер. Сколько они будут разговаривать? Ну, пусть пять, десять минут. Лишь бы не подвел Кныш!

Я подбежал к гостинице без двадцати восемь, перешел на противоположную сторону улицы, заскочил на бордюр и спрятался за пропыленным кипарисом. Только стал наблюдать из-за своего укрытия, как к остановке подкатил автобус, и из него выпрыгнул Кныш. Я мельком взглянул налево-направо — похоже, он один. Тогда я вышел из своего укрытия и свистнул. Кныш обернулся, сдвинул фуражку на затылок, широко улыбнулся, пожал мне руку, похлопал по плечу и, с интересом разглядывая мое лицо, сказал:

— Ну, молодец! Ловкач!

— Володя, — обратился я к нему по имени. — Мы с тобой раньше были в хороших отношениях?

— А мы и сейчас не в плохих.

— Ну, слава богу! Тогда я предлагаю тебе заработать денег и заслужить досрочно очередное звание. В этой гостинице, в триста шестом номере, находится убийца Новоторова, профессиональный киллер по кличке «Джо».

— Откуда информация? — Улыбка моментально сошла с лица старшины.

— Потом, Володя, потом! Сейчас наша задача взять его, а потом мы все вместе придем в отделение, и я очень подробно обо всем расскажу.

— Ладно. Я тебе поверю. Хотя за это мне могут и башку оторвать.

Смелый парень, подумал я, следуя за старшиной, который, опять нахлобучив козырек фуражки на самые глаза, быстро зашел в фойе. Его рука уже

непроизвольно потянулась к кобуре, и администраторша, увидев это, тотчас вскочила со стула.

— Сколько выходов из гостиницы? — крикнул Кныш.

— Этот! — кивнула администраторша на двери, через которые мы вошли. — Единственный. Есть еще, но там двери заперты.

— Вход запереть на замок! — приказал Кныш. — Никого не выпускать!

Мы побежали по лестнице на третий этаж. Я второпях пояснял:

— Там сейчас двое. Ты сгоряча не хлопни второго — такой здоровый, молодой, «качок». Он ни в чем не виноват.

— Я сгоряча ничего не делаю, — сквозь зубы процедил Кныш. — Иди за мной и не высовывайся!

— Понял, понял!

Мы выбежали в коридор и свернули влево. Кныш перешел на шаг. Теперь он держал пистолет в одной руке на уровне бедра. У триста шестого номера он остановился, беззвучно пошевелил губами, приказывая мне прижаться к стене, сделал глубокий вздох и толкнул дверь свободной рукой.

Дверь с грохотом припечаталась к внутренней стене. Кныш слегка присел, выставив пистолет вперед. Прошла секунда, похожая на вечность. Старшина медленно выпрямлялся. Склонил голову набок. Нахмурился.

— Та-ак, — протянул он. — Опоздали...

У меня екнуло сердце. Я подскочил к старшине и заглянул внутрь. Виктор находился там, где я ему и посоветовал находиться — у окна. Только он не стоял, а сидел в кресле, уронив голову на колени. Руки его были опущены вниз, словно он пытался счистить ладонью с ковра темную лужу крови.

Я со стоном врезал кулаком по стене:

— Мне надо было это предвидеть! Это произошло только что, я полчаса назад говорил с Виктором по телефону.

Кныш покосился на меня, буркнул: «хреново дело», и, присев на корточки рядом с убитым, слегка приподнял его голову за подбородок. Пуля вошла точно в переносицу и вышла через затылок, выбив полчерепа. На спинке кресла — отвратительное пятно, будто разбилась банка с вишневым варением.

— Кто этот парень? — спросил меня Кныш.

— Дублер Джо. Он подстраховывал его.

— Ликвидация свидетеля?

Я отрицательно покачал головой:

— Мы встречались вчера с Виктором. Он пообещал мне помочь вывести на Джо. А тот, может быть, догадался...

Кныш сдвинул фуражку на затылок, вытер лоб платком. И пробормотал:

— И чего я в отпуск не пошел? Предлагали же — нет, отказался.

— Володя, но ты хоть веришь, что Новоторова убил не я?

— Я-то верю, а симферопольская бригада, которая сейчас у нас работает, не верит. Ищи себе алиби, мне больше нечего тебе посоветовать.

— А это, — я кивнул на труп, — не алиби?

— Нет, это еще одно незаурядное убийство, которое вряд ли будет раскрыто. Работа киллера, браток, это не убийство кухонным ножом на почве бытового пьянства. У него все до мелочей просчитано.

— Может быть, он еще в гостинице?

— Вряд ли. Что тебе сказал по телефону этот... несчастный?

— Что ему звонил Джо и зайдет через пятнадцать минут.

— Ну, что тут еще не ясно? — развел руками Кныш. — Эта информация предназначалась для тебя... И как ты еще догадался меня вызвать? Представляешь, что было бы, если бы ты сам влетел сюда? Второе убийство. Попробуй, докажи, что не ты хлопнул парня! Администраторша тебя видела, посторонних отпечатков пальцев, уверен, здесь нет. Нашлись бы еще свидетели, которые видели вас вчера вместе. И все! Труба. «Вышка».

Кажется, у меня вспотела спина, и между лопаток защекотала тонкая струйка.

— Володя, неужели так просто осудить невиновного?

— Проще пареной репы... Ну, ладно. Я тебя не видел, ты сюда не заходил. В отделение поступил анонимный сигнал. Сейчас вызову бригаду, пусть начинают копать.

— Послушай, но ведь я уже засветился у администраторши! — с ужасом воскликнул я. — И алиби у меня нет.

Кныш снова стал прятать глаза.

— Ну, чем я могу тебе помочь, браток? Ты крепко вляпался. Если попадешься, я, так и быть, смогу подтвердить, что без двадцати восемь ты находился на улице, рядом с гостиницей.

— Как? И все? Так ты же, наоборот, сразу могилу мне выроешь этим подтверждением! Ты что, всерьез думаешь, что...

— Ничего я не думаю, — оборвал меня Кныш. — Топай, браток, отсюда, пока я добрый. Ищи алиби. Спасение утопающего — дело рук самого утопающего. Понял?

— Уж куда понятней, — пробормотал я, спиной выходя из номера. — А как мне выйти-то из гостиницы? Двери ведь заперты.

— Это твои проблемы! — Старшина потянулся к телефону, поднял трубку и стал набирать номер отделения.

Я почувствовал, как мои ноги становятся тяжелыми, ватными, и с большим трудом заставил себя побежать по коридору. Мне она откроет, думал я, спускаясь по лестнице в фойе. Она видела меня рядом с Кнышем, и наверняка приняла за оперативника.

С Анной я встретился вечером на даче, уже зная от Князева, что она намерена не позднее завтрашнего дня лишиться меня жизни, и весь сегодняшний день разыскивала меня на набережной. Ни о чем не догадываясь, она снова надела красное платье, навела броский макияж, подняла прическу и сказала мне, что хочет погулять с подружкой. Я без лишних слов отволол ее, отчаянно сопротивляющуюся, под душ и тщательно выкупал прямо в одежде.

— И чтобы больше никакой самостоятельности! — выговаривал я ей, обирачивая мокрую, трясущуюся в ознобе Анну большим баннным полотенцем. — Гриша, между прочим, вместо того чтобы выйти на связь с Джо и сообщить ему о твоём коварном замысле, весь день вместе с Князевым «пас» тебя. Они боялись, что ты и в самом деле меня зарежешь.

Анна согрелась лишь после того, как я напоил ее горячим портвейном.

— Что это ты делаешь? — спросила она, глядя, как я извлекаю из князевской радиостанции аккумулятор и подсоединяю контакты к сетевому адаптеру.

— Музыку будешь слушать круглые сутки, — ответил я, втыкая вилку адаптера в розетку. Послышался тихий шум.

— Ну и музыка! — недовольно сказала Анна и потянулась рукой к радиостанции.

— Не прикасаться! — перехватывая ее руку, предупредил я. — Иначе собьешь настройку. Ничего здесь не крутить, договорились?

— Договорились. А для чего это?

— Сейчас мы настроены на волну, на которой Гриша, якобы, слышал разговор с Джо. На всякий случай проверим эту версию. Пусть рация будет все время включена на прием. Сегодня ночью, но особенно завтра утром, постарайся находиться рядом с ней. И внимательно слушай все, что услышишь.

Я ночевал у альпинистов. Интуиция подсказывала мне, что после встречи с Кнышем ко мне домой или на дачу может вломиться бригада правоохранителей, и безопаснее будет провести ночь в непосредственной близости от стены Сокола, где меня никто никогда не догонит.

Я поднялся раньше Князева и Гриши, с удовольствием искупался в море, так как утро было ясным и безветренным, и вчерашние тучи растаяли за ночь.

Анна ждала меня, выглядывая из-за калитки. У нее было выражение лица ребенка, который разбил тарелку.

— Ну, что еще? — спросил я, заходя во двор.

— Кирилл! — проскулила она. — Ты меня убьешь!

— Настройку сбила? — предположил я.

Она отрицательно покачала головой и прошептала:

— Я пропустила, о чем они говорили.

— Ну как же так, Анна! — возмутился я. — Просил же! Когда они выходили на связь?

— Полчаса назад. Я все время была рядом, а там только шипело. Я только на минутку сбегала в душевую, а когда вернулась, они уже заканчивали разговор.

— Ну, хоть что-нибудь услышала? — простонав от досады, спросил я.

— Да! Смотри, я даже все записала дословно! — Ей очень хотелось чем-нибудь искупить свою вину.

Я взял из ее рук листок, на котором было написано:

«... КТО ОН, ОТКУДА ЗНАКОМЫ...

ХОРОШО. СДЕЛАЕМ ПО-ДРУГОМУ. СКАЖЕШЬ ЕМУ, ЧТО ВЫШЕЛ НА МОЙ СЛЕД, НАЗНАЧИШЬ ВСТРЕЧУ — ГДЕ ОН САМ ПОЖЕЛАЕТ, И СРАЗУ ЖЕ СООБЩИШЬ МНЕ. В 21.00 Я НА ПРИЕМЕ. А ЗАВТРА ВСТРЕТИМСЯ. ОТБОЙ!»

— Это что? — показал я на верхнюю строчку.

— Это? — Анна взглянула на листок. — А это первый человек говорил.

— Чей голос, не разобрала?

— Нет. Я бежала из душевой, и только эти слова расслышала. Зато второго я записала, как стенографистка.

— Эх, Аня, Аня! — вздохнул я, пряча листок в карман. — Если бы не душевая, мы бы уже знали намного больше. И что мы с этого имеем? Кто-то из моих товарищей должен сегодня сказать мне, что вышел на след Джо и для чего-то назначить мне встречу.

— Ну вот! — обрадовалась Анна. — А ты говоришь, что этого мало.

Я взглядом дал ей понять, что не принимаю ее защиты, и добавил:

— И в девять вечера он выйдет на связь с Джо... Ну что ж, может быть, сегодня нам откроется эта таинственная вторая фигура. Только вот как мне вести себя? Искать встречу с каждым из троих? Князев собирался сегодня идти за авиабилетами — он в кассе полдня проведет. У Гриши поведение вообще непредсказуемое. Клим наверняка уже уехал куда-нибудь за товаром.

— Значит, надо сделать так, чтобы зверь сам бежал на ловца, — подсказала Анна.

— А как это сделать?

— В девять часов он должен связаться с Джо и сообщить ему о месте встречи. Значит, до девяти — кровь из носу — этот человек обязательно тебя разыщет.

— Логично.

— А потому тебе лучше всего часикам к восьми появиться там, где тебя наверняка можно найти, скажем, у альпинистов. Предупреди всех, что будешь там, что ждешь всех на большой совет. И когда пробьет девять, мы, так сказать, наглядно увидим, кто есть кто.

— Ладно, — сменил я гнев на милость. — Ты искупила свою вину. А теперь надо срочно позвонить Климу, пока он не уехал куда-нибудь.

Мы уже были готовы открыть калитку, как Анна схватила меня за локоть и прошептала:

— Тихо! И не делай резких движений. Я его вижу.

— Кого?

— Гришу.

— Где ты его видишь?

— Только не крути головой. У башни.

Я скосил глаза. В самом деле. Сидит на корточках, прижавшись плечом к стене, в руках блестит оптикой бинокль.

— Ах, ты мой родненький, — пробормотал я. — Сейчас же мы его тепленьким возьмем. Пошли за мной!

Я зашел в домик, по коридору — в душевую. Показал Анне на лаз, прикрытый виноградником:

— Я подсажу. Вперед!

Ловкая и сильная, Анна почти не нуждалась в моей помощи. Встала на раковину, закинула ногу и юркнула в лаз. Мы спрыгнули со стены вниз, оказавшись на территории санатория.

— Теперь так. Ты его отвлекаешь, а я подойду сзади.

Анна пошла напрямик — по мосту, перекинутому через глубокую расщелину, а мне пришлось бежать по кругу, подняться до середины на Болван, и уже оттуда спускаться к башне. Мы замкнули кольцо почти одновременно. Ну, вот и все, подумал я, и не надо ждать до девяти часов.

Я не беспокоился по поводу того, смогу ли справиться с Гришей, и был почти уверен, что он вообще не станет сопротивляться. Когда берут, как говорится, с поличным, какое уж тут сопротивление.

Я добежал до стены башни, выложенной из булыжников неопределенной формы коричневого цвета, немного напоминающей заполненные медом соты, и заглянул за угол. Анна с торжествующей улыбкой приближалась к Грише. Он продолжал сидеть, подавая ей какие-то сигналы рукой.

Я быстро подошел к нему, сдавил рукой горло, повалил на траву. Бинокль выпал из его рук. Гриша, слабо сопротивляясь, дикими глазами уставился на меня.

— Ну, все, Григорий, поиграли и хватит! — сказал я.

— Вы что?! — произнес он хриплым голосом. — Очумели? Помирились и взбесились, что ли?

— Не валяй дурака, — поддержала меня Анна, поднимая с травы бинокль. — Нам все про тебя известно.

— Это мое личное дело! — крикнул Гриша и заерзал подо мной. — Да отпусти же ты!

— Иуда! — процедил я сквозь зубы. — И учти, что у нас с Князем хватит сил затащить тебя на стену и сымитировать трагический срыв.

— Придурок! — заорал Гриша. — Моралист! Это мое личное дело, и не тебе учить меня морали!

— Твое личное дело? — усмехнулся я. — Стукачей надо давить как вшей.

— Ну, кому, кому я буду на нее стучать, недоумок? — взорвался Гриша и постучал себя по лбу. Моя рука ослабла, он выскользнул из-под нее и сел, застегивая пуговицы рубашки. — Хахалю ее? Или ей на работу? Да эту стерву только могила исправит!

Мы с Анной посмотрели друг на друга, затем снова на Гришу.

— Так ты... э-э... за кем... — с ужасом произнес я, подозревая страшную ошибку.

— Что — за кем? — Гриша яростно стряхивал с себя прицепившиеся соломинки. — Если вы так сильно интересуетесь моей супругой, я могу доставить вам удовольствие и рассказать, как она в очередной раз тайно от меня приезжает в Судак и проводит целый месяц с какой-то волосатой обезьяной в человеческом образе.

Анна вдруг ахнула, прижала ладони ко рту и расхохоталась.

— О, боже! — простонал я, с состраданием взглянул на Гришу и стал помогать ему отряхивать рубашку.

— Эта стервоза поселилась, между прочим, рядом с твоей дачей, — продолжал выкрикивать Гриша. — Спит с ним в одной комнате! Жрет с ним из одной тарелки! Распивает с ним винишко! И думает, что я ничего не знаю. Но я предоставлю ей подробный отчет!

— Гриша, — сказал я, заискивающе глядя ему в глаза и кидая испепеляющие взгляды на Анну. — Мы пошутили. Мы всего лишь хотели тебя разыграть. Ты, ради бога, не обижайся.

— Ничего себе шутки! — Гриша покрутил шеей. — Чуть не придушил.

Мы с Анной чувствовали себя полными болванами, и это слово подходило нам куда больше, чем живописной горе, названной так явно не справедливо.

Остаток дня мы провели в Новом Свете, на Царском пляже. При помощи заточки мне удалось подцепить двух камбал, прятавшихся на обросших рыжими водорослями камнях. Приготовил я их дикарским способом — на большом круглом камне, разогретом в костре. Анна утверждала, что никогда не ела ничего более вкусного. Около восьми, когда солнце закатилось за Караул-Обу, и от потемневшего моря повеяло прохладой и крепким запахом водорослей, мы пошли в Новый Свет, чтобы не позднее восьми тридцати быть в лагере альпинистов, и по дороге обсудили все нюансы предстоящей операции.

— А ты не будешь ревновать? — спросила Анна.

Я ничего ей не ответил, хотя поймал себя на мысли, что смотреть, как Анна будет обнимать кого-то из мужчин, будет достаточно неприятно. Но что поделаешь? Ради дела можно и потерпеть.

Дойдя до обсерватории, мы остановились. Я пощупал рукой пристегнутую к поясу радиостанцию, взглянул на Анну, наверное, так же, как когда-то Королев на Гагарина, и пошел вверх, к стене Сокола, а Анна — дальше по шоссе.

Мне надо было найти то место, откуда Анна вчера следила за мной и Гришей. Очень удобный камешек, с него отлично видны и лагерь, и шоссе. А когда стемнеет, можно будет подползти еще ближе, чтобы слышать разговоры.

Я уже был недалеко от лагеря — об этом мне подсказал слабый запах дымка от костра — и шел почти беззвучно. В этом редком лесу, где почвы, как таковой, не было, и под соснами и можжевельником белел лишь камень, местами присыпанный желтыми иглами, можно было не беспокоиться, что тебя вдруг выдаст треснувшая под ногой ветка. Тем не менее, по мере приближения к лагерю, я становился все более осторожным, все ниже склонялся к земле, и к своей засаде приблизился уже ползком.

Анна была права. Если не считать двух сосен, ветви которых, как плечи богатырей, росли горизонтально в стороны и немного закрывали палатки, ничто больше не мешало наблюдению. Только я успел устроиться на каменном ложе, подперев подбородок кулаками, как на шоссе, из-за поворота, показался «москвич», притормозил, прижался к бордюру и остановился. Клим неторопливо вышел из кабины, взял с сиденья ветровку, полиэтиленовый мешочек, захлопнул дверцу, закрыл ее на ключ. Посмотрел по сторонам, затем — на часы, постучал ногой по колесам, несколько раз надавил рукой на багажник, и машина закачалась на рессорах. Последний гость прибыл.

Анна уже сидела у костра, подкидывая в него хворост. Князев что-то ремонтировал в страховочной обвязке у своей палатки, и красные отблески

костра скупно освещали его лицо, наполовину скрытое черной бородой. Вот если о ком с полным основанием можно сказать, что чужая душа — потемки, так это о Князеве. О чем сейчас думает этот человек? Почему всех людей держит от себя на дистанции, никогда не идет на откровенность, не рассказывает о себе, не проявляет ни бурной радости, ни глубокого сожаления?

Вскоре я увидел, а точнее, сначала услышал и Гришу. Под стеной, где было много сухого хвороста, он выкорчевывал поленья и коряги для костра, и треск, разносящийся по лесу, напоминал ружейную стрельбу. Подошел к Анне, скинул перед костром охапку дров, о чем-то спросил ее, посмотрев на часы. Анна пожала плечами, что-то сказала, показывая рукой на поселок. Должно быть, речь шла обо мне, и Гриша сердился, что меня так долго нет.

Я тоже посмотрел на часы. Без двадцати пяти девять. Нет ничего хуже ожидания, это точно.

Клим подошел к костру, пожал мужчинам руки, поклонился Анне, выдал ей какую-то шутку и сам же рассмеялся. Что-то он слишком веселый сегодня. Присел у костра на корточки, высыпал из полиэтиленового мешочка картошку и стал закидывать ее в костер. Эх, дурила, ее надо в золу закапывать, а не в огонь кидать!

От нетерпения у меня стали сами по себе ходуном ходить ноги. Еще двадцать минут! Гриша тоже проявлял большое волнение. Сложив свои коротенькие и волосатые руки на груди, он ходил взад-вперед по лагерю, и физиономия его была искажена крайним недовольством. Представляю, какими словами он называл меня в уме! Анна, похоже, перестаралась с дровами, закинула в костер все, что принес Гриша, и пламя теперь взметнулось на двухметровую высоту, разбрызгивая вокруг себя огненные брызги. Ей стало жарко, она отсела подальше от огня, а Клим внезапно исчез из поля моего зрения.

Я привстал на колени. Мать честная, ушел из-под самого носа! Я крутил головой во все стороны, но Клим нигде не было видно. Анна, кажется, тоже насторожилась.

Я глянул на часы и уже готов был выскочить из своего наблюдательного пункта, как Клим, столь же неожиданно, снова появился у костра с длинной палкой в руке. Я облегченно вздохнул. Он присел у огня, прикрывая рукой глаза, стал поддевать палкой картофелины и выкатывать их из костра.

Князев сидел в палатке, но я видел его руки и ноги. Он продолжал что-то зашивать на обвязке. Гриша уgomонился, заскучал и, сидя у костра, безотрывно смотрел на мечущиеся языки пламени. Анна подняла с земли черную картофелину, стала перекидывать с ладони на ладонь, дуя на нее.

Осталось десять минут! Я вдруг подумал, что ничего не произойдет. Пробеет девять часов, но эти люди как сидели у костра, так и останутся на своих местах. Потому что нет никакого греха у них за душой, ни в чем не виновны они передо мной, и все мои подозрения — лишь плод больного воображения и повышенной мнительности.

Князев исчез в своей палатке. Что ж, при желании можно выйти на связь и оттуда. Правда, его радиостанция у меня, но разве проблема взять на время Гришину? Полог палатки раскрыт, Анна смотрит прямо туда. Ее губы беззвучно шевелятся. Похоже, что она разговаривает с Князевым.

Осталось четыре минуты! Я уже не мог сдержать волнение и стал барабанивать кулаками по камню. Анна и Клим давятся полусырой картошкой, снимают черную кожуру руками, что-то выгрызают. Очень сомневаюсь, что это вкусно. Гриша от тоски лезет в свой рюкзак и достает металлическую плоскую флягу. Что-то раньше я не замечал у него этой штуковины. Теперь понятно, почему у него по утрам подпухшие глаза. Князев выползает из палатки, подходит к Грише, наклоняется к его рюкзаку и берет в руки радиостанцию. Вот и началось!

Я снова привстал на корточки, как спринтер на старте. Князев рассматривает рацию, что-то включает, Гриша размахивает руками, показывает на Сокол.

Без двух минут! Сейчас он отойдет в сторону! Анна напряжена. Она уже не сводит глаз с Князева. Клим пытается всучить ей еще одну картофелину, но она не реагирует на его слова.

И вдруг Клим резко выпрямляется, хлопает себя по карманам, потом хватается за голову, что-то говорит Анне и быстро идет к шоссе. Клим? Но этого быть не может, почему-то с уверенностью подумал я. Так за кем следить? За Климом или Князевым?

Но Князев уже вернул рацию Грише и сел у костра на место Клима. Анна вскочила, побежала, ломая ветки, за Климом, догнала его, смеясь, схватила за руку. Он стал уговаривать ее, я расслышал, как он сказал: «Я только схожу за сигаретами. Иди, я сейчас вернусь». Но Анна вцепилась в него мертвой хваткой. Повиснув на его плече, она смеялась, как полоумная, и пыталась затащить его в кусты. Я глянул на часы. Одна минута десятого!

Снял рацию с пояса, откашлялся, щелкнул тумблером включения и обернул рацию подолом рубашки — так голос будет казаться приглушенным и невнятным.

Клим уже не рвался к машине. Он стоял почти вплотную к Анне, опустив одну руку ей на бедро. Анна подбоченилась, выставила грудь вперед, слегка откинула голову назад, демонстрируя нежную шею.

— Джо! — сказал я в микрофон, почти не двигая губами, чтобы было похоже на голос Клима. — Это я! Ты слышишь? Прием!

Щелчок. Эфир шипел, потрескивал, и в первое мгновение я подумал, что Джо не ответит, что он на другой волне или вообще не собирается выходить на связь. Но тотчас услышал отчетливый голос:

— Да, Клим, я слушаю. Ты выполнил то, что я тебе сказал?

Откуда мне знать, что Джо поручил Климу! Но надо что-то ответить!

— Конечно!

— И когда же?

Задаёт, сволочь, провокационные вопросы! Что значит «когда же»?

— Ну-у, сегодня, — наудачу ответил я.

— Сегодня? — несколько удивленным голосом переспросил Джо, и я понял, что сказал что-то не то. Он выждал паузу, потом, как ни в чем не бывало, сказал: — Хорошо! Завтра, как договаривались, на том же месте в то же время. Отбой!

Я отключил радиостанцию и посмотрел на парочку. Клим начал наглотать и уже пытался повалить Анну на землю. Она увернулась, отбежала в сторону. Я пристегнул рацию к поясу, испытывая непреодолимое желание выморкаться и набить Климу морду. Подонок, сказал я вслух, глядя на него. Сволочь, ничтожество, мерзавец!

На душе было пусто и грязно. Мне хотелось утопиться в море и никогда не всплывать. Для этого надо просто привязать себя к большому камню, причем стальной проволокой, а перед этим нажраться сырого бетона...

Первый раз в жизни меня предал друг.

— Что ты думаешь делать дальше? — спросила Анна.

Была полночь. Мы сидели на крыше под огромным звездным небом и смотрели на луну, серебряным светильником повисшую над черной зубчатой каймой крепости. Кофе, который Анна сварила полчаса назад, давно остыл, но мы так и не притронулись к чашечкам, стоящим на кирпичном «столике». Не было необходимости прогонять сон и взбадриваться — после всего, что нам стало известно сегодня, ни мне, ни ей спать не хотелось. Анна сочувствовала мне, хотя ни единым словом не высказала своих чувств. Не знаю, приходилось ли ей в жизни испытать то же, что и мне, но, кажется, она хорошо понимала, что творится в моей душе.

— Можно было бы прижать к стенке этого дегенерата и заставить показать нам место встречи, — ответил я, — но мне что-то не хочется марать об него руки. К тому же Джо достаточно хитрый и осторожный, в разгово-

ре со мной он почувствовал что-то не то, и, если Клим припрется на место встречи с перепуганным и напряженным лицом, Джо попросту не выйдет к нему.

— Тогда, может быть, сдать Клима в полицию? Пусть они сами с ним разбираются.

— А что это даст? На Климе нет никакого криминала. Его тут же отпустят. А Джо мы уже навсегда потеряем.

Анна встала, ухватилась за арматурный каркас, потянулась рукой к большим ягодам, тяжелыми гроздьями свисающим с ветки.

— Вот ответ мне, Кирилл, почему так бывает? — спросила она, протягивая мне горсть черешни. Ягоды были прохладные и влажные от росы. — Нам все ясно, задача, можно сказать, решена. Но мы не можем доказать это и сейчас ломаем голову, как сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. — Она запустила косточку в звездное небо, и та исчезла, будто растворилась в нем или превратилась в звезду. — Ты говоришь, что на Климе нет никакого криминала, и его тотчас отпустят. Предположим, что мы высчитаем место встречи, скрутим Джо и притащим его к ментам. И что мы скажем? Вот особо опасный преступник? А Джо обложит нас матом, скажет, что мы психи, что он мирный отдыхающий, и приведет массу доказательств в пользу своих слов. А мы, как идиоты, будем хлопать глазами.

— Ты права. Вину Джо еще надо доказать. И это задачка посложнее, чем его выловить. Нам ее, откровенно говоря, не решить... И все-таки выход есть.

— Привлечь частное сыскное агентство?

— Дорого. К тому же на это уйдет слишком много времени, а Джо может уже в ближайшее время уехать в Чечню.

— Где же выход?

— А выход в том, — медленно проговорил я, — что все мы станем свидетелями еще одного убийства, которое совершит Джо.

Анна оторвалась от черешни и под села ближе ко мне.

— Ты что? Откуда ты знаешь, что Джо намерен совершить еще одно убийство?

— Пока не намерен. Но он пойдет на это.

Анна всматривалась в мои глаза, которые, должно быть, призрачно блестя в холодном свете луны.

— Кирилл, ты меня пугаешь.

Я обнял ее и почувствовал, что плечи Анны дрожат от озноба.

— И как ты все это время не боялась ночевать здесь одна?

— А разве я говорила, что не боялась?

— Что же делать?

— Надо искать мужчину, с которым было бы не страшно.

— Вот как, искать мужчину? — переспросил я и неожиданно подхватил Анну на руки.

— Лестница не выдержит двоих, — обреченным голосом сказала она, крепко обхватывая меня за шею.

— На все воля Господня, — ответил я и стал спускаться во дворик. Прогнившие ступеньки прогибались подо мной, скрипели, но все-таки выдержали. Я подошел к распахнутому окну комнаты Анны и посадил ее на подоконник.

— А почему не через дверь? — прошептала она.

— Так романтичнее...

За все надо расплачиваться. Я намеревался встать в шесть утра, а проснулся лишь в восемь, когда солнце стояло уже высоко, и толпы отдыхающих с ластами, ковриками, тентами и бутылками тянулись на свою «работу».

— Ты чего? — спросила Анна, когда я, как ужаленный, подскочил в кровати.

— Восемь часов! — Я хлопнул себя по лбу, опустил ноги на пол и стал собирать раскиданную повсюду одежду. — Не дай бог, Клим уже куда-нибудь уехал!

— А зачем тебе Клим? — Спросенок Анна плохо соображала.

— Потом объясню! Вставай, одевайся, побежали!

— Кирилл, родненький, мы же не в казарме! — взмолилась она, но этот аргумент я не принял к сведению и протянул ей джинсы и футболку.

В подъезд моего дома Анна вошла, раскачиваясь от усталости, как мачта на ветру. С трудом переводя дыхание, она сказала, что у нее в жизни еще никогда не было не только такой сумасшедшей ночи, но и такого безумного утра.

Войдя в квартиру, я велел ей приготовить какой-нибудь завтрак, потому как умирал от голода, а сам сел рядом с телефоном.

Итак, подумал я, прежде чем поднять трубку и набрать номер, всю неделю Клим ездил за товаром в первую половину дня. Значит, он мог встретиться с Джо лишь после обеда. Начнем с этого.

Я набрал номер Клим. К счастью, он еще был дома.

— Привет, старина! — крикнул Клим, жуя что-то. — Мы вчера ждали тебя два часа! Где ты болтался?

Мне стоило огромных усилий ответить ему обычным тоном:

— К друзьям в Веселое ездил. — Это была заранее оговоренная с Анной легенда.

— И, конечно, навеселился там от души?

— Да, только вернулся. Голова раскалывается, сейчас за пивом пойду... Я вот по какому делу тебе звоню, Клим. Ты к трем часам не подкинешь меня на Перевальное?

— Нет, не смогу, в три у меня дела.

— Ну, хотя бы до автовокзала!

— Мне в другую сторону.

— А в четыре?

— Да, в четыре я уже вернусь. Можем выехать даже в половину четвертого.

— Хорошо, договорились! Я подойду!

Я опустил трубку. Анна стояла в дверях с кухонным ножом в руке.

— Ну, что выяснил?

— Кое-что есть, — ответил я, не скрывая улыбки, и тут же изобразил возмущение: — Да ты не о том думаешь! Где завтрак?

— Ты когда последний раз заглядывал в свой холодильник? — отпарировала Анна.

— А чего мне туда заглядывать? Я и так знаю, что он пустой.

Это удел профессионала — приготовить вкусный завтрак из ничего. Ума не приложу, как Анне удалось сварганить великолепный рыбный салат из консервов, которые в обычном виде меня не заставишь съесть даже под пытками, и горячие бутерброды с сочной ароматной начинкой. Налегая на еду, я одновременно рассказывал ей:

— За полчаса Клим успевает доехать до места встречи и обратно, включая время на короткий разговор. Значит, это в трех, от силы, в пяти километрах от его дома. Я попросил его подкинуть меня до автовокзала. Клим отказал, сказал, ему не по пути. Не по пути — это только в сторону Нового Света. Считаю пять километров от дома Клима. Место встречи — в районе Шторма, где-то рядом с обсерваторией. Там есть одна очень миленькая бухточка, где любят отдыхать дикари.

— Ты не ошибаешься, Кирилл?

— Ошибаюсь в радиусе на двести-триста метров. Когда мы увидим машину Клима, то его самого разыскать будет уже несложно.

— Значит, ты решил все-таки брать Джо?

— А вот этого как раз мы делать и не будем.

Я снова придвинул к себе телефон, набрал короткий номер и попросил:

— Старшину Кныша, будьте добры... А-а, это он и слушает? Очень хорошо! Ну, так как, дружище, ты еще не раздумал заработать деньги и очередное звание?.. Не передумал? Молоток! На вашем желтом «уазике» можешь покатать меня?.. С удовольствием?.. Нет, нет, ты не понял, до вашего отде-

ления мне как раз не надо. В сторону Нового Света... Идет? Тогда жду тебя на пяточке у кафе «Встреча» ровно в четырнадцать сорок пять... Нет, пистолет на этот раз брать не обязательно, а вот рацию захвати.

Я опустил трубку и затолкал в рот последний горячий бутерброд.

— Зачем он нам нужен? — не поняла Анна.

Я молча замотал головой, тщательно двигая челюстями. Не мог, не мог я ответить на этот вопрос!

26

— Поднимись настолько, чтобы ты хорошо мог видеть «москвич» на повороте над обсерваторией, Клима, который будет сидеть где-то рядом, и все тропки, ведущие к морю. Как только увидишь, что Джо идет к Климу, тотчас передай мне. Я буду все время на связи. Есть?

— Есть! — кивнул Гриша и, вооружившись биноклем и радиостанцией, полез на стену.

Я подошел к Князеву и сказал ему:

— Оставляю Анну под твоим присмотром. Надеюсь, вам не будет скучно.

— Мы вчера вечером, между прочим, очень мило пообщались, — ответил Князев.

— Что-то ты слишком разговорчивый сегодня, — заметил я.

— Такая красавица кому хочешь развяжет язык, — улыбнулся из-под бороды Князев.

— Тебе пора, — напомнила Анна. — Осталось пятнадцать минут.

— Он добежит! — успокоил ее Князев, взял Анну под локоть и повел к стене: — Идем, я научу тебя покорять горы.

Вот тебе и молчун, подумал я, быстрым шагом направляясь в поселок. Еще отобьет Анну у меня и прощения не попросит.

Кныш, как всегда, был пунктуален. Его «уазик» вырулил на пяточок ровно без четверти три, а за пару минут до этого я увидел «москвич» Клима, который продребезжал мимо меня в сторону Нового Света. Я едва успел спрятаться за деревом, но даже если бы Клим и увидел меня, не думаю, что это помешало бы моим планам.

Я сел в «уазик» рядом с Кнышем. Он, по своему обыкновению, рассмеялся, пожимая мне руку, пробормотал себе под нос: «Вот артист!» — и тронулся с места.

— Куда изволите везти? Насколько я понял, к нам вы не желаете?

— Только не сегодня. Пожалуй, завтра.

— Завтра, так завтра, — согласился Кныш. — В Новый Свет?

— Да, но только не гони. Впереди нас один дряхлый «москвичок» трясется, как бы ненароком его не боднуть.

Мы медленно покатали по витиеватой дороге между ограждений санатория и дома отдыха.

— Как продвигается следствие по делу убийства в «Суроже»? — спросил я.

— Неважно, — скривился Кныш.

— Чего ж так?

— Приблизительно за десять минут до убийства администраторша видела человека, который поднимался по лестнице на третий этаж. Мы пробовали вместе с ней составить его фоторобот. Какие у него были волосы? — спрашиваем. Черные, — отвечает, а через минуту: — Ой, не черные, а светлые! — А глаза какие? — Глаза карие. — А потом: — Нет, не карие, а голубые, я спутала!.. По-моему, она просто боится. На внешней дверной ручке нашли отпечатки пальцев, которые не принадлежат убитому. Но это еще ни о чем не говорит... Боюсь, что придется тебе проходить по этому делу как свидетелю.

— Постой! Так я же прохожу по другому делу как обвиняемый!

— Насчет другого, я думаю, ты отмажешься. Вон какую деятельность развернул!

Мы въехали на подъем. Я едва ли не прижался лицом к лобовому стеклу, наблюдая за дорогой, снял с пояса рацию, включил ее на прием. Кныш молча покосился на нее. Как только мы миновали первый поворот, на другом конце гигантской подковы, которую образовывала дорога, мелькнул «москвич» и сразу же скрылся за уступом скалы.

— Не гони лошадей, — попросил я Кныша. — На цыпочках, тихонечко.

Володя делал все возможное, чтобы машина «пошла на цыпочках». В рации что-то зашуршало, и я услышал голос Гриши:

— Кирилл! Ответь! «Скала» вызывает.

— Слушаю, Гриша.

— Вижу, как в сторону Нового Света едет желтый «москвич», а за ним, метрах в пятистах — полицейский «уазик».

— Надо же, какое совпадение, и мы тоже это видим. Продолжай, Григорий! Я на приеме.

— Неплохо, — сказал Кныш. — Откуда он нас видит?

— С орбитального комплекса, естественно, — ответил я. — Связь-то у меня космическая!

— Да ладно тебе свистеть!.. Вон, твой «москвич» тормознул!

— Стоп! Задний ход! Он пока не должен нас видеть.

Кныш остановился, отъехал метров на десять назад и вырулил на обочину. Я вышел из машины и пересел на заднее сиденье.

— Ну, давай, руководи, великий комбинатор, — усмехнулся Кныш.

— Я лягу, чтобы меня не было видно, а ты на скорости подлетишь к «москвичу», дашь по тормозам, выйдешь со своей рацией из машины и подойдешь к водителю как к старому знакомому. Поздоровайся за руку, сядь с ним рядом, фурик свой на затылок сдвинь, как ты это любишь делать, спроси, не знает ли он, как переделать рацию, чтобы ловить музыку с Марса — словом, неси какой-нибудь бред. Две-три минуты — больше не надо. Снова пожми ему руку, помаши фуражечкой напоследок — и в машину. Вот и все задание.

— Понял, — кивнул Кныш. — Это называется скомпрометировать человека на глазах у второго. Прием известный.

— Хорошо, что ты догадливый. Трогаемся по моей команде.

Через минуту моя рация снова затрещала, и Гриша доложил:

— Клим вышел из машины и спускается к морю. Язык такой голый там есть, справа от обсерватории, помнишь?

— Помню, помню. Рядом никого больше не видно?

— Пока никого... Стоп!.. Сейчас, резкость поправлю... Ага, идет, красавец!

— Кто идет, Гриша?

— Тот, кого мы ждем. Поднимается по тропе с бухты. В белых шортах, вьетнамках, голый торс... Клим его не видит, садится на камень, закуривает... Джо остановился, смотрит назад... Снова идет вверх.

— Заводи, — бросил я Кнышу.

— Сейчас он выйдет на язык... — продолжал Гриша. — Скачет с камня на камень... Клим курит, смотрит на море.

— Погнали!

«Уазик» рванул с места и сразу набрал скорость. Я лег на сиденье.

— Вижу вас! — несколько возбужденно проговорил Гриша. — Очень хорошо, шоссе уже в поле зрения Джо... Клим его еще не видит. Между ними метров двести...

Я не ожидал, что Кныш домчится до «Москвича» так быстро. Завыли тормоза, я едва не свалился с сиденья.

— Я пошел! — буркнул Кныш, выходя из машины.

— Джо остановился! — почти прокричал Гриша. — Присел. Прячется за кустарником... Смотрит на мента. Мент спускается к Климу. Тот пока его не видит, все еще любит морем...

Комментарий Гриши мне уже был не нужен. Осторожно приподняв голову, я мог видеть все происходящее своими глазами. Единственное, чего я не видел, это Джо — он находился немного ниже, на спуске к морю.

Кныш, отдаю ему должное, сделал все, как надо. Это он артист, а не я. Подошел вразвалочку к Климу, хлопнул его по плечу. Тот обернулся, хотел встать, но Кныш, предупреждая эту естественную реакцию человека перед незнакомым полицейским, схватил его руку, стал трясти, быстро сел рядом, сдвинул фуражку на затылок — как по сценарию. Клим недоуменно заморгал глазами, но старшина уже подсунул ему под нос рацию, стал что-то спрашивать, размахивать руками, показывать на небо, на море.

— Джо все еще смотрит, — продолжал вести свой репортаж со скалы Гриша. — Пятится назад. Уходит... Большими прыжками спускается к морю... Все, я потерял его из виду, он где-то под обрывом.

— Спасибо, Гриша, спасибо! — ответил я ему. — Можешь дальше штурмовать вершину.

— Спасибо! — передразнил он. — С тебя пузырь.

Я снова взглянул в окошко. Старшина уже возвращался, а Клим проводил его таким взглядом, словно к нему только что подходил йети.

— Порядок! — сказал я Володе, когда он сел в машину. — Можно гнать обратно.

Кныш рванул рычаг передачи, круто развернулся и поехал в сторону поселка.

— Если не ошибаюсь, — сказал он, не оборачиваясь, — ты приговорил человека.

Я сделал вид, что не расслышал.

— И по закону я должен предупредить преступление, — добавил старшина.

— Высади меня здесь, — попросил я, когда мы поравнялись с лагерем альпинистов.

— Я тебе больше не нужен?

— Нужен, — ответил я.

Не знаю, что движет людьми, когда они идут под пистолетный ствол, но в глазах Гриши и Князева я не увидел ничего другого, кроме желания помочь мне.

— Это опасно, — предупредил я, будто они и без меня этого не понимали.

— Не пугай, — ответил Гриша, успокаивая сам себя. Князев вообще ничего не сказал.

Обе радиостанции мы подвесили на ствол сосны. Одна из них была включена и работала на прием, другая должна была заменить первую, когда там сядут аккумуляторы. Под радиостанциями скучала Анна. Я ходил по лагерю от одной палатки к другой, время от времени кидая на нее взгляды и спрашивая:

— Ну что там?

Она в ответ отрицательно качала головой.

Я был уверен, что Клим обязательно попытается связаться с Джо в ближайшее время, чтобы выяснить, по какой причине тот не пришел на встречу. Но после того как мы с Кнышем спутали им все карты, и Клим ни с чем вернулся в Судак, прошло два с половиной часа, а эфир по-прежнему молчал. Меня это начинало беспокоить.

У меня часто так бывало: я сначала сделаю что-то, а потом жалею. Разум тысячу раз подтвердит, что я поступил правильно, а сердце все равно жалеет, сочувствует моему врагу. Такова моя суть, и бороться с этим бесполезно.

Дикая злость на Клима бесследно прошла, а вместо нее на сердце лег камень. Жалкий человечиска, в общем-то, совершенно безобидный, недалекий, наивный. Возомнил себя преуспевающим коммерсантом, купил подержанный «москвич» и поклялся мне, что в ближайшем будущем отстроит себе трехэтажный особняк с видом на море и парком. Не от жизни хорошей продался Джо — наверняка тот заплатил ему за услуги... Заплатил? Стоп!

Я вдруг совершенно отчетливо вспомнил, как нашел у себя на балконе газетный сверток с долларами и оставил его на том же месте, лишь прикрыл чугунной кастрюлей. Аванс, который выплатил мне Джо, на удивление быстро нашел Клим, когда был у меня. Совпадение? Клим просил в долг только на три дня. Почему на три? Да потому что он был абсолютно уверен в том, что максимум через три дня я буду уже за решеткой.

«Ай да молодец! — думал я о Джо. Одной и той же суммой расплатился сразу с двумя людьми». В самом деле, Джо, как тонкий психолог, мог с полной уверенностью предположить, что я, дабы не создавать лишних улик, не притронусь к этим подозрительным деньгам, во всяком случае, оставлю их где-нибудь на балконе, чтобы в непредвиденном случае успешно от них откеститься. Так он и сказал Климу — поищи у него на балконе, попроси в долг на дня три. Отдавать не придется. Деньги — твои.

Нет, он все-таки сволочь, подумал я, хотя и не заслуживает столь сурового наказания. Надо его послать на все четыре стороны и никогда больше не подавать руки. Но, черт возьми, как бы Джо втихаря не прикончил Клима где-нибудь рядом с его домом. Надо попросить Кныша подежурить там.

Вдруг Анна громко взвизгнула, словно под нее подлез еж. Я кинулся к рациям и, уже подбегая, услышал нервный голос Клима: «Джо, что случилось? Почему ты не пришел? Я ждал тебя пятнадцать минут». — «Обстоятельства, — ответил Джо. — Нам надо встретиться в другом месте». — «Куда мне подойти?» — «По этой же дороге поднимешься до указателя заповедника, там оставишь машину и пойдешь вверх, на гору. Рацию возьми с собой

и будь на приеме, я скажу, куда дальше». — «В котором часу, Джо?» — «Сейчас же».

Коротко, но ясно. Я сразу же связался с Кнышем, затем передал содержание разговора Грише и Князеву, которые уже подбежали к нам с Анной.

— Джо уже на той скале, — уверенно сказал Князев.

— И оттуда, естественно, будет наблюдать за Климом, не притащит ли тот за собой «хвост», — добавил Гриша.

Анна отошла немного к шоссе, подняла голову, стала крутить ею в разные стороны.

— Эта скала отсюда не видна, — сказал ей Князев. — Она чуть севернее, за «Чертовым пальцем». В прошлом году — да, Гриш? — мы на нее без страховки поднимались.

— Приказывай, командир, — демонстрируя полную готовность подчиниться, сказал Гриша. — Время идет.

— Да, время идет, — машинально повторил я, думая, впрочем, о другом — у меня теперь из головы не выходил Клим. Нет сомнений в том, что человек явно идет на смерть. — Сделаем вот как: я побегу к указателю и там перехвачу Клима. А вы поднимайтесь на скалу с противоположной стороны. Только незаметно и тихо, себя не выдавать. Предупреждаю, у Джо «пушка», и стреляет он, думаю, очень метко.

— Не пугай, — тихо сказал Гриша, и я понял, что он действительно уже здорово напуган.

— А я? — вдруг подала голос Анна.

— А у тебя наряд вне очереди! — напомнил я. — Так что сиди в лагере и охраняй палатки.

— От кого?

— От бешеных медведей. Они толпами шастают по этому лесу.

— Святая обязанность женщин — сидеть дома и беречь очаг, — добавил Князев и улыбнулся из-под густых усов. — А мужская — воевать и добывать пищу.

— Ты, оказывается, домостроевец, — покачала головой Анна.

— Я просто русский человек...

Я не дослушал, чем закончилась их словесная перестрелка, и побежал на шоссе. За поворотом увидел белую иномарку, стоящую на обочине, но не придавал ей никакого значения. Наивный, я полагал, что еще минут пять — десять буду ждать Клима в засаде, но когда добежал до большого щита с нарисованными на нем елкой и медведем, сразу увидел желтый «москвич».

Я остановился, будто налетел на заповедного медведя, и почувствовал, как по телу пробежал холодок. Как же так? Он не мог так быстро доехать

от дома до этого места! Этого быть не может! Значит, черт возьми, он выходил на связь с Джо уже из машины.

Пот ручьями лился по мне, будто я только что вылез из моря. Я устал, потому что бежал слишком быстро, рассчитывая потом пару минут передохнуть. Но отдых, как сказал бы Гриша, накрылся медным тазом. Вытерев майкой лицо, я перебежал на другую сторону дороги и стал подниматься по тропе в гору. Он не мог уйти далеко, думал я. Клим горы не любит, сразу задыхается, как старик — потому что выкуривает по пачке в день, и даже в магазин за сто метров предпочитает поехать на машине.

Рация снова заговорила голосом Клима, только на этот раз он, задыхаясь, едва выговаривал слова: «Джо... я поднимаюсь... прием!» — «Да, Клим, я тебя вижу. Возьми чуть левее. Дерево прямо перед тобой стоит, вот прямо на него и иди».

Голос у Джо спокойный, даже какой-то заботливый. Убийца, труподел, мразь, думал я про него, обильно поливая потом камни. Я дышал тяжело и хрипло, кровь стучала в висках, и мне казалось, что эти удары разносятся по всему склону, и Джо непременно заметит меня. От этой мысли, несмотря на ее абсурдность, было нелегко отвязаться, и мне приходилось бежать, как зайцу, от дерева к дереву, и при этом пригибаться.

Клим, опровергая все мои расчеты, успел подняться достаточно высоко. Я видел его согнутую фигуру. На каждом шаге он упирался обеими руками в бедро, помогая себе идти. Поднялся на белый, с ломаным краем, взлет, где росло одинокое дерево, прыгнул вниз, как с бордюра, и снова исчез из виду.

Так, наверное, я не бегал еще никогда в жизни. Моя грудь раздувалась, как меха в кузнечном цехе, и жар полыхал в моих легких; перед глазами плыли и вспыхивали черные круги; в ушах звенело, словно я опустился на большую глубину; горло свело судорогой, казалось, оно стало узким, как соломинка для коктейля, я задыхался, с хрипом втягивая в себя воздух, и думал: только бы не упасть, только бы удержаться на ногах!

Я добежал до дерева, когда, казалось, у меня больше не осталось сил, ухватился за ствол, шатаясь, как пьяный и пожирая кислород лошадиными порциями, и несколько секунд не видел ничего, кроме красных и черных кругов. Потом, как из тумана, проступили очертания ближнего хребта Сокола, его северный склон, поросший зеленой шерстью леса, и две фигуры людей, застывшие на краю обрыва. Это были Джо и Клим.

Я сделал вздох, на какой вообще был способен и, сложив ладони у рта рупором, закричал:

— Кли-и-им!!! Уходи!!! Кли-им!!!

Он услышал меня, обернулся, поднял руку, чтобы помахать мне, но не успел сделать больше ни одного движения. Джо, стоящий вплотную к нему, быстро положил руку ему на плечо и несильно толкнул. Мгновение — и Джо остался стоять на краю площадки один, будто никого рядом с ним и не было.

Я схватил и сжал в кулаке воздух, закрыл руками глаза, в бессильной ярости раскачиваясь из стороны в сторону. Нет, бормотал я, тебя не сдавать властям надо, тебя надо казнить здесь же, немедленно! Расплющить твою рожу булыжником и скинуть вслед за Климом!

Я поднялся на ноги и, пошатываясь, пошел к обрыву. Джо, не обращая на меня внимания, опустил голову и, как мне показалось, стал застегивать поясной ремень. Я не сразу разглядел, что у него в руках веревка, и когда смысл его действий дошел до меня, было уже поздно. Он прищелкнул веревку к амортизатору, закрепленному на страховочной обвязке, встал лицом к обрыву и, расставив руки в стороны, прыгнул вниз.

Спотыкаясь, я побежал к тому месту, где только что стояли два человека, а теперь один из них наверняка был мертв, а другой скользил по «перилам» вниз, уходя от преследования. И тут, прямо как в кино, на противоположной стороне площадки появились Гриша с Князевым. Они тоже бежали к месту драмы, и Гриша при этом отчаянно махал мне руками. Они сидели в засаде, думал я, и ждали, когда я погоню к ним Джо, как кабана на охотников. Вовремя подоспели, помощники хреновы!

Зря я, конечно, пытался переложить вину за случившееся на этих ребят, которые и без того слишком много для меня сделали. Но усталость и шок, вызванный увиденным зрелищем, несколько пригасили мое природное чувство справедливости.

Подбегая ко мне, Гриша едва не сбил меня с ног.

— Ну?! — крикнул он.

— Чего «нукаешь», не видел, что ли?! — грубо ответил я.

— Не кипятись, — сказал мне Князев. — Далеко он не уйдет.

— Конечно, не уйдет! Зачем ему далеко? Ему и в Чечне нормально! — ответил я и, встав на корточки, подполз к краю обрыва. Карниз мешал мне увидеть Джо, но начало веревки я увидел. Вот же хитрая bestия! Я мог бы сейчас перебить камнем веревку, на которой Джо спускался, и тогда бы он разделил судьбу своей жертвы. Но Джо навесил «перила» не от края обрыва, как я предполагал, а в метрах пяти ниже. Дотянуться до крюка без страховки я не мог.

— Говорю тебе, далеко не уйдет, — повторил Князев. — Мы половину «перил» снизу обрезали.

— Князь... — только и смог произнести я и прижался к его плечу.

— Теперь всем вниз! — принял на себя командование Гриша. — Как бы он по второй половине стены на руках не спустился.

Мы рванули к тому месту, где мои друзья поднялись без страховки. Приходилось делать небольшой крюк, но я надеялся опередить Джо, если он решится спускаться на руках. Стена там — будь здоров, отрицательный подъем метров пятьдесят. Как раз для самоубийц, но у Джо не оставалось больше выхода.

Мы, словно по ступеням, уже бежали вниз, как вдруг Князев остановился и крикнул, показывая на стену:

— Смотрите!

Такого я не видел даже в цирке. Прижавшись всем телом к стене и каким-то чудом удерживаясь на ней, словно он был вымазан клеем, Джо медленно спускался вниз.

— Сорвется, — покачал головой Гриша.

Мы были настолько заморожены этим зрелищем, что я на некоторое время даже забыл, кто этот человек и что совершил.

— Точно сорвется, — повторил Гриша.

— Не каркай, — попросил Князев, — а то спустится.

Увы, чудес не бывает. Джо потерял опору под ногами, повис на пальцах одной руки, попытался ухватиться за выступ второй рукой, сделал слишком резкое движение и беззвучно полетел вниз. В воздухе его развернуло спиной, и он с треском вонзился в крону сосны, вывалился оттуда уже ногами вниз и съехал, как с горки, уже по пологому склону.

— Фенита ля комедия, — сказал Гриша. — Накаркал-таки. А сначала мне казалось...

Он вдруг замолчал, и все мы, ошеломленные, уставились на Джо, который медленно, как должны это делать покойники в фильмах ужасов, поднял туловище, покрутил головой, встал на ноги и, сильно прихрамывая, заковылял к лесу. Спустя мгновение он исчез среди деревьев...

— Не может быть, — прошептал Гриша.

Глупцы! Мы потеряли слишком много времени, пока, как мальчишки, раскрыв рты, следили за Джо. Мы не преодолели еще и половины склона, а Джо уже быстро приближался к белой иномарке, стоявшей на шоссе неподалеку.

— Уйдет! — заорал Гриша и чуть не сорвался вниз.

Пока он ругал скалу и камни, «которые здесь какой-то козел накидал», мы с Князевым стали свидетелями неожиданного финала этой драмы. Как будто прямо из-под земли за спиной Джо вырос Кныш, одним прыжком

догнал его, шарахнул по затылку рукояткой пистолета, повалив на землю, тотчас придавил его коленями, ловко скрутил руки и накиннул на них наручники.

Не меньше сотни растревоженных чаек кружило над нами, но мне отчего-то казалось, что это стая стервятников, которые уже заметили труп человека, лежащий у подножья скалы; и она опускается все ниже и ниже, нацеливаясь на глаза и грудь...

— Ты чего? — повернувшись ко мне, спросил Гриша.

— Что-то голова кружится... — ответил я, сел на камень и стал растирать ладонями лицо.

— Пойдем. Он догонит, — тронул Гришу за плечо Князев.

И они пошли вниз, хватаясь за ветви сосен и скидывая ногами мелкие камешки...

27

— «Они опечалились и стали говорить Ему, один за другим: не я ли? И другой: не я ли? Он же сказал им в ответ: один из двенадцати, обмакивающий со Мной в блюдо»...

— Что это? — спросил Гриша.

Анна отложила книгу, кинула сухую ветку в костер.

— Евангелие от Марка. Предательство Иуды.

— Э-э, — протянул он, — нашла, что читать.

— Я ищу ответ на один вопрос, который меня волнует.

— Какой тут ответ! — махнул рукой Гриша. — Предатель — он и в Африке предатель.

— Если бы Иуда не предал своего учителя, человечество утратило бы один из важнейших уроков нравственности, — сказал Князев, прилаживая над костром перекладину из стального уголка. — Потому глупо проклинать его. Этому апостолу досталась самая неблагодарная роль.

— Да и раньше, до Иуды этого, предательство считалось самым отвратительным поступком. Разве не так? — отозвался Гриша, лежа на пенопленовом коврике, подперев рукой голову.

— Деяния апостолов — не просто поступки, — возразил Князев. — Это была грандиозная драма, разыгранная ими перед народом по божественному сценарию. Иисус знал заранее, что Иуда предаст его, но ничего не предпринял, чтобы помешать этому — вот доказательство того, что апостолы действовали по сценарию. Не проклинать же Иуду за то, что ему выпало сыграть такую роль?

— Все это ерунда — учителя, апостолы, — зевнув, сказал Кныш. В свете костра его и без того смуглое лицо казалось вылитым из бронзы. — Все это красивые сказки. А у нас все реально — Клим подонок, который продал друга за пятьсот баксов. О чем еще говорить?

— Так что, Анюта, не пытайся отыскать ответа на свой вопрос, — повернулся к Анне Князев. — На все вопросы рано или поздно дает ответы сама жизнь. И не торопись расставить все точки. Когда человеку все ясно, ему становится скучно жить. Да, Кирилл?

Я не слушал эти навевающие тоску философствования о предательстве Иуды. Меня больше занимало гигантское звездное небо, втягивающее в себя дым от нашего костра. Глядя в него, я думал о том, что потерял друга не сегодня, а в тот день, когда Клим прикоснулся к деньгам, подкинутым мне на балкон, и в одно мгновение между нами гильотиной упала стена, навеки разделившая наши судьбы и разлучившая нас.

— Интересно, а где сейчас Джо? — вслух подумал Гриша.

— Ничего интересного, — ответил Кныш, обрадовавшись тому, что наконец-то подняли вопрос, в котором он был компетентнее других. — В ялтинском следственном изоляторе.

— А разве не вы будете вести его дело? — спросила Анна.

— Да я бы с радостью, — махнул он рукой, — но ялтинцы перехватили.

Кнышу было стыдно признаться, что для ведения уголовного дела ему не хватает образования и опыта, и он быстро перешел на другую тему:

— Кстати, я сделал официальный запрос в банк «Эспаньо». Мне подтвердили, что как только суд признает Джамалханга виновным в убийстве Новоторова, так сразу выплатят премию в пятьдесят тысяч баксов.

— Кому?! — в один голос спросили Гриша и Анна.

— Я передал все данные Кирилла Вацурь.

Я повернул голову, с искренним удивлением посмотрел на Кныша:

— Мои данные? Но это не совсем справедливо.

— Деньги получишь ты, — улыбнулся Володя, — а дальше можешь распоряжаться ими, как тебе вздумается.

— Ты бы лучше не премию мне выбивал, а помог вернуть золотого дракона.

— Ну, я же пообещал тебе, что сделаю все, что смогу. Докажешь, что он твой, — получишь свою игрушку обратно.

Я пробежал глазами по лицам друзей и произнес:

— Сколько нас? Пятеро? Как раз легко делится.

— А что ты будешь делать со своей долей? — спросила Анна у Гриши.

— Не бойся, найду им применение! — Он поднял вверх ладонь, как бы подчеркивая, что давно уже решил этот вопрос. — Во-первых, дочку замуж надо выдавать. А во-вторых, бинокль помощнее куплю, чтобы за своей стервозой следить.

Мы дружно рассмеялись.

— А ты на что потратишь деньги? — повернулась Анна к Князеву.

— Куплю хорошее снаряжение и осуществлю свою давнюю мечту, — ответил он.

— Какую?

— Попробую свои силы в высотном альпинизме. Поеду в Гималаи.

— Неужели прямо на Эверест?

— Нет, — усмехнулся Князев, — Эверест я, наверное, пока не потяну.

— А вы как распорядитесь премией? — спросила Анна у Кныша.

— Теплицу поставлю под помидоры и огурцы, — ответил старшина, почесывая затылок. — И моторку куплю, если деньги останутся.

— А ты, Кирилл?

Я молча пожал плечами.

— Ему квартиру надо выкупать у новосветского завода, — подсказал Кныш. — А то живет без прописки уже четыре года.

— А теперь ты сама ответь на свой вопрос, — предложил я Анне.

— Я? Если по справедливости, то меня следовало бы лишить этой премии за то, что я немножечко ошиблась... — и она виновато взглянула на Гришу.

— Ай-я-яй! — покачал он головой. — Что обо мне подумала!

— Не вышибай слезу, — сказал я Анне, — а отвечай прямо.

— Прямо? На эти деньги я еще раз приеду в близкий моему сердцу Судак и снова поселюсь на крыше у Кирилла.

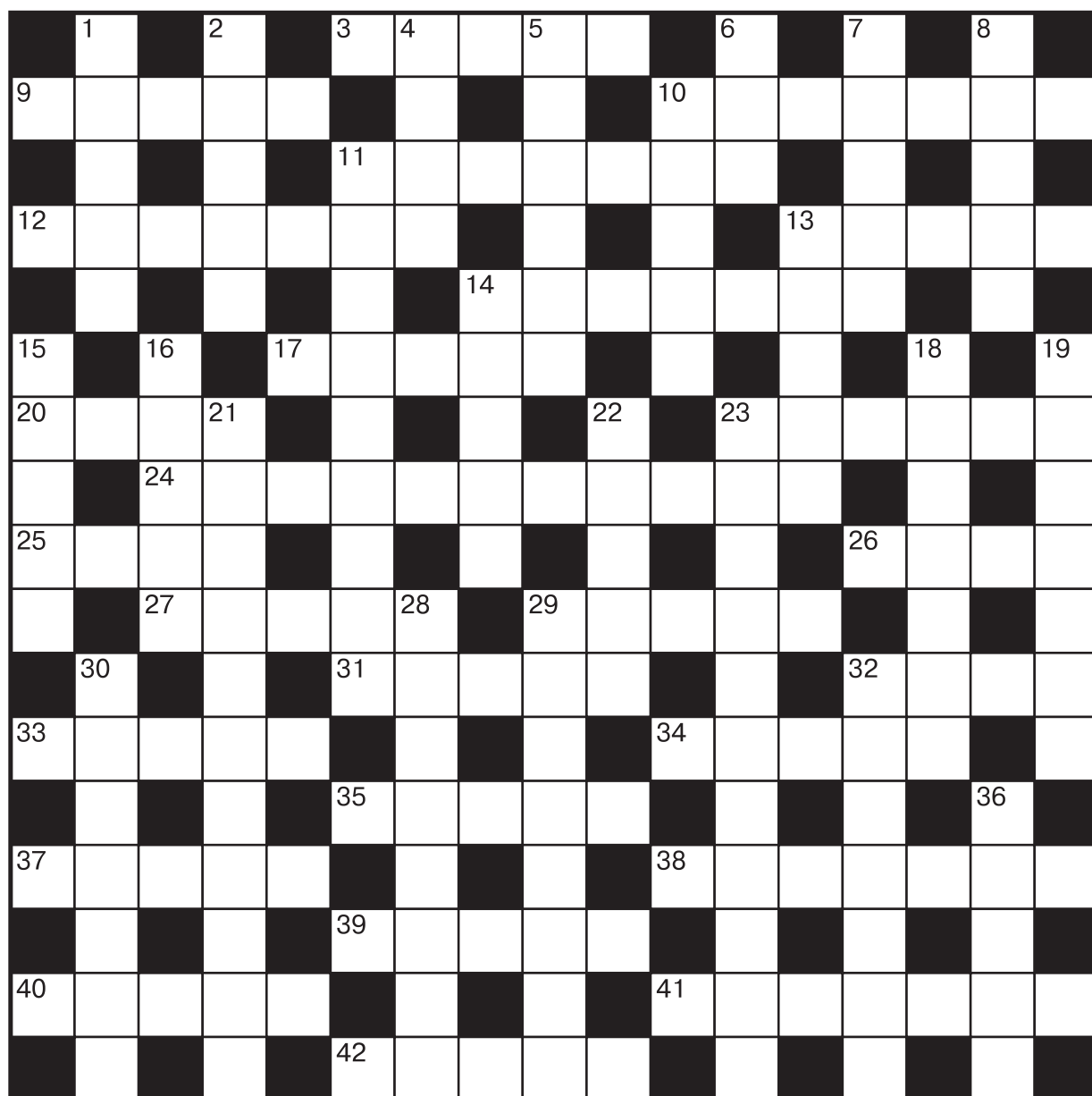
— За полдоллара в сутки? Не много ли десяти тысяч для этого?

— Так ты же не знаешь, как долго я хочу здесь пробыть.

— Bravo! — воскликнул Гриша и захлопал в ладоши.

Анна смотрела на меня через костер, и мне казалось, что тепло и свет идут от ее прекрасных глаз и нежной улыбки.... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какая старушка раскрыла во время чаепития немало преступлений? **9.** Что трудоголику дается с наибольшим напряжением сил? **10.** Кто предложил поплясать басенной стрекозе? **11.** Мировой музей с «лоджиями Рафаэля». **12.** Что «на грудь принимают»? **13.** Прическа, популярная у нефор-

мальных девушек. **14.** Чьи корни заменяют имбирь при изготовлении вермута? **17.** «Дверь» в плотине. **20.** Рыба с мужским именем. **23.** Станция из стихотворения про человека рассеянного у Самуила Маршака. **24.** «Штормовое предупреждение» с крыльями. **25.** Боевик про Данилу Багрова. **26.** Живот, победивший

талию. **27.** Какой из американских штатов занимает второе место по территории? **29.** К какой ясновидящей приходил в дом болгарский царь Борис? **31.** Мучной магазин на Руси. **32.** В отличие от пчел, шмели не оставляют ... в теле жертвы. **33.** «Хороший актер умирает на сцене». А где он воскресает? **34.** Инструмент для партии Утки из симфонической сказки «Петя и Волк». **35.** Кем в девять лет мечтал стать будущий супермен Марк Дакаскос? **37.** Для какой игры нужен не глаз, а алмаз? **38.** Геноцид в отношении «братьев наших меньших». **39.** «Борец за счастье трудового народа», подружившийся с таможенником Верещагиным. **40.** Потолок в расходах. **41.** «Какая гадость эта ваша заливная рыба!» (звезда нашего кино). **42.** Национальность Яшки из приключений неуловимых мстителей.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Уход лидера забега от преследователей. **2.** Какой съедобный гриб окрестили «золотом российских лесов»? **4.** Цвет чакр, что виден третьим глазом. **5.** «Нет

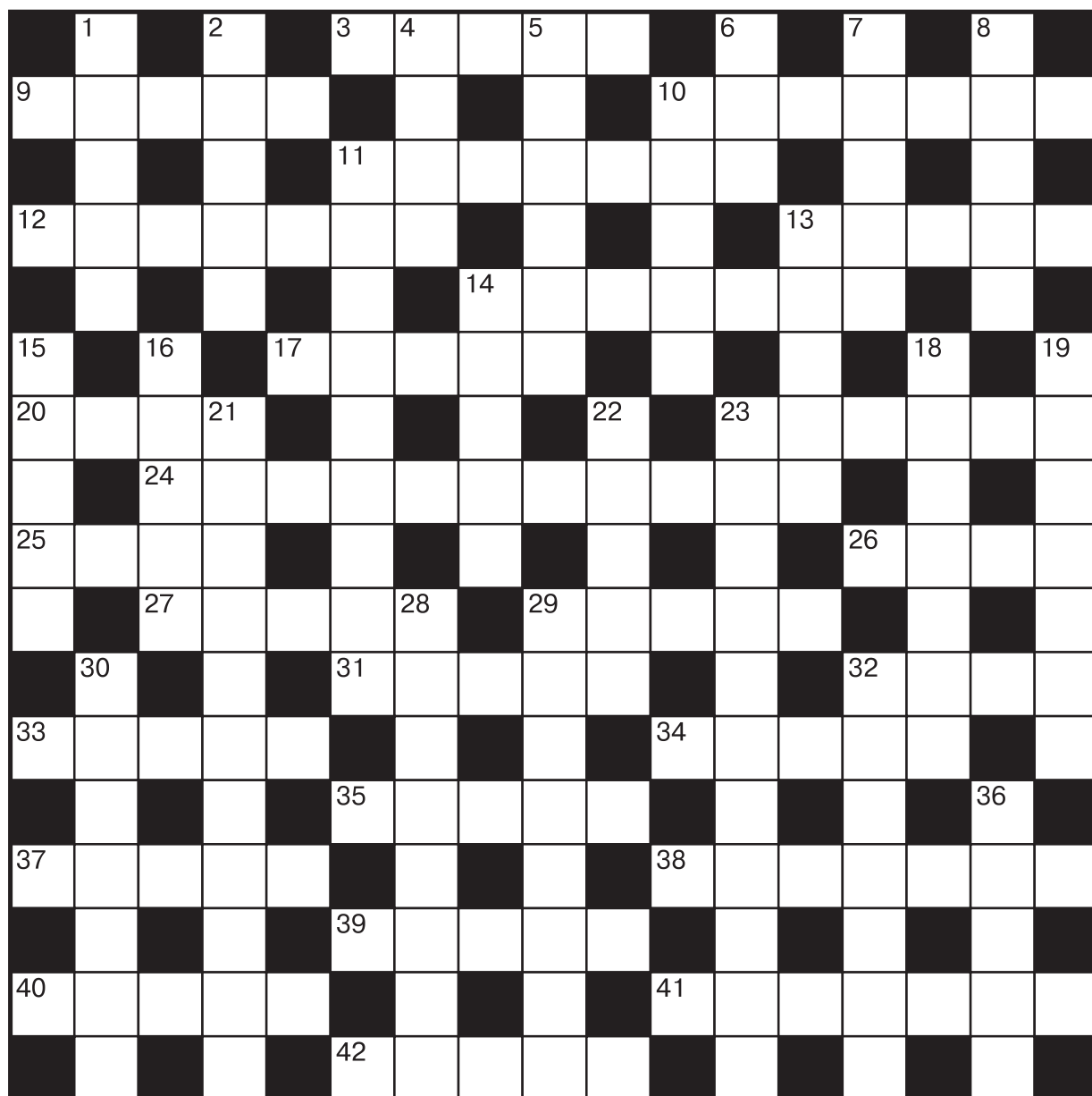
ничего более раздражающего, чем хороший ...» **6.** Японская поговорка гласит: «Хороший ... всегда здоров и его нет дома». **7.** Последний президент Чехословакии. **8.** «Свободу человек проявляет только в выборе зависимости» (классик). **10.** Мастер с краскопультom. **11.** Кто отталкивается лбом и затылком, сидя в кресле-качалке? **13.** «И, как ... в клетке тесной, дома буду горевать и Наташу вспоминать». **14.** Лучший сыщик без диплома из мультиков про Фунтика. **15.** Русский физик, придумавший якорную мину. **16.** «И радость моя, и моя беда» для Булата Окуджавы. **18.** Самый любимый цыган в СССР. **19.** Головомойка по служебной надобности. **21.** «Покорение расстояния». **22.** «Стеклянный бриллиант». **23.** Она достигла таких успехов, что здоровых людей просто не осталось. **28.** Сказочные гусли. **29.** С какой великой балериной дружила жена Александра Блока? **30.** Спящий бродяга. **32.** Деревня с расписными подносами. **36.** Что нужно баклану, чтобы взлетать и приземляться?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Рота. **6.** Якутск. **10.** Дуремар. **11.** «Гамлет». **12.** Брокер. **13.** Стеллаж. **14.** Дубай. **17.** Сыр. **18.** Абракадабра. **21.** Жирандоль. **22.** Шиндлер. **25.** Лотос. **26.** Алгеброид. **27.** Клад. **29.** Хабаров. **30.** Пчела. **31.** Ланцет. **33.** Инфарктик. **36.** Зуммер. **38.** Камю. **39.** Сенбернар. **40.** Банк. **41.** Ясли.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Рога. **2.** Тамбур. **3.** Бут. **4.** Вестибюль. **5.** Варлаам. **7.** Корж. **8.** Такт. **9.** Карп. **10.** Дедал. **12.** Балакирев. **14.** Дынин. **15.** Байдарочник. **16.** Артериола. **19.** Народ. **20.** Адвокат. **23.** Клеопатра. **24.** Скалозуб. **25.** Лайнсмен. **28.** Зазноба. **29.** Херес. **32.** Вклад. **34.** Каас. **35.** Жюри. **37.** Рем.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. В каком издательстве вышла первая книга рассказов Михаила Зощенко? **9.** Кто вместе с Тимоном спас Симбу? **10.** Арабская флейта. **11.** Кто из генералов предоставил Виссариону Белинскому поручительство о его «непринадлежности к тайным обществам», без которого будущий кри-

тик не смог бы поступить в Московский университет? **12.** Шань Тун из рассказа «Немейский лев» Агаты Кристи. **13.** Вулкан в Антарктиде. **14.** Какой дипломат из романа «Война и мир» Льва Толстого вставляет в свою французскую речь с презрением русские слова? **17.** Шелк без блеска. **20.** Отверстие для якорной це-

пи. **23.** Малый Тибет. **24.** «Господство на море». **25.** Славянский Плутон. **26.** Воздушный змей из спорта. **27.** «Принц» в созвездии Льва. **29.** Черноморский рак-отшельник. **31.** Казахский соус. **32.** Флейта индейцев Южной Америки. **33.** Глиняная жаровня в Византии. **34.** Кто переводил пророчества «дельфийского оракула»? **35.** «Обезьянья гора», некогда причислявшаяся к Геркулесовым Столбам. **37.** Песенное сопровождение фламенко. **38.** Супруга Перикла, которую современники окрестили «Милетской хищницей с собачьими глазами». **39.** Какого шахматного чемпиона считают «наследником Капабланки»? **40.** Кто среди щенков из мультфильма «101 далматинец» постоянно хочет кушать? **41.** Полька из XIX века. **42.** В каком романе Федор Достоевский исследует «своенравие случая»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Обкладка внутри плавильной печи. **2.** Старинный мошеник. **4.** Нобелеат, открывший онкогенные вирусы. **5.** Гребец среднего

ряда на античной триреме. **6.** Кого фанаты Курта Кобейна постоянно сравнивали с Йоко Оно? **7.** Мусульманские похороны. **8.** Исторический район Лондона, попавший в «Код да Винчи». **10.** Вратарь по прозвищу Тигр. **11.** Улица в древнеримском городе. **13.** Куда едет шикарный экспресс из фильма «Безымянная звезда»? **14.** Легендарное чудовище из озера Эри. **15.** Голубь для жарки на гриле. **16.** «Кальвин в созерцании» для Дмитрия Мережковского. **18.** Две фигуры на одной линии шахматной доски. **19.** Самый популярный танец в Пакистане. **21.** Какое устройство позволило ЦЕРНу из романа «Ангелы и демоны» заполучить антивещество в нужном объеме? **22.** Космический скафандр из СССР. **23.** Море с Генуэзским заливом. **28.** Кокосовая водка филиппинцев. **29.** Девичья фамилия матери Владимира Маяковского. **30.** Казак, ставший прототипом Григория Мелихова из «Тихого Дона». **32.** Верхушка карниза. **36.** Отвечающее нашим слабостям.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Рыба. **6.** Эредиа. **10.** Матрикс. **4.** Линьюй. **12.** Вуйчич. **13.** Октобас. **14.** Волер. **17.** Шин. **18.** Энгельгардт. **21.** Иалтабаоф. **22.** Чемпион. **25.** Мулла. **26.** Прасковья. **27.** Свип. **29.** Путанка. **30.** Мерль. **31.** Амулий. **33.** Отонароид. **36.** Токлас. **38.** Язов. **39.** Диплодион. **40.** Маль. **41.** Югэн.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Рэли. **2.** Бонбон. **3.** Бай. **4.** Драконбол. **5.** Октоген. **7.** Роус. **8.** Дача. **9.** Ахче. **10.** Мюзет. **12.** Вальденсы. **14.** Вилар. **15.** Лампротерия. **16.** Идромьель. **19.** Откуп. **20.** Обалдуй. **23.** Дракониды. **24.** Аспартам. **25.** Минускул. **28.** Кастель. **29.** Пилад. **32.** Орлов. **34.** Дзюг. **35.** Сван. **37.** Син.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

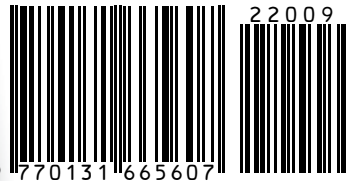
* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

22009

СМЕНА

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви».

Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№9 сентябрь 2022